

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065

4(28)
2018

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)

РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Россия), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т.
(Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Коротаев А. В.
(Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия),
Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С. (Казах-
стан), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (Россия), Теймури В. (Иран), Ур-
сул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2018.04.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Чумаков А. Н. Основные тренды мирового развития: реалии и перспективы	3
Гринин Л. Е. Революции, исторический процесс и глобализация	16
Сабден О. Сетевое управление: государство, наука, общество и их взаимодействие	30
Глушенкова Е. И. Идеи Н. Н. Моисеева в трудах современных российских обществоведов (к 100-летию со дня рождения академика Н. Н. Моисеева).....	39

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Залиханов М. Ч., Степанов С. А. Современный мир глобальных процессов в исследованиях Д. Марковича (к 85-летию со дня рождения выдающегося сербского ученого)	51
Куеллар Г. Шелковый путь: новая модель развития?	62
Бабаев К. Б., Кобиров М. З. Воздействие глобализации на культурную идентичность таджикских мигрантов в России	70

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Хоффман Г. Л. Работа в области политического анализа по разрешению конфликтов в глобальном мире	79
Магомедов Д. С. Терроризм как глобальная угроза XXI в.: теоретические развилки осмысления	93
Пивень П. В. Цифровое рабство или электронный рай?	107
Курбачёва О. В. Проблема этнических конфликтов в условиях глобальной нестабильности	114

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Стожко Д. К. Гражданская война как политический феномен (к 100-летию начала Гражданской войны в России)	125
Голева Р. В. Недропользование и проблемы устойчивого развития России	137
Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности	145
Гезалов А. А., Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Статус и миссия университета в постмодерне	152
<i>Contents</i>	159

ТЕОРИЯ

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чумаков А. Н.*

В статье анализируются ключевые параметры развития современного мира, его архитекtonика и наиболее важные тенденции развития. Рассматриваются также современные коммуникации и принципы взаимодействия различных общественных систем, составляющих в своей совокупности все мировое сообщество. В итоге выделяются самые значимые культурно-цивилизационные системы – Запад, Китай, Исламский мир и Россия, которые олицетворяют собою четыре основных глобальных тренда или четыре вектора силы, принципиально влияющих на современное состояние и перспективы мирового развития. При этом подчеркивается, что у Запада и Китая есть обеспеченная объективными обстоятельствами глобальная стратегия. У Исламского мира имеется глобальная стратегия, но возможности ее реализации ограничены объективными обстоятельствами. У России нет глобальной стратегии и отсутствуют объективные возможности для ее формирования. Вместе с тем региональное влияние и в целом планетарное значение России столь велики, что в условиях глобальной взаимозависимости она серьезно воздействует на международную обстановку, существенно корректируя ход мировых событий.

Ключевые слова: глобальный мир, мировое сообщество, развитие, взаимодействие, сила, диалог, культура.

The article analyzes the main parameters of the modern world development, its architectonics and the most important development trends. Modern communications and principles of various social systems' interaction are also considered. As a result, the most significant cultural-cum-civilizational systems are distinguished – the West, China, the Islamic world and Russia, which represent four global trends or four vectors of power that fundamentally affect the current state and prospects of world development. At the same time, it is emphasized that the West and China have a global strategy provided by objective circumstances. The Islamic world has a global strategy, but the possibilities of its implementation are limited by objective circumstances. Russia does not have a global strategy and there are no objective opportunities to build it. At the same time, Russia's regional influence and global importance are so great that in the context of global interdependence it has a serious impact on the international situation, significantly adjusting the course of world events.

* Чумаков Александр Николаевич – д. ф. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, в. н. с. Института философии РАН, первый вице-президент Российского философского общества. E-mail: chumakov@iph.ras.ru.

Keywords: *global world, world community, development, interaction, power, dialogue, culture.*

Современные реалии глобального мира

Под влиянием многоаспектной глобализации современный мир кардинально меняется, обнаруживая при этом все более явную тенденцию к обострению противоречий как на глобальном, так и на региональном, локальном (национальном) уровнях. Термин «глокализация», активно вошедший в научный оборот с начала нашего столетия, достаточно хорошо отражает суть данной ситуации, описывая взаимовлияние глобального и локального, единичного и общего, национального и общечеловеческого в процессе взаимодействия различных общественных систем [Global... 2014: 242]. На локальном и региональном уровнях это проявляется в росте сепаратизма, в стремлении национальных государств усилить свои позиции, в миграционном кризисе и провале политики мультикультурализма на просторах Европейского союза, в обострении ситуации на Корейском полуострове и т. п. В планетарном масштабе также усиливается нестабильность международных отношений, увеличивается напряжение, обостряются разногласия, ярким выражением чего является нарастающая политика санкций, перманентные торговые войны, расширение сфер применения «мягкой силы» или, например, ведение гибридной войны. Неменьшую обеспокоенность вызывает и постоянная угроза ядерного конфликта.

Все это не может не вызывать растущего беспокойства как на уровне широко-го общественного сознания, так и в научных кругах [Chumakov, Gay 2016: 9–22]. При этом устоявшееся мнение о том, что человек за всю историю своего существования еще никогда не подвергался такой опасности, как теперь, соотносится обычно с такими явными и бесспорными глобальными проблемами, как угроза ядерной войны, экологический кризис, международный терроризм и т. п. И хотя это действительно так, суть проблемы только к этому не сводится. Дело заключается теперь уже не только в наличии ядерного оружия, которое и в самом деле плохо контролируется, грозя человечеству реальной возможностью самоуничтожения, и даже не во все возрастающем воздействии человека на окружающую среду или терроризме, вышедшем на глобальный уровень. Главная проблема заключается в самом человеке, как это было вполне очевидно уже В. И. Вернадскому, А. Печчеи или, например, Н. Н. Моисееву [Вернадский 1988; Моисеев 1998; Печчеи 1980; Global... 2017: 322–324, 255–257]. И эта опасность, которая сегодня многократно возрастает в силу стремительно развивающейся информационно-технологической революции, сводится к тому, что ко всему комплексу глобальных проблем современности добавляется теперь новая угроза – кардинальное и быстрое изменение архитектоники мировых связей и отношений, тогда как мировое сообщество демонстрирует свою полную неспособность адекватно реагировать на эти перемены. Об этом же говорят и авторы серьезного исследования по истории технологий и их будущего, когда отмечают, что «научно-технический прогресс... в целом имеет тенденцию к ускорению. А вместе с ним ускоряется и исторический процесс, за которым ни индивидуальное, ни общественное сознание не может угнаться» [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015: 13].

Главными причинами такого положения дел являются, с одной стороны, предельная сложность проблем, требующих согласованных и адекватных решений на

глобальном уровне, а с другой – двойственная, биосоциальная природа человека, который воплощает в себе не только хорошее, но и плохое: добро и зло, любовь и ненависть, миролюбие и агрессию и т. д. Конечно же, в историческом контексте, по мере цивилизационного развития, можно говорить об определенных позитивных переменах в поведении людей. Так, в частности, культура, воспитание, образование и просвещение делают человека более гуманным, терпимым, толерантным [Чумаков 2011; 2015]. Однако в нем сохраняется и то, что предопределено естественной, биологической природой, на уровне генетического кода. Именно здесь в значительной степени кроются его борьба за выживание, стремление к доминированию, агрессивность, решение проблем с позиции силы и т. п.

Тем же самым характеризуется и поведение отдельных сообществ – от небольших групп до национальных государств – и всевозможных их альянсов. Вот почему и сегодня мировое сообщество являет собой пеструю картину всевозможных общественных структур, находящихся на разных стадиях своего развития, когда сплошь и рядом соседствуют дикость, варварство и цивилизация [Урсул 2016]. К тому же они зачастую так переплетены, что трудно различить, где заканчивается одна и начинается другая стадия развития. А между тем и без того перенаселенная планета продолжает уплотняться за счет все возрастающего населения. И это притом что ресурсы Земли, необходимые для обеспечения жизнедеятельности людей, не только ограничены, но и распределены, как и население планеты, неравномерно. Отсюда явная и скрытая борьба, которая непрерывно идет за доступ к ресурсам, и нет оснований полагать, что в обозримой перспективе конфликт интересов ослабнет, а противоборство будет затухать.

Таким образом, вполне очевидно, что процессы глобализации принципиально повлияли на архитектуру мирового сообщества, сделав его полностью планетарным явлением, а отношения, связи, коммуникации и информационные потоки – трансграничными. Все это дает основание рассматривать теперь человечество в качестве единой, целостной системы относительно практически всех параметров общественной жизни. К тому же важно подчеркнуть, что национальные государства, которых насчитывается уже около 200, перестали быть единственными субъектами международных отношений, поскольку в таком же качестве выступают теперь и множество международных организаций, транснациональных корпораций, в том числе и криминальных, связанных с международной преступностью и терроризмом, наркоторговлей и т. п. При этом весь данный мир с множеством взаимодействующих и противоборствующих субъектов, как и прежде, в основном лишь стихийно саморегулируется и никак не управляется. Данное обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку, не имея адекватной системы управления, мировое сообщество перед лицом принципиально новых вызовов и задач все больше втягивается в ситуацию неопределенности и нарастания противоречий.

По сути, это главная опасность для человечества, поскольку многочисленные экономические, политические, социальные и иные проблемы, вырастая до глобальных масштабов, выходят из-под контроля национальных государств и не получают адекватного решения. Национальные же государства сегодня являются главными субъектами международных отношений. А поскольку каждое из них преследует в первую очередь собственные цели, то это приводит к столкновению их интересов, которые они отстаивают всеми доступными им средствами. В итоге

многочисленные разногласия и конфликты на международной арене решаются в основном, как и прежде, с позиции силы. При этом сила не всегда используется непосредственно или выступает в грубой и неприкрытой форме. Зачастую, особенно в политике и экономике, принуждение происходит теперь посредством косвенного воздействия, именуемого «мягкой силой».

Новые инструменты мировой политики

Примеров эффективного использования «мягкой силы» множество – от всепроникающего влияния киноиндустрии Голливуда до проведения международных спортивных состязаний, обучения иностранных студентов или торговых систем типа «Макдоналдс». Весьма показательной в этом отношении является международная деятельность Китая в гуманитарной сфере, где активно используется культурная «мягкая сила» в отношениях с различными государствами. Так, учрежденный по китайской инициативе Всемирный культурный форум (Тайху) стал не только заметным явлением мировой культурной жизни, но и важным фактором влияния с позиции «мягкой силы» на общественное сознание во многих странах мира [Чумаков 2014; Ту Вэймин 2014].

Еще одним направлением использования культурной «мягкой силы» в современном мире является философия, которая, казалось бы, далека от реальной практики принятия конкретных решений. Но это не совсем так, что особенно хорошо видно опять-таки на примере Китая. Еще недавно он не придавал большого значения данной сфере общественной жизни, когда дело касалось международных отношений. Но за последние годы ситуация стала кардинально меняться. В частности, во Всемирных философских конгрессах, которые регулярно проводятся с 1900 г. через каждые пять лет, участие китайских философов до последнего времени было незначительным. Однако уже на XXII Всемирном философском конгрессе, который впервые за всю историю их проведения состоялся в Азии (в Сеуле) в 2008 г., китайская делегация была уже одной из самых представительных. И хотя в руководстве секций, круглых столов и симпозиумов на этом конгрессе китайских философов было еще совсем мало, а также их не было и среди пленарных докладчиков, влияние китайской философии на работу конгресса было уже хорошо заметным. Через пять лет, на XXIII Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в 2013 г. в Афинах (Греция), ситуация еще больше изменилась. На этот раз китайская делегация по своей численности была уже на четвертом месте после Греции, России и США. При этом китайские философы были широко представлены в работе многих секций и круглых столов, где они очень активно выступали. Руководитель китайской делегации профессор Ту Вэймин руководил большой секцией «Confucian Philosophy», а также выступил с докладом на Генеральной ассамблее Международной федерации философских обществ и стал одной из наиболее значимых фигур на конгрессе. Все это существенно повлияло на то, что следующий XXIV Всемирный философский конгресс по решению Генеральной Ассамблеи Всемирной федерации философских обществ состоялся в августе 2018 г. в Пекине. Несомненно, это большой успех современной китайской философии, который является хорошим примером использования культурной «мягкой силы» на международном уровне в гуманитарной сфере.

Значительные надежды на решение международных проблем, как и прежде, возлагаются на Организацию Объединенных Наций и ее многочисленные струк-

туры. Однако с тех пор, как была создана эта организация, кардинально изменились и время, и обстоятельства. Сегодня ООН оказывается практически бессильной перед лицом современных вызовов, поскольку создавалась она в иное время и для решения других задач – прежде всего для погашения военных конфликтов и предотвращения новой мировой войны посредством исполнения *регулятивных функций* на мировой арене. Теперь же обстоятельства настоятельно требуют *управления* глобальным миром, но возможности практической реализации такой задачи остаются туманными, поскольку данная проблема не получила пока еще даже теоретического решения. Иными словами, вопрос о принципиальной возможности управления мировой общественной системой остается открытым. Отсюда нет оснований полагать, что реформа ООН сама по себе может что-то кардинально изменить в этом отношении, хотя определенные попытки реагировать на актуальные вызовы современности так или иначе периодически предпринимаются.

В итоге появляются все новые глобальные и региональные наднациональные структуры, такие, например, как Европейский союз, ВТО, Всемирный банк, Шанхайская организация сотрудничества, «Большая семерка», «Большая двадцатка» и др. Однако следует иметь в виду, что все эти и подобные им организации создаются для обеспечения согласованных действий на глобальном или региональных уровнях. И следует признать, что с такого рода задачами они в той или иной мере справляются. Вместе с тем основное противоречие современной эпохи, как было сказано выше, такие организации не могут решить в принципе, поскольку их реальные возможности несоизмеримо меньше тех, которые требуются на глобальном уровне применительно ко всему человечеству, да еще и в различных сферах общественной жизни. И в самом деле, все они имеют отношение только к отдельным сферам человеческой деятельности, да к тому же, как правило, охватывают лишь часть человечества или какой-то регион. При этом все они достаточно автономны и не представляют мир в целом, во всех его ипостасях, без чего ни о каком глобальном управлении не может быть и речи. В мировом масштабе такие организации способны выполнить в лучшем случае некоторые функции регулирования, но не предназначены для управления мировой системой как единым целым и потому не имеют возможностей для этого.

Именно этим можно объяснить то, что практически все глобальные проекты последнего времени, среди которых наибольшую известность получили «политика мирного сосуществования», «концепция устойчивого развития», идея «ноосферы», «политика мультикультурализма» и т. п., не приводят к желаемым результатам и чаще всего оказываются несостоятельными, поскольку не обеспечены соответствующими механизмами реализации такого рода идей. Отсюда можно заключить, что конфликт интересов в глобальном мире и далее будет усиливаться, а все большая открытость и доступность информации, которая стала сегодня важнейшим ресурсом и эффективным инструментом управления общественными процессами, будут этому способствовать.

Архитектоника и коммуникации планетарного сообщества

То, что устройство современного мира непосредственно предопределено его содержанием, представляется очевидным. Именно характер и структура мирового порядка, а также реальный расклад сил в мировом сообществе в значительной

мере предопределяют итоги столкновения бесчисленного количества интересов, которые на глобальном уровне пытаются реализовать различные субъекты международных отношений. При этом принципиальное значение обретает вопрос о современном и будущем устройстве нашего мира, который при всех несовершенствах и противоречиях, присущих не только ему, но и самому человеку, мог бы гарантировать будущему мировому сообществу и всей планете в целом если не благополучное, то хотя бы как минимум приемлемое существование. В этой связи следует подчеркнуть, что человеку нет надобности создавать рай на Земле, поскольку все, что обычно ассоциируется с раем, уже существует, причем именно здесь, на нашей планете. И создано все это по большей части без преобразующей деятельности человека. Иными словами, на Земле есть абсолютно все, в чем люди нуждаются для их полноценной, счастливой и полной радости жизни. А вот если этот мир становится для людей некомфортным или непригодным для жизни, а то и вовсе адом, это уже проблема по большей части не природного свойства, а самого человека. Потому вполне можно согласиться с М. С. Горбачевым, когда он формулирует положение принципиальной важности: «Как *научиться жить самим, давая жить “по-своему” другим* – такова основная идея и проблема глобализации» [Горбачев 2005: 9].

В этой связи можно и нужно уповать на диалог, который в современных условиях нередко перемежается с «мягкой силой», а то и с применением санкций, которые, в отличие от горячих конфликтов, оставляют место диалогу. Несомненно, санкции – это плохо, поскольку они наносят вред не только той стороне, против которой направлены, но и стороне, использующей такие меры воздействия. Однако нельзя не признать и того, что в условиях жесткого противостояния и острой борьбы на международной арене, где отсутствует эффективное правовое регулирование, а главным арбитром выступает военная сила, санкции оказываются все-таки меньшим злом, чем военное решение проблем. Иными словами, в такой ситуации они, конечно же, создают серьезное напряжение, но в то же время и удерживают общественные отношения в рамках относительно умеренной конфронтации и цивилизационного развития.

При этом важно подчеркнуть, что диалог, а тем более санкции, сами по себе проблем не решают, поскольку выступают лишь средством, инструментом, формой взаимодействия на пути к их разрешению. Главный же результат, на который можно рассчитывать в итоге диалога, в значительной степени предопределяется условиями, в которых он протекает. Примером, подтверждающим сказанное, может служить глобальное противостояние в XX в. двух общественно-политических систем – капитализма и социализма. Непримируемая борьба этих двух основных антагонистических по своей природе полюсов разнонаправленных сил в основном и предопределяла ход мировых событий прошлого века. Страны третьего мира, часть из которых именовали себя «неприсоединившимися», были в массе своей аморфным и не скрепленным какой-либо общей идеологией конгломератом, что делало их в известной степени объектом влияния и манипулирования со стороны двух упомянутых выше блоков. Таким образом, в биполярном мире диалог между противоборствующими сторонами хотя и был сильно идеологизированным и предельно заостренным, тем не менее играл исключительно важную роль в деле сохранения мира и недопущения ядерной войны. В итоге следует при-

знать, что в тех условиях это было пределом возможностей мирного решения противоречий.

Заметим также, что относительно мирное завершение того этапа холодной войны стало результатом в том числе и напряженного диалога, который не прекращался фактически все время противостояния двух систем, то есть двух полюсов антагонистических идеологий и военной конфронтации. Распад социалистической системы кардинально изменил соотношение сил на международной арене. Не последнюю роль в этом сыграла также глобализация, в результате чего прежний порядок вещей на планете уступил место новому, когда глобальный мир «переполюсовался» и стал на определенное время фактически однополярным. Во всяком случае, так это виделось многим на Западе, что наиболее ярко выразили в 1990-е гг. в своих работах такие известные политологи, как Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, Ч. Краутхаммер, Дж. Чейз и др. Так, например, Фукуяма в получившей широкую известность статье «Конец истории» писал: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели, не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [Фукуяма 1990: 134].

При этом особая и первостепенная роль в исторической миссии Запада безоговорочно отводилась США. В изложении российского политолога А. С. Панарина такое положение дел поясняется следующим образом: «Именно: чтобы оставаться внутри себя демократически открытым и процветающим обществом, подтверждающим ожидания морали успеха, США неизбежно предстоит превратиться в завоевательное империалистическое общество, готовое прибрать к рукам ресурсы остального мира, а сопротивление последнего подавить силой... Именно поэтому окончание холодной войны, вместо того чтобы стать основанием демилитаризации Америки и отказа от силовых методов в политике, стало отправной точкой глобального проекта овладения миром» [Панарин 2000: 106]. И в самом деле, практически не имевший в то время противовеса западный мир, в частности Соединенные Штаты, стал восприниматься как единственный полюс и безальтернативный центр силы, только и способный поддерживать мировой порядок. Такая позиция достаточно четко была выражена Ч. Краутхаммером, который на завершающем этапе распада СССР заявил, что «в грядущие поколения, возможно, и появятся великие державы, равные Соединенным Штатам. Но им это не удастся. Не в эти десятилетия. Мы переживаем момент однополярности» [Krauthammer 1991: 23–24].

Подобное настроение и аналогичное мнение о роли и историческом предназначении США в мировых делах шестью годами позже выразил также известный американский политолог З. Бжезинский. Он еще более четко сформулировал суть данной позиции, когда писал: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки» [Бжезинский 1998: 40–41]. Вместе с тем

следует подчеркнуть, что уже в данной книге автор предпринимает попытку критического осмысления перспектив сохранения лидирующих позиций США, предполагая, что представление об однополярном мире в перспективе вряд ли будет соответствовать реальному положению дел. Так, в частности, говоря о всеобъемлющей и скоординированной геостратегии в отношении Евразии, З. Бжезинский отмечает, что такая стратегия «должна опираться на признание границ эффективного влияния Америки и неизбежное сужение с течением времени рамок этого влияния... И поскольку беспрецедентное влияние Америки с течением времени будет уменьшаться, приоритет должен быть отдан контролю за процессом усиления других региональных держав, с тем, чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Америки в мире» [Бжезинский 1998: 234].

Тогда же, во второй половине 1990-х гг., стали высказываться еще более критические взгляды на однополярное устройство мира; причем не только на постсоветском пространстве, но и на Западе. Так, в частности, С. Хантингтон в своей известной работе «Столкновение цивилизаций» писал буквально следующее: «Политика в мире после “холодной войны” впервые в истории стала и многополюсной, и полицивилизационной» [Хантингтон 2003: 16]. Не менее четко свою позицию сформулировал и постоянный представитель Японии в ООН Х. Овада, который и вовсе заявил, что «однополярный мир является опасным заблуждением; на самом деле порядок в мире не может диктоваться волей лишь одного полюса, каким бы могущественным ни был этот полюс в сравнительном плане» [Owada 1998: 56].

Суммируя, можно сказать, что к концу XX в., когда в основном закончилось переформатирование мирового порядка, позиции Запада явно усилились. В то же время негативные последствия войны в Ираке, массированная террористическая атака на США 11 сентября 2001 г. и все более четкое оформление межгосударственных отношений на постсоветском пространстве, равно как и усиление роли и влияния на международной арене ряда развивающихся стран, в особенности в Юго-Восточной Азии, существенно ослабили позиции сторонников концепции однополярного мира. Становилось все более очевидным, что такие взгляды не соответствуют реальному положению дел на мировой арене. И также все больше приходило осознание того, что не только США, но и западный мир в целом не способны выполнять роль мирового жандарма или хотя бы арбитра в мире, где окончательно установились глобальные связи и отношения. И тот факт, что у стран Запада больше возможностей по сравнению с другими странами или их объединениями влиять на мировую политику, вовсе не означает, что у них есть реальные возможности и в самом деле быть полноправными хозяевами положения дел на мировой арене. Отсюда, поскольку решающего голоса, или, образно выражаясь, «контрольного пакета акций», сегодня нет явно ни у кого и каждый субъект международных отношений играет свою роль в зависимости от его места и положения в мировом сообществе, то и разговоры об однополярном мире потеряли свою актуальность. Сказанное вовсе не означает, что по отдельным параметрам общественной жизни, например, по военному потенциалу или по валовому национальному продукту, у той или иной страны не может быть явного приоритета над другими; однако по совокупности всех явных и неявных, духовных и материальных, реальных и потенциальных возможностей абсолютным, а тем более

стабильным и долговременным преимуществом не обладает ни одна страна или какой бы то ни было их альянс.

В итоге мы наблюдаем ситуацию, когда глобальный мир не имеет единого во всех отношениях центра принятия решений. В этой связи можно было бы провести аналогию со словами Н. Кузанского, который еще в XV в., рассуждая о бесконечности мироздания, утверждал, что в нем нет раз и навсегда установленного центра и правильно было бы говорить, что он «везде и нигде» [Кузанский 1979: 134]. По существу именно так обстоит дело и теперь в глобально взаимосвязанном мире. В нем есть определенный перевес одних сил над другими, но нет постоянства в раскладе этих сил, если иметь в виду различные субъекты международных отношений. В действительности одни из этих субъектов усиливаются, другие ослабевают, в том числе и за счет обретения или потери союзников, объединения, кооперации или, напротив, расставания с кем-то. В таких условиях можно как обрести, так и потерять поддержку и расположение к себе, а можно и просто занять выжидательную позицию в готовности примкнуть к более сильной стороне в тот или иной выгодный для себя момент. Именно так и поступают, как правило, взаимодействующие субъекты, руководствуясь собственными интересами и своим реальным положением в системе международных отношений. В конечном же счете итогом сложения всех этих разнонаправленных векторов поведения становится то, что центров влияния и принятия решений в глобально устроенном мире оказывается много. При этом реальный расклад в отношениях между ними постоянно меняется, варьируя от тесной кооперации до жесткого противостояния. И нередко реальный центр принятия решений оказывается не там, где он декларируется или подразумевается, а совсем в другом месте, к тому же и не слишком афишируемом. Можно сказать в итоге, что мы вступили в эпоху особого мироустройства и таких отношений, которые характеризуются полицентризмом, многополярностью и многократно возросшей мобильностью.

Основные тренды мирового развития

Итак, приходим к тому, что при все нарастающей глобальной взаимосвязанности человечество не только не преодолело прежней раздробленности, но еще больше впуталось в клубок противоречий, представляя собою пеструю картину разнонаправленных сил. При этом абсолютное большинство субъектов международных отношений занято решением в основном тактических задач локального и регионального масштаба. Иметь же амбиции глобального уровня, тем более выстраивать стратегические планы, располагая реальными возможностями для их реализации, могут позволить себе лишь единицы. Как следствие, жесткая борьба за лидерство на этом уровне ведется с использованием всех возможностей и ресурсов между четырьмя основными центрами влияния. Иными словами, речь идет о *четырёх культурно-цивилизационных системах*, представляющих собою *четыре вектора силы мирового масштаба*, или *четыре основных глобальных тренда*, которые уже сегодня в наибольшей степени воздействуют на развитие мировых процессов и реально имеют серьезные возможности кардинально повлиять на облик глобального человечества и планетарной конструкции в целом.

В приоритетном порядке такие *культурно-цивилизационные системы*, место, роль и значение которых в мировых делах, бесспорно, имеют глобальное измере-

ние, следует расположить следующим образом: страны Запада, или обобщенно – *Западный мир; Китай; Исламский мир и Россия*.

При этом как *Запад*, так и *Китай* имеют амбиции, соответствующие идеологии и потенциальные возможности стать мировым гегемоном, к чему они, несомненно, стремятся. Разница лишь в том, что если высокотехнологичный, «разветвленный», но по политико-экономическим и цивилизационным основаниям в общем-то единый Запад заявляет об этом явно и словом, и делом, то перенаселенный и уверенно наращивающий свой экономический потенциал Китай стремится выстраивать свои глобальные стратегии, явно не афишируя их.

Исламский мир, при всем его разнообразии и разноплановости, также имеет соответствующую идеологию и амбиции планетарного масштаба. Достаточно сослаться на его стремление к максимальной исламизации планеты. Однако его глобальная стратегия ограничена объективными обстоятельствами, лишаящими ислам возможности для реализации данной идеи. Помимо серьезных разногласий и противоречий внутри самого ислама, эта религиозная система практически не имеет возможности для своего экстенсивного распространения в мировом сообществе уже хотя бы по той причине, что необходимые для этого свободные профессиональные ниши на планете отсутствуют. А поскольку у ислама в принципе нет перспектив решения такой задачи, то это толкает его наиболее радикальные течения на путь террора и насилия. В этом можно усмотреть их стремление найти применение своей нереализованной пассионарности. Схожее объяснение корней терроризма, но с несколько иных позиций, дает В. Г. Федотова, которая, в частности, пишет: «Приняв западный консьюмеризм, исламский мир не принял его социальных и культурных ценностей... такая позиция мусульман-террористов, получивших все от Америки, возникла из-за того, что они увидели, что у их народов нет шансов» [Федотова 2005: 303].

Что касается *России*, то в силу сложившихся в постсоветский период объективных обстоятельств у нее, в отличие от СССР, нет ни глобальных амбиций, ни соответствующей идеологии, а потому нет и глобальной стратегии, целенаправленно ориентированной на изменение или хотя бы какое-то преобразование всего мира. Вместе с тем геополитическое положение, военно-промышленный потенциал, ядерный комплекс и космические программы, а также региональное влияние и роль России на постсоветском пространстве столь велики, что в условиях глобальной взаимозависимости ее внешнеполитическая деятельность является весьма серьезным фактором воздействия на ход мировых событий.

Характеризуя названные выше четыре культурно-цивилизационные системы, представляющие собою четыре разнонаправленных вектора в системе мирового развития, отметим также и то, что ни один из этих векторов не может быть кардинально изменен в результате внешнего, тем более исключительно силового воздействия. А это означает, что как минимум на обозримую перспективу противостояние и борьба в первую очередь между этими четырьмя центрами силы продолжатся, и нет причин рассчитывать на их ослабление [Ильин, Урсул 2016]. И хотя множество других, менее значительных центров сил и принятия решений могут быть тем или иным путем принуждены к определенной линии поведения, в целом это глобальному миру стабильности не добавит.

Таким образом, если задаться вопросом, возможна ли принципиальная, снижающая антагонистические противоречия интеграция с Западом, и если возмож-

на, то как, на какой основе, ответ будет однозначным – такое может произойти не иначе как на платформе данной культурно-цивилизационной системы. Иными словами, лишь только на условиях Запада, поскольку он не может отказаться от своих принципов и ценностей, не утратив при этом своей идентичности.

Точно так же и в вопросе об интеграции с Китаем. Ни о какой иной интеграции с ним, кроме как на его платформе и на его условиях, не может быть и речи. Китайцы тысячелетиями воспроизводят свою оригинальную культуру, ценности и традиции, которые, разве что с некоторыми вариациями, будут воспроизводиться столько, сколько будет существовать Китай.

Аналогичный ответ на сформулированный выше вопрос будет и касательно Исламского мира, поскольку его ценности, нормы морали и образ жизни, жестко детерминированные Кораном, лишь предлагаются другим в изначальном и неизменном виде, тогда как собственные трансформации, тем более под влиянием внешних обстоятельств, абсолютно исключены.

Наконец, таким же вопросом зададимся и относительно России. Кто и как мог бы основательно, на прочной и долговременной основе интегрироваться с нею? Оставляя открытым вопрос касательно ближайших соседей нашей страны, можно констатировать, что после утраты обращенной ко всему миру коммунистической идеологии у нее теперь нет такой концепции, которую она могла бы предложить всему человечеству в качестве перспективной модели исторического развития. И более того, прежде чем предложить остальным народам мира привлекательную и приемлемую основу для всеобщего объединения, России необходимо еще как минимум сформулировать собственную стратегию развития, задающую вектор поступательного движения в будущее.

С учетом сказанного можно заключить, что диапазон возможных сценариев развития для современного мира в целом находится в пределах между плохим и худшим. Отсюда весьма разнородные и постоянно противоборствующие всевозможные общественные системы, образующие мировое сообщество, могут рассчитывать на согласованность действий лишь в отдельных случаях, приходя к этому путем многочисленных переговоров, согласований, сопоставления своих позиций, интересов и т. п. При этом метод проб и ошибок не только не исключается, но и продолжает оставаться нормой. Также в обозримой перспективе не видно конца внутривнутриполитическим и международным конфликтам, усилению торговых, информационных, кибернетических войн, с тем лишь уточнением, что революционные преобразования культурно-цивилизационных систем не только нежелательны, но и крайне опасны для международной стабильности [Махаматов 2017: 60]. К тому же при сложившемся раскладе сил и появлении все более совершенных средств и технологий манипулирования общественным сознанием наступление такого рода событий становится все менее вероятным. Также и в духовной сфере, где остро стоит вопрос о формировании нового гуманизма и пересмотре существующей системы ценностей, изменения, скорее всего, будут происходить хотя и с ускорением, но преимущественно эволюционным путем.

Конечно, экономические интересы и политические разногласия, равно как и культурные особенности разных народов, всегда будут лежать в основе противоречий, порою острейших, и здесь не должно быть иллюзий. Но отсутствие общих целей и подходов для их достижения, равно как и принципов, ценностных установок и приемлемого языка общения всегда будет непреодолимым препятствием

на пути если не полного единения, то хотя бы взаимопонимания стран и народов в условиях, когда от этого никто не может уклониться. Таким образом, мировое сообщество стоит сегодня перед необходимостью серьезных, и прежде всего мировоззренческих, ценностных, духовных, перемен. Как никогда прежде оно нуждается теперь в глобальной цивилизационной революции, которая стала бы мощным импульсом формирования глобального гражданского общества, а в международных отношениях запустила бы процесс перехода от права силы к силе права. Пожалуй, это наиболее приемлемый путь дальнейшего развития, чтобы человечество могло рассчитывать на стабильную международную безопасность и построение нового мирового порядка, отвечающего современным реалиям и перспективам мирного сосуществования и устойчивого развития.

Литература

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 1998.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988.

Горбачев М. С. Нет проблемы важнее и задачи труднее, чем эта // Диалог цивилизаций. Повестка дня. М. : ИФ РАН, 2005.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Учитель, 2015.

Ильин И. В., Урсул А. Д. Образование, общество, природа: эволюционный подход и глобальные перспективы // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2016. № 1. С. 93–94.

Кузанский Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1979.

Махаматов Т. М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 55–61.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : МНЭПУ, 1998.

Панарин А. С. Искушение глобализмом. М. : Русский Национальный Фонд, 2000.

Печчеи А. Человеческие качества. М. : Прогресс, 1980.

Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности Восточно-Азиатской модели современности // Век глобализации. 2014. №1(13). С. 3–12.

Урсул А. Д. Становление устойчивой цивилизации: новые глобальные цели // Философия и общество. 2016. №1(78). С. 29–56.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Чумаков А. Н. Культура в условиях глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2011. № 1–2. С. 105–121.

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 192–195.

Чумаков А. Н. Массовая культура как порождение и спутник глобализации // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2015. № 1–2. С. 120–131.

Chumakov A. N., Gay W. C. (eds.) *Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems*. Leiden, Boston : Brill-Rodopi, 2016.

Global Studies Directory: People, Organization, Publications / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Ilyin, I. I. Mazour. Leiden; Boston : Brill, 2017.

Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour, W. C. Gay. Amsterdam; New York, NY, 2014.

Krauthammer Ch. *The Unipolar Moment* // *Foreign Affairs*. 1991. Summer. Pp. 23–33.

Owada H. *The Problem of World Public Order* // B. Boutros-Ghali *Amicorum Discipulorumque Liber*. Vol. I. Bruxelles, 1998.

РЕВОЛЮЦИИ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*

Гринин Л. Е.**

В статье рассматривается роль революций в развитии исторического процесса и глобализации как составной части исторического процесса. Показано, почему изменился сам характер революций и резко возросло их значение с начала XVI столетия, то есть с началом промышленной революции и раннего Нового времени. Даются некоторые характеристики революций как феномена, анализируется, как росла роль революций в историческом процессе и глобализации и почему она стала снижаться со второй половины XIX в. (в плане важнейшей движущей силы прогресса). Анализируются роль революций в настоящее время, способы их использования как геополитического оружия, даются прогнозы.

Ключевые слова: глобализация, революция, исторический процесс, Реформация, раннее Новое время, геополитическое оружие, условия совершения революций, кризис, Мир-Система, рост и снижение роли революций.

The paper considers the role of revolutions in the development of historical process and globalization as the main component of historical process. It is shown why the nature of revolutions has changed and their significance has sharply increased since the beginning of the 16th century, i.e., with the beginning of the Industrial revolution and the Early Modern Period. The author gives some characteristics of revolutions as a phenomenon. He also analyzes how the role of revolutions increased in the historical process and globalization and why it began to decline in the second half of the 19th century (in terms of the most important driving force of progress). The paper examines the role of revolutions at present time and the methods of their use as a geopolitical weapon. The author gives some forecasts.

Keywords: globalization, revolution, historical process, Reformation, the Early Modern Period, geopolitical weapon, preconditions of revolutions, World-System, increase and decline of the role of revolutions.

Введение. О точке отсчета процессов. Революция как исторический феномен

Хотя по поводу того, когда началась глобализация, давно ведутся дискуссии [см. об этом в обстоятельном исследовании А. Н. Чумакова [2011]; см. также: Гринин 2011], тем не менее никто не оспаривает, что начало Великих географических открытий (конец XV – начало XVI в.) явилось в истории глобализации исключительно важным рубежом. Однако мало кому приходит в голову, что в очень близкое к этому периоду время начался и отсчет истории современных революций. Мы

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-11-00634).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского Центра мегаистории и системного прогнозирования.

подразумеваем начало Реформации в Германии, которой в 2017 г. исполнилось 500 лет¹. С нее можно начинать отсчет современных революций в Европе и в мире [о Реформации как первой революции см. подробнее: Гринин 2017a].

Мы имеем в виду революции нового типа, которые до XVI в. были практически неизвестны в истории. Конечно, если рассматривать революции как насильственную смену режима, то можно сказать, что они сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий, особенно в государствах полисного типа, в которых режимы могли меняться с олигархического (или тиранического) на демократический и наоборот². Однако производственная основа общества не менялась вслед за революциями, поэтому их прогрессивный эффект был намного слабее, чем в эпоху модерна, и их роль в историческом процессе была не слишком существенной.

С началом же Нового времени, то есть с конца XV в., начался и переход к новому – промышленному – принципу производства [см. подробнее: Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015a; Grinin, Korotayev 2015]. А вместе с этим постепенно возникла объективная необходимость сменить и другие отношения, поскольку иначе общество не могло создать простор для развития новых производительных сил. И именно революции могли способствовать слому отношений, которые этому развитию препятствовали. Они стали одной из ведущих движущих сил исторического процесса [см.: Гринин 1997; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015].

С этого времени можно говорить о них как о явлении, ставшем исключительно важным для разворачивания исторического процесса, как о способе реализации поступательного развития общества, слома препятствий на его пути, повышения его экономического, культурного и политико-правового уровня³. Иными словами, здесь мы рассматриваем революции не просто как способ смены политического режима, но как форму разрешения противоречий в обществах, которые в этот период являлись лидерами технологического, культурного и политического развития⁴.

И именно потому, что революции стали играть очень важную роль в историческом прогрессе, они также оказались тесно связанными с процессами глобализации.

Глобализация, естественно, неразрывна с разворачиванием исторического процесса, она делает его сцену масштабнее, создает как его единство, так и вариативность; одновременно процессы, идущие в тех или иных обществах и регионах, воздействуют на ход глобализации. В настоящей статье мы попытались наметить некоторые связи между тремя этими исключительно важными феноменами. (Добавим, что эта статья развивает тему, поднятую в нашей работе: Гринин 2017б.)

¹ 31 октября 1517 г. Мартин Лютер, доктор богословия Виттенбергского университета, публично вывесил свои знаменитые «95 тезисов», в которых выступил с резкой критикой существующих практик католической церкви, в частности продажи индульгенций.

² История некоторых регионов, например, эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти [см., например: Сорокин 1992; 1994].

³ Разумеется, поступательного только в конечном счете (поскольку революции оказались весьма затратным способом развития).

⁴ Однако позже, во второй половине XIX и XX в., революции стали в основном происходить не в центре Мир-Системы, а на ее полупериферии и периферии. В результате в связи с изменением своей роли в историческом процессе они могли переводить общество на немагистральный путь развития. Такими путями были социализм, фашизм (например, в Испании), такова была религиозная революция в Иране [см. подробнее: Гринин 2017г].

О некоторых условиях совершения революций. Для начала, развития и победы революции необходим целый ряд условий. Анализировать их все в настоящей статье мы не можем, тем более что это весьма дискуссионная проблема [анализ некоторых этих условий см.: Гринин 2017a]. Отметим только четыре, о которых говорят реже. 1. Наличие относительно новой или модифицированной идеологии (ее распространение может состояться до революции, а может произойти непосредственно во время нее). Революция в нашем понимании (в отличие от бунта или восстания) нуждается в новой или модифицированной идеологии. Именно такая идеология способна не просто сплотить массы (это могут сделать уже протестные настроения, обострение нужды и бедствий, нарастающее недовольство вследствие притеснений и несправедливости). 2. Необходимы какие-либо информационные технологии. Они важны по многим причинам: с их помощью распространяется революционная идеология, осуществляются агитация и привлечение сторонников. Несомненна связь между развитием информационных технологий и возможностью возникновения и распространения революции. Информационные технологии делают возможным быстрое распространение идеологии, а также разносят новости о революциях по миру, что является одной из характеристик развития глобализации. 3. Революции не могут происходить в обществах, где грамотными являются лишь 2–3 % населения (как было в средневековой Европе), требуется значимый процент грамотных людей. 4. Революции как движения с идеологией, требующей институциональных изменений в политическом и социальном строе, в качестве повторяющегося и закономерного явления могли появиться только в урбанизированном обществе, где также мог существовать определенный уровень грамотности и культуры, где уже сложилась интеллигенция как социальная группа⁵. Иными словами, это общество, в котором началась и идет индустриализация и в целом модернизация [о связи революции и модернизации см., например: Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Voix 2011; Гринин 2013; 2017в; Гринин, Коротаев 2016б].

Все четыре компонента – новая идеология, информационные технологии, грамотность и определенный уровень урбанизации – тесно взаимосвязаны. Развитие революции вместе с этим было связано и с ростом ее социальной базы (буржуазии, горожан, интеллигенции, наемных рабочих и т. п.).

Таким образом, революции открывали дорогу новым производительным силам, включая средства коммуникации, разрушали препятствия на пути капиталистического развития, в том числе ускоряли торговлю и денежное обращение. Отсюда уплотнялись континентальные и мировые связи, глобализация принимала все более зримые формы.

1. Место и роль революций в историческом процессе

Хотя вряд ли кто-то будет спорить, что глобализация – это важная часть развития исторического процесса, а потому каждому этапу развития последнего соответствовал и новый этап глобализации, тем не менее эти взаимосвязи исследованы явно недостаточно. В свое время мы представляли свою периодизацию взаимосвязи между развитием некоторых линий исторического процесса и этапов

⁵ Недаром революции если и случались в древности и Средние века, то в основном в городских обществах, где грамотность была по тем временам относительно высокой.

глобализации (каковыми в табл. 1 выступают типы пространственных связей, то есть связей между обществами и другими субъектами, которые качественно характеризуют уровень развития глобализации).

Таблица 1

**Корреляция между пространственными связями,
политической организацией и технологическим уровнем**

Тип пространственных связей	Период	Формы политической организации общества	Уровень технологии (принцип производства, производственная революция)
Локальные связи	До 7–6-го тыс. до н. э.	Догосударственные формы (простые и среднесложные общества)	Охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ принцип производства, начало аграрно-ремесленного принципа производства
Локально-региональные связи	С 7–6-го тыс. до н. э. до второй половины 4-го тыс. до н. э.	Догосударственные среднесложные формы и первые сложные политии	Распространение аграрно-ремесленного принципа производства, начало городской революции
Регионально-континентальные связи	Вторая половина 4-го тыс. до н. э. – вторая половина 1-го тыс. до н. э.	Ранние государства и первые империи	Завершающая фаза аграрной революции и зрелость аграрно-ремесленного принципа производства
Континентальные и транс-континентальные связи	Вторая половина 1-го тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Подъем империй и первые развитые государства	Завершение аграрно-ремесленного принципа производства
Межконтинентальные (океанические) связи	XVI – начало XIX в. (≈ 1492–1821 гг.)	Подъем развитых государств, первые зрелые государства	Первый этап промышленного принципа производства и промышленной революции
Глобальные связи	Начало XIX в. – 60–70-е гг. XX в.	Зрелые государства и ранние формы наднациональных образований	Завершающая фаза промышленной революции и завершение промышленного принципа производства
Планетарные связи	Последняя треть XX – XXI в., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Формирование наднациональных образований, эпоха ослабления суверенитета и борьбы вокруг суверенных прав, поиск нового типа политических союзов и образований, планетарных форм управления	Начало и развитие научно-кибернетической революции, завершающая фаза которой предположительно датируется 2030–2070-ми гг. ⁶

Источник: Гринин, Коротаев 2016а: 29.

⁶ О кибернетической революции см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б.

Тем не менее требуется более глубокий анализ взаимосвязи между историческим процессом в целом и глобализацией как его частью. В настоящей статье мы попытались в некоторой степени развить эту тему (см. ниже табл. 2), но, разумеется, она требует много больших усилий.

Революции как форма разрешения кризиса. Если рассмотреть общий ряд революций, видно, что это события, связанные с *определенным этапом развития общества*. Поэтому революции можно и необходимо расценивать как особого рода кризис общества, точнее, как *кульминационную часть имеющегося и все более усиливающегося кризиса в обществе и разрешения этого кризиса*.

Рассмотрим это несколько подробнее. Общество, особенно модернизирующееся, – это саморазвивающаяся система. А такая система не только может испытывать, но и обязательно испытывает время от времени кризисы. Важно заметить, что кризисы эти возникают в результате длительного роста. В модернизирующихся обществах этот рост происходит во многих сферах жизни, включая и общественное самосознание (отсюда и высокая роль идеологий в революциях). Но он идет непропорционально – одни сферы опережают другие. С системной точки зрения тогда кризис возникает в результате нарушения пропорций в системе. С точки зрения социальных слоев и групп – это ощущение сильного дискомфорта, осознание, что дела идут совсем не так, как нужно, что есть виновные в этом (обычно правительство или конкретные деятели, усугубившие ситуацию в войне, реформе и т. п.). Это ощущение несправедливости, нарушения важных правил и обычаев и т. п. (на фоне роста диспропорций выше нормы); падение авторитета страны (что, кстати, также свидетельствует о росте общественного самосознания, поскольку, обратившись к истории, можно увидеть, что прежде это не волновало народ в такой степени). Конкретизация такого неправильного положения вещей в осознании общества в очень значительной степени зависит от особенностей социума, времени и личностей, конкретного момента.

Революции как этап развития общества. Важно понимать, что вышеописанный кризис возникает как результат развития, иногда (и даже нередко) бурного развития и роста, которые должны опираться на подъем производительных сил и населения. А поскольку быстрый экономический рост стал достаточно типичным только в Новое время, особенно с развитием индустрии, ясно, что он связан с модернизацией, захватывающей разные сферы общества. Отсюда и установленная связь между революцией и модернизацией (см., например: Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Voix 2011; Гринин 2013; 2017в). Замедление роста способно стать источником кризиса. Таким образом, революции – результат перехода обществ и в целом исторического развития на другие рельсы – систематического роста экономик и изменения отношений, институтов на этой базе. **Следовательно, революции – поиск способов обеспечить постоянное развитие обществ в условиях, когда общество еще не осознало, что постоянный рост – это не случайность, не аномалия, а необходимое условие существования современного социума.**

Если вспомнить общую логику развития исторического процесса, то на заре его становления видны поиски возможностей создать из локальных, относительно небольших обществ/политий крупные образования – сначала государства, а затем империи. Для создания устойчивых политических образований были крайне необходимы сильные и прочные институты, которые постепенно формировались.

Эти институты в Европе оформились в виде легитимного и сакрализованного монархизма (где только выработка правил наследования потребовала очень долгого времени), национальных государств, сословности или других форм организации социального порядка и т. п. Таким образом, здесь исторический процесс «работал» в направлении создания прочных институтов, способствовавших устойчивости общества при любых пертурбациях, при постоянной внешней активности государств. Это могло быть постольку, поскольку производственный и технологический фундамент общества (а вместе с тем и социальный, так как крестьянство составляло основу народа) был достаточно консервативным и архаичным, не изменяющимся постоянно (да и культура была архаичной, уровень грамотности – низким). Но с изменением этого производственно-технологического базиса начался процесс, при котором данные прочные, иногда сверхпрочные «крепления» общества (например, императорская власть определенной династии была важнейшей скрепой для многонационального государства) постепенно становились помехой для движения общества вперед. Общества, отличного от прежних типов, которое считало промышленность и торговлю важнейшим средством решения финансовых и иных проблем, которое в условиях международного соперничества вынуждено было их не только терпеть, но и развивать; общества, которое должно было заботиться о средствах коммуникации, образовании и т. д. и т. п. Отсюда важнейшие и крупнейшие достижения исторического прогресса – хорошо организованное самодержавие, абсолютная монархия и крепкие, контролируемые и опекаемые государством сословия, четкая социальная иерархия, тоталитарная религия и др. – неожиданно становились преградами на пути развития (и прогресса, идея которого стала формироваться и укрепляться).

Таким образом, поскольку модель существования и функционирования общества изменилась с консервативной на динамическую, прежние институты, включая абсолютную монархию и подчиненную ей, но во многом самодостаточную аристократию (а равно и ставшую государственной церковью), стали тормозом на пути прогресса. Сказанное объясняет, почему революции должны были вести к изменению политического строя.

Таким образом, *революция в общем виде в историческом процессе выступает как возможность насильственно изменить ситуацию в условиях возникновения противоречия: а) между ростом определенных сил (включая и рост самосознания) и б) наличием жестких институтов и отношений (опять же включая и самосознание власти и элит, охраняющих их), мешающих дальнейшему росту и самоопределению указанных сил.*

Падение значения революций как двигателей исторического процесса. *Революция – это одно из средств обеспечить в итоге простор для паттерна постоянного изменения общества, его жизни в условиях постоянного изменения. Но это средство с каждым разом начинало выглядеть все более опасным. И поскольку в целом революционное «лекарство» оказалось слишком сильным и опасным, в обществах, переживших революции и испытывающих страх при воспоминании о них, возникало желание избежать их любой ценой. В результате удалось найти и иные, более эффективные (и более осознанные) способы поддержания условий для постоянного изменения: реформы, демократические институты, создание архетипа, который стимулирует людей к жизни в условиях изменений, а также са-*

кратализация таких институтов, как образование, наука, рынок, права человека и групп и т. п.

Таким образом, революции в ряде обществ как бы выходили из оборота средств социального развития и разрешения конфликтов, заменяясь более цивилизованными формами.

Но так происходило только в ряде наиболее развитых обществ. В других случаях революции оставались по-прежнему актуальными. Это прежде всего касалось тех обществ, которые дорастали до уровня, когда революции становились в них возможными, но их политическая система не изменялась в ногу со временем. В итоге эти быстроразвивающиеся общества переживали революционный коллапс (как это случилось в России).

Революции, как уже было сказано, происходят на определенном этапе в том случае, когда на пути развития стоят жесткие преграды и институты. А таковыми могут быть не только абсолютная монархия, аристократия или крупное феодальное землевладение, жесткая эксплуатация, но и национальное неравноправие. В еще большей мере сказанное относится к росту национального самосознания у народов, лишенных своей государственности при отсутствии хотя бы автономии. Национальный гнет, определенное законодательство, закрепляющее неравноправное положение народов, языков, национальных религий и т. п., – все это весьма жесткие отношения, которые обычно меняются с большим трудом (и, напротив, могут усиливаться целенаправленной государственной политикой). Отсюда появляются националистические революции как способ изменить ситуацию, очень характерные для XIX и XX вв. [см.: Геллнер 1991].

Итак, вместо революций во все большем количестве стран укреплялся новый инструмент развития – сознательное реформирование, которое при удачном стечении обстоятельств позволяло снимать социальное напряжение, но главное – открывало перспективы развития общества на десятилетия. Реформы также стоили немало, но их цена обычно была существенно ниже революционной. Вот почему революции сегодня уже трудно рассматривать со знаком плюс – их цена и особенно опасность направить общество по неверному курсу (как это случилось в октябре 1917 г. в России или в 1979 г. в Иране) во многих случаях начинает значительно превышать возможный прогресс. Иными словами, того же самого (в смысле роста качества жизни и модернизации общества) в итоге можно добиться в спокойном темпе, пусть и ценой сохранения аморального режима, не потрясая общество⁷. Собственно, это заметил уже А. де Токвиль в середине XIX в., исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции. «Внезапно, болезненным резким усилием, без перехода, без предосторожностей и без пощады Революция завершила дело, которое мало-помалу завершалось само собой», – делал он вывод [Токвиль 1997: гл. VI].

Но если Французская революция конца XVIII в. при всей своей огромной цене (включая и миллион жизней, унесенных Наполеоновскими войнами), несомненно, была значимым толчком к изменениям не только во Франции, но также

⁷ Насмешливая строка В. В. Маяковского из поэмы «Хорошо»: «Постепенно, понемногу, по верхочку, по шажку, сегодня, завтра, через двадцать лет» – на самом деле бьет по революционерам. Последние хотят все сделать быстро и сейчас, но порой вовлекают свои страны в длительную и тяжелую полосу. И когда сравниваешь, чего можно было бы достичь через 20 или даже 50 лет, понимаешь, что мирный путь был бы намного эффективнее.

в Европе и в мире в целом, то сегодняшние революции, хотя они и вызывают международные кризисы, толчком к прогрессу считать нельзя (ярким примером чего являются Украина, Египет, Тунис). А часто это определенный цикл кризиса, после чего все возвращается к прежней ситуации. Кроме того, шанс на успех революции (опять же в смысле улучшения жизни и особенно искоренения тех язв, которые ее и вызывают) не только не стопроцентен, но и порой невелик. А вероятность, что все вернется на круги своя, напротив, высока.

2. Революции и глобализация

Роль идеологий и насильственных модернизаций в глобализации. Революции как подражание. Раннее Новое время как нельзя лучше подтверждает идею о тесной взаимосвязи различных процессов. Так, в отношении глобализации нельзя не отметить, что революции создают новые идеологии, которые распространяются по свету, делают возможным появление интернациональных идей нового типа, а следовательно, увеличивают возможности синхронизации развития, без чего нарастание глобальных процессов невозможно. На первых порах революции позволили укрепиться новым направлениям религии, которые – впервые в истории – поощряли торговлю и накопление богатства (в этом смысле они являлись, безусловно, новыми идеологиями). В частности, победа Нидерландской революции (1566–1609), в результате которой маленькая Голландия сделала независимой от Испании, открыла торговый век Голландии, что способствовало развитию мировой торговли и мирового мореплавания в XVII в., а в целом – и развитию процесса глобализации.

Революции дают толчок росту образования, что является основой для развития информационных потоков и превращения информации в часть производительных сил. Появление новых идеологий, в том числе и религиозных, способствует активизации части населения и заселению новых территорий. Так, победа Английской революции ускорила заселение Северной Америки и создала там в итоге исключительно свободное от разных феодальных обременений общество, населенное протестантами, которые строили свои общества по своему плану (нечастое явление в истории вообще)⁸.

Распространение революций (и революционных идей) происходило также за счет революционных войн. Наиболее известный эпизод – это Наполеоновские войны. Исторический процесс можно представить как циклы ускорений развития отдельных стран или регионов и затем как циклы подтягиваний к ним отставших обществ⁹. Развитие глобализации также связано с этими циклами, поскольку они так или иначе изменяют и усложняют взаимосвязи между различными странами и регионами, меняют конфигурацию Мир-Системы (в частности, смещают ее центр [см., например: Арриги 2006]). Для начала глобализации было достаточно развития техники мореплавания и захвата новых земель. Для развития глобализации необходимы были процессы некоторого выравнивания обществ, способности пе-

⁸ Отметим, что огромную роль во французской колонизации Канады (как и Луизианы) сыграли именно гугеноты, которым стало сложно жить во Франции, особенно со времен Людовика XIV. Немаловажно, что вместе с диффузией технологий можно наблюдать местами и непосредственное переселение их обладателей (как было в Англии, куда переселялись ремесленники из Фландрии, а также из гугенотской Франции). С этим связано и перенесение диссидентской идеологии.

⁹ Циклы дивергенций и конвергенций [см. подробнее: Гринин, Коротаев 2016а].

риферии служить интересам центра, для чего после завершения промышленной революции потребовалось и определенное развитие полупериферии и периферии [см. подробнее: Grinin, Korotayev 2015].

Революции способны выполнять обе функции: они могут обеспечить тем или иным обществам выход вперед, в частности, если те становятся лидерами развития, прокладываящими путь другим обществам. Такова была роль, например, Англии после революции XVII в. Они также подтягивают периферийные и полупериферийные общества к лидерам. В ряде случаев роль революций играют насильственные модернизации победителя. Так, Наполеон изменял режимы в германских государствах и Италии. Таковы же были оккупационные преобразования в Японии, Корее (а также и в странах, которые стали социалистическими) после Второй мировой войны. Такие изменения очень существенны для развития глобализации.

Темп развития с начала Нового времени за счет совершенствования техники, торговли, Великих географических открытий, роста урбанизации, грамотности, распространения информации и прочего явно ускорился. И поскольку революции были одним из важнейших способов такого ускорения, после появления обществ, где они привели к благотворным переменам, потребность в изменениях становится все желаннее по ряду причин. В частности, постоянная критика режима (в условиях появления стран с более либеральным режимом и более высоким развитием, какой была Англия для Франции в XVIII в., Франция для России в начале XX в.) вызывает определенный дрейф части элиты к осознанию необходимости изменений (даже и путем революции), хотя потом история доказывает контрпродуктивность их позиции с точки зрения самосохранения (см. об этом ниже). В итоге революциями «переболели» очень многие страны. И сегодня они далеко не вышли из арсенала решения социально-политических проблем.

Революции в аспекте развития глобализации. Выше мы рассмотрели революции в ряде аспектов. Но их нельзя понять только с точки зрения системного подхода в плане анализа общества как в основном самодостаточной системы. Нужен и иной подход, скажем, рассмотрения революций в аспекте развития глобализации, или мир-системный, так как развитие Мир-Системы – это и есть глобализация в определенном измерении. На самом деле, во-первых, переход к ситуации необходимости постоянного развития не мог распространиться во многих обществах (равно как и идея необходимости модернизации), если бы не международное военно-политическое соперничество и экономическое превосходство других стран как его неизбежное следствие. С того момента, как военные возможности стали зависеть от технологий (пороховые революции, корабельное дело, пути сообщения, инфраструктура и пр.), военно-экономическая модернизация стала жесточайшей необходимостью. Финансовые потребности такой военной модернизации заставляли искать источники развития торговли и промышленности, роста образования и т. п. Также заимствовались и иные достижения, включая медицинские, научные и пр. Отсюда роль внешнего фактора становилась огромной.

Во-вторых, постепенное уменьшение роли религиозного образования и религиозной идеологии и замена ее светской неизбежно вели к импорту идеологий. А это означало и импорт революционных идеологий.

В-третьих, распространение контактов и знаний привело к тому, что начиналось подражание более развитым обществам, то есть тем, кто уже пережил революцию. Революция начинает рассматриваться как необходимость со знаком плюс. Складывается ситуация, когда идеология в ряде стран за счет заимствования в готовом виде опережает уровень развития общества. Возникает разрыв между идеологами, которые ориентируются на передовые страны, с одной стороны, и возможностями конкретного и неавангардного общества – с другой. В итоге это ведет к своего рода фрустрации, оценке собственного политического режима и отношений как отсталых, никуда не годных, требующих слома и т. п., как следствие пропаганды усиления напряжения и роста революционных настроений. Также имеется и интернациональная, пусть небольшая, но активная прослойка идеологов-революционеров. И по мере модернизации все новых обществ усиливается и влияние новых идеологий. Отсюда возникают революционный интернационализм и революционная идеология как универсальная.

Иными словами, во многих случаях революции происходят в обществах, объективно еще не достигших уровня, когда они становятся неизбежными, но за счет заимствования идеологий и практик революций из более развитых стран в этих только начавших процесс модернизации государствах складываются определенные группы и органы, которые пытаются ускорить процессы. В итоге социальные протесты и недовольство в них канализируются в объективно более высокую социальную форму, чем это могло бы быть в условиях самостоятельного развития. Словом, за счет мир-системного эффекта революции начинают захватывать и периферийные страны, которые еще объективно не доросли до такой формы прогресса. Ситуация примерно такая же, как в случае распространения экономических кризисов на еще очень слабую в промышленном плане экономику периферийных стран, которая самостоятельно до кризиса не дорастает. И революции происходят в обществах, где социальная основа для их совершения слаба или даже вовсе отсутствует. В итоге в ходе или после революций эти общества оказываются отброшенными назад, так как попытки внедрить более высокие отношения редуцируются к естественным для них (что выражается в децентрализации, кровавых диктатурах и модификации архаических отношений). Таковы, на наш взгляд, революции на Востоке в начале XX в. Таковы и многие социалистические революции.

В-четвертых, Мир-Система имеет свою структуру, которая влияет на различные страны по-разному в зависимости от их функционального положения. Проникновение новых идеологий в зависимые страны также создает в них новые ситуации.

Отметим также, что, поскольку развитие во всех обществах идет постоянно, а в центре Мир-Системы оно может быть сильнее, налицо усилия отстающих от центра обществ в стремлении догнать его (но лишь немногим это удастся). Однако такая гонка создает условия для повторных революций в догоняющих странах, особенно если они не смогли создать институты, способные изменять общество мирным путем.

С другой стороны, постоянное давление со стороны центра на эти общества в требованиях демократических перемен уменьшает возможности правящей элиты и оказывает мощную поддержку тем силам, которые стремятся к изменениям

насильственным путем. Отсюда **новая волна революций как результат того, что общества центра подстегивают к изменениям общества полупериферии.**

Внешний (а в случае мировых событий, например мировых войн, и мир-системный) фактор также очень важен в плане возникновения революционного кризиса (в частности, путем инспирирования революционных действий).

Таким образом, *мир-системный эффект расширяет поле революций в мире, захватывая общества, не дозревшие до революций или не полностью готовые к ним, и повышает возможности их победы. В известной мере именно мир-системный эффект влияет на то, что революции все еще остаются в арсенале средств социальных изменений.*

Наконец, мир-системный эффект значительно сказывается в волнах трансформации (волнах революций), когда они быстро распространяются от общества к обществу [см. подробнее: Гринин 2012], о чем речь пойдет ниже.

Волны революций и развитие глобализации. В XIX–XX вв. можно говорить о нескольких волнах революций. Некоторые из них существенно повлияли на процессы глобализации. Так, революции 1809–1820-х гг., особенно в Испании, Португалии и Латинской Америке, по сути, открыли миру Испанскую Америку, которая была в значительной мере закрыта для торговли и экономического влияния остальных стран (кроме Испании). С этого времени развитие Латинской Америки пошло новыми путями, особенно под влиянием Англии и США. Стоит отметить и волну революций начала XX в. (1905–1912 гг.), которая, начавшись в России, захватила целый ряд стран Азии (так называемое «пробуждение Азии») – Турцию, Персию, Китай. Данные революции существенно изменили взаимоотношения между этими странами и остальным миром, хотя и вызвали в них очень большие катаклизмы (особенно долгие в Китае). Зато социалистические революции 1940-х гг. (которые также выглядели как волна в несколько послевоенных лет) повлияли на глобализацию достаточно противоречиво. С одной стороны, это способствовало более быстрой индустриализации этих стран, с другой – на пути всеобщей глобализации выросли препятствия, так как мир раскололся на два лагеря. Волна национально-освободительных революций в послевоенный период открыла полосу освобождения колоний. Это тоже имело неоднозначный эффект в плане развития глобализации. До этого громадные колониальные империи в известной мере делали мир более сплоченным. Теперь появилось гораздо больше самостоятельных стран, каждая из которых имела особые интересы. Тем не менее в целом процесс глобализации ускорился.

Наконец, последняя волна революций XX в. – антисоциалистические революции конца 1980-х гг. – ликвидировала жесткий раздел мира на два лагеря. После этих событий позитивная роль революций в развитии исторического процесса еще более уменьшилась.

Итогом нашего анализа революций, исторического процесса и глобализации может служить табл. 2, сделанная на основе вышеприведенной табл. 1. В последней колонке представлено, как изменяется роль революций в историческом процессе.

Таблица 2

Корреляция между типом революций, историческим процессом и глобализацией

Тип социально-пространственных связей	Период	Преобладающий тип революций ¹⁰	Роль революций в историческом процессе	Роль революций в глобализации
Континентальные и транс-континентальные связи	Вторая половина 1-го тыс. до н. э. – конец XV в. н. э.	Полисные и ранние религиозные	Относительно невысокая	Незначительная
Межконтинентальные (океанические) связи	XVI – начало XIX в. (≈ 1492–1821 гг.)	Религиозные, ранние антимонархические	Революции становятся важнейшей ДС исторического процесса	Значимая
Глобальные связи	Начало XIX в. – 60–70-е гг. XX в.	Демократические, национально-освободительные и социалистические	Начинает снижаться с середины XIX в. ДС исторического процесса становятся реформы и планируемые изменения	Высокая до третьей декады XX в.; затем противоречивая, периодами контрпродуктивная
Планетарные связи	Последняя треть XX – XXI в., достаточно отчетливо сформируются в ближайшие десятилетия, к середине XXI в.	Антисоциалистические, «цветные», инспирированные геополитическими игроками	Роль революций как ДС продолжает сокращаться	Идет процесс сокращения роли революций в глобализации

Примечание. ДС – движущая сила.

Заключение. Революции как геополитическое оружие

Революции как геополитическое оружие и в качестве открытой или тайной государственной политики систематически стали использоваться в XX в. (хотя спорадически и раньше, например, такими были подстегивания восстаний в Польше против власти России в XIX в.). Японцы прибегали к помощи революционеров (в частности, польских) во время Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны Англия и Франция (через посольства) поддерживали кадетов в России, которые выступали против монархии и, по сути, призывали к революции¹¹. Германия также использовала (и не без успеха) революционеров, которые выступали за немедленное прекращение войны, прежде всего большевиков во главе с В. И. Лениным. Но в качестве постоянной линии внешней политики и систематически помощь в организации революций стал оказывать СССР практически сразу же после Октябрьской революции [см.: Гринин 2017б]. Западные страны, опасавшиеся революций, использовали подготовку к ним как средство влияния значительно реже (хотя США в Латинской Америке иногда устраивали рево-

¹⁰ Типология революций, разумеется, достаточно сырая, но все же она дает определенное представление о динамике развития. Тема типологий революций – весьма дискуссионный и слабо разработанный вопрос [см. подробнее о наших подходах к типологии: Гринин 2017б].

¹¹ Одна из версий такого поведения наших союзников объясняет это тем, что они стремились достичь за счет революции сразу двух целей: продолжать использовать Россию как активно воюющего союзника и найти возможность уклониться от своих обещаний передать ей Черноморские проливы и Константинополь.

люции, но чаще военные перевороты. Правда, различия между этими видами свержения режима не всегда было легко найти). Однако антиправительственные настроения в социалистических странах США и их союзники инспирировали очень активно.

Как уже было сказано, с распадом социалистического лагеря необходимость в революциях стала существенно меньше. Однако, как ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для Запада явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию расценивать как безусловно позитивную форму. Однако становится все более очевидно, что это вовсе не так.

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран, и, как уже было сказано, западные страны стали использовать их как важнейший инструмент геополитики для усиления своего влияния и подрыва мощи соперников, а также для пропаганды превосходства собственного строя. Для этого в избранных государствах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного перехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун [2015: 161], показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму [Там же: 161, 183]. Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни [см.: Гринин 1997; 2007].

Литература

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2006.

Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Гринин Л. Е. Формации и цивилизации. Гл. 2 // *Философия и общество*. 1997. № 2. С. 5–89.

Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. 3-е изд., стер. М. : КомКнига, 2006.

Гринин Л. Е. Философия, теория и социология истории. 4-е изд. М. : КомКнига, 2007.

Гринин Л. Е. Истоки глобализации: Мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. № 1. С. 80–94.

Гринин Л. Е. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / под ред. А. В. Коротаева, Ю. В. Зинькиной, А. С. Ходунова. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2012. С. 188–223.

Гринин Л. Е. Государство и кризисы в процессе модернизации // Философия и общество. 2013. № 3. С. 29–59.

Гринин Л. Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017а. № 2. С. 5–42.

Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация Мир-Системы // Век глобализации. 2017б. № 3. С. 97–112.

Гринин Л. Е. Российская революция в свете теории модернизации // История и современность. 2017в. № 2. С. 22–57.

Гринин Л. Е. Революции и исторический процесс // Философия и общество. 2017г. № 3. С. 5–29.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015а.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015б. № 8(1). С. 172–197.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2016а.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, Л. М. Исаева, К. В. Мещериной. Волгоград : Учитель, 2016б. С. 157–190.

Сорокин П. А. Социология революции / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 266–294.

Сорокин П. А. Голод и идеология общества / П. А. Сорокин // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М. : Наука, 1994. С. 367–395.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М. : Моск. филос. фонд, 1997.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. Кн. 1. М. : АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1778–1848. Ростов н/Д. : Феникс, 1999.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М. : Проспект, 2011.

Boix C. Democracy, Development, and the International System // American Political Science Review. 2011. Vol. 105. No. 4. Pp. 809–828.

Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. N. p. : Springer International Publishing, 2015.

СЕТЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ГОСУДАРСТВО, НАУКА, ОБЩЕСТВО И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Сабден О.^{*}

В статье рассматривается новая парадигма управления государством «пятерной спиралью», состоящей из пяти блоков: государство; малый, средний и крупный бизнес; НИИ и университеты; потребности человека общества; их информационное взаимодействие. Проектный подход государственного управления экономикой сегодня может быть эффективным методом и механизмом реализации в жизнь приоритетов ускоренного социально-экономического развития.

Ключевые слова: сетевое управление, «пятерная спираль», государство, наука, бизнес, общество, информационное взаимодействие.

The paper considers a new paradigm of governing the state using the 'fivefold helix', consisting of five blocks: the state, small, medium and large business; research institutes and universities; the needs of the human society and their information exchange. The project approach of state management of the economy today can be an effective method and mechanism for the implementation of priorities for accelerated socio-economic development.

Keywords: network management, fivefold helix, state, science, business, society, information interaction.

Изменения в мире

В первой четверти XXI в. мир бушует. Все быстро меняется. Стало трудно предвидеть, что ожидает нас завтра. Самыми важными становятся вопросы выхода из кризиса и спасения человечества от предстоящих глобальных изменений: потепления климата, водных и продовольственных проблем, сотрясающих мир конфликтов и локальных войн и т. д.

Мировой кризис показал слабые места капиталистической и социалистической систем. Мировые школы кейнсианства, либерализма, неолиберализма, рыночные отношения не смогли представить серьезную парадигму и механизмы выхода из разрастающегося кризиса, который со временем стал и политическим, и экономическим, и социальным, то есть системным. Это показывает, что вызовы XXI в. становятся архисложными, требующими соответствующих глобальных изменений.

Все это ставит перед человечеством проблемы, которые до сих пор не приходилось решать земной цивилизации. Поэтому ни США, ни ЕС, ни ООН, ни G8 пока не в силах принять разумное решение по выходу из кризиса.

^{*}Сабден Оразалы – д. э. н., профессор, академик РАЕН, МАГИ, лауреат Государственной премии Республики Казахстан, руководитель научного центра Института экономики КН МОН РК (г. Алматы, Казахстан). E-mail: osabden@mail.ru.

В чем причина? Фундаментальная причина в том, что не соблюдаются экономические законы, законы живой природы, законы управления циклическим развитием. Мало того, не выполняется даже сам Устав ООН, не соблюдаются международные права человека, наций и т. д. Усиливается недоверие мирового сообщества к власти имущим, особенно странам G8, где находится львиная доля мирового ВВП. Мировыми ТНК управляются свыше 50 % богатств мира и т. д. Плюс к этому происходит эскалация вооружений США, России, КНР, Северной Кореи. Например, США обладают более чем 50 % вооружений мира [Military...].

Невольно задаешься вопросом: «Куда мы идем, куда нас ведут?» Думается, мы сами не знаем, куда мы идем, и не знают те, которые нас ведут! Я имею в виду развитые страны G8, начиная с США. К сожалению, сейчас имеется несоответствие между правящими мужами и существующими новинками, современными методами управления, глобальными сетями, которыми опутан весь мир. Потому что нынешние действия власти не доведут народ туда, куда он должен пойти. А общество и личности не успевают гнаться за мировыми новинками, ноу-хау, и тем более вовремя освоить их и дать адекватные ответы для собственного развития нашего общества. Такова нынешняя действительность. По этому поводу можно сказать, что общества разрушаются, когда они наполняются негативными силами, к которым оказались не подготовлены. Есть такое опасение. Но прежде всего наша собственная человечность, знание духовно-исторической закономерности развития общества, использования новой технологии, сетевой экономики для блага человека может спасти нас. Это означает, что общества различных стран и их население находятся в тупике неизвестности относительно будущего развития, потому что механизм управления государством совершенно устарел и нацелен только на агрессивно-финансовые цели. Думать о народе в этих условиях – второстепенная цель.

Следует признать, что сейчас экономическая наука во всем мире не может конкретно обозначить выход из системного кризиса, даже лауреаты Нобелевской премии не могут найти ответа. В реальности не срабатывают традиционные методы и механизмы управления экономикой. Отсюда следует, что программу выхода из кризиса надо искать в тех отраслях, которые обеспечат научно-технический и экономический прогресс. По этому поводу А. Эйнштейн говорил, что «нельзя решать проблему на том уровне и месте, где она возникла. Надо смотреть на проблему с другой плоскости». В этой связи нам нужно подняться на новый уровень знаний. Я считаю, что необходимо акцентировать внимание на двух приоритетах: **духовном возрождении** общества, с одной стороны, и осуществлении **технологического прорыва** – с другой.

Только тогда мы не останемся сырьевым придатком развитых стран и, ускоренно развиваясь, должны успеть сесть в последний вагон высокоскоростного поезда цивилизационного развития XXI в. А для этого нам нужно решать архиважную задачу, поставленную Президентом РК Н. А. Назарбаевым, о вхождении в число 30 развитых стран мира [Указ... 2014]. Для этого ежегодный экономический рост внутреннего валового продукта должен составлять не менее 6–7 %.

Когда мир движется к новому социальному строю, страны СНГ должны изменить свое социально-экономическое, политическое устройство и постепенно перейти к иному, на наш взгляд, **интегральному типу инновационного общества**. Это задача стратегическая, и она должна решаться поэтапно.

Опыт развития социализма (СССР) и четверть века суверенитета РК в условиях рыночной экономики не прошли для нас даром. Были и положительные моменты, и серьезные ошибки, народу все видно, все слышно. Но не будем разбираться во всех ошибках, что было, то было. Сейчас проблема заключается в нахождении нового инновационного пути выхода из кризиса. Народ ждет перемен. Именно сейчас следует постараться найти оптимальную модель развития экономики на ближайшую перспективу до 2025 г. Почему обозначен такой период? Потому что мировой кризис продолжится, пока развитые страны не «оседлают» шестой технологический уклад (VI ТУ). Лишь когда доля VI ТУ (нано- и биотехнологии, информационно-коммуникационная технология, генная инженерия, космическая технология) в ВВП будет достаточной, начнется бурное развитие в мире на основе НТР. Это может произойти после 2025 г. Поэтому сейчас развитые страны (G8) ускоренно формируют VI ТУ [Глазьев и др. 2009].

При системном кризисе необходимо изменить социально-экономическую модель. Пора задуматься о том, в какой общественно-экономической формации мы живем и к чему следует стремиться. Необходимо признать, что у нас много программ, но исполнение «хромает», не подкрепляется конкретными делами. Общественный контроль почти отсутствует.

На смену капитализму и социализму приходит новое интегральное инновационное общество, включающее в себя лучшие черты этих двух формаций. На наш взгляд, в этом и заключается новая парадигма развития мировой цивилизации. Эта идея, правда, в ином формате, стала реализовываться в КНР, синтезируя лучшие черты капитализма и социализма. В КНР параллельно функционирует видимая и невидимая рука рынка. Строя социалистическое общество, Китай соблюдает правильный баланс между капитализмом и социализмом. В отличие от нас КНР не разрушила плановую систему, а умело добавляла к ней элементы капитализма. В результате эта страна достигла триумфальных успехов. Но в стратегическом плане у демократии Китая трудности еще впереди [Деягин, Шеянов 2015].

Скандинавские страны начали реализовывать идею интегрального общества с акцентом на механизмы народовластия. Возможно, это наиболее продвинутая система и конвергентный путь с точки зрения демократии и цивилизационного развития.

Все эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости смены в нашей стране парадигмы управления и формирования новой идеологии общественного развития, нахождения новой модели экономического и социального устройства. Уяснение такой истины, контуры которой еще нечеткие, важно прежде всего для глав государств и политиков, стремящихся направить свой народ на путь процветания. Но как это сделать?

О новой парадигме управления

Хочу заметить, что прежде чем перераспределять полномочия между ветвями власти страны, народ вправе знать, какое общество мы строим, какую систему берем за основу нашего жизнеустройства. При наличии управляемой демократии невозможно строить демократическое общество, как твердят об этом некоторые. Следует признать, что вместо демократии мы попали в систему координат бюрократического – олигархического капитализма. Дальше не буду расшифровывать...

Настоящую демократию, возможно, будут строить в течение 50–100 и более лет. Нам важнее определить конкретные цели общества, то, чего мы будем ожидать от этой реформы. Каков будет выбор путей улучшения жизни народа и безопасности? Население должно знать, к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу, особенно будущему поколению.

В контексте развития мирового цивилизационного сообщества мы должны строить *интегральное инновационное общество с духовной составляющей*, которая будет осуществляться за счет синтеза рыночной и плановой экономики. Вобрать все лучшее, что накоплено мировым сообществом от предыдущих формаций до сегодняшнего дня, – это нелегкая задача.

Только смелые идеи, новые проекты и их внедрение во все сферы жизни общества позволят Казахстану войти в ряды самых богатых и развитых стран мира. Истина в том, что у нас для этого есть все возможности: ресурсы и кадры. Когда властные структуры вселят уверенность в умы народа, что только он является единственным хозяином богатства нашей земли, докажут своими правильными действиями преданность народу и единение с ним, наша страна в скором будущем продвинется вперед намного быстрее, воплотив идеи вечных ценностей человеческого бытия.

В последние годы мир охвачен сетевой экономикой и движется в направлении интенсивного оборота торговли и услуг, новых идей, интеграционных процессов и инновационных технологий. В постиндустриальной сетевой экономике именно малое, среднее и крупное инновационное предпринимательство с использованием IT-технологий играет ключевую роль в достижении ускоренного экономического роста и цивилизованного развития мира.

Экономике Казахстана необходимо развиваться ускоренными темпами. Для этого в стране практически отсутствует столь необходимая для современной экономики система проектирования процессов как способ объединения усилий государства, науки и университетов, бизнеса (малый, средний и крупный), потребителя-человека и потребителя-общества. Иными словами, на мой взгляд, это новый уровень знаний – формирование и реализация «пятерной спирали» для достижения стратегических целей. Таким образом, все пять составляющих проектирования инновационного процесса выполняют уже более сложные взаимосвязанные задачи, где переплетаются горизонтальные и вертикальные функции синергии всех пяти институциональных сегментов кластерного образования. В этом механизме заключается новая парадигма интегрального инновационного общества и новой индустриальной революции, начальный этап которой можно видеть на примере бурного развития Китайской Народной Республики и Скандинавских стран.

Решение подобной архисложной задачи для Казахстана невозможно без внедрения новых технологий, базирующихся на критических технологиях. Необходимо поставить масштабную стратегическую задачу построения в Казахстане **новой инновационной экономики**, основанной на комплексной модернизации страны, на новых технологиях, наукоемких производственных секторах и современных научно-технических достижениях. Конечно, на их развитие нужно направлять значительные финансовые, человеческие и материальные ресурсы, подкрепленные устойчивой политической волей руководителей Республики Казахстан, умеющих эффективно управлять экономикой.

Что касается конкретных действий управления государством, то можно предложить новую парадигму *государственного управления на основе «пятерной спирали»*.

В Казахстане принята модель, при которой инновационную экономику создают правительство и бизнес, то есть имеет место государственно-частное партнерство (ГЧП). Но из опыта развитых стран видно, что ее должны создавать вместе государство, бизнес и исследовательские университеты («тройная спираль»). В XXI в. требования мировой цивилизации, на наш взгляд, уже предполагают «пятерную спираль», то есть взаимодействие государства, науки, бизнеса, общества и их информационного обеспечения.

В мире весьма актуальны системы проектирования процессов, особенно на стыке наук. Нами предлагаются базовые элементы концепции «пятерной спирали» (рис. 1). Концепция «пятерной спирали» представляется в виде ступенчатого передаточного механизма, состоящего из пяти блоков (шестеренок): государство; малый, средний и крупный бизнес; НИИ и университеты; а также потребности человека, общества и их информационное взаимодействие.

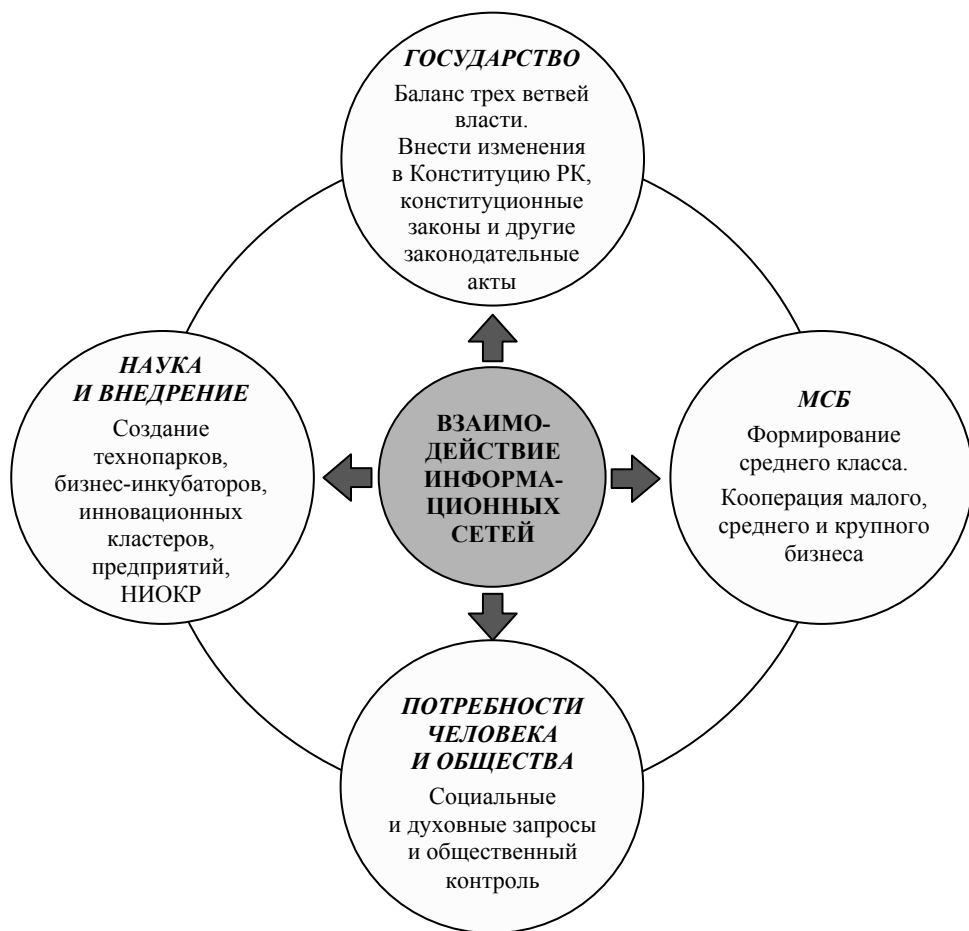

Рис. 1. Концепция «пятерной спирали» ускоренного развития экономики

Здесь приведены основные функции блоков. Например, на уровне государства **в первом блоке** будут приняты изменения в Конституции, конституционных законах и других законодательных актах, обеспечивающие демократию и баланс всех ветвей власти. Путем формирования новой структуры трех ветвей власти значительно расширяются полномочия Парламента, с одновременным сужением президентских полномочий предполагается обеспечение экономической свободы и демократии со стороны законодательной, исполнительной, судебной-правовой системы. Необходима компетентность правительства в разработке и успешной реализации стратегических и тактических задач развития экономики страны.

Во втором блоке будут разработаны базовые модели развития малого и крупного бизнеса, кооперации малого, среднего и крупного бизнеса, размещение заказов, создание новых структур и т. д. Когда экономика подвергается глубокой трансформации, стержнем роста экономики может быть ускоренное развитие малого и среднего предпринимательства (МСП). Значит, всю страну следует переводить на эти рельсы, потому что ныне доля малого бизнеса от ВВП, по разным оценкам, составляет всего лишь 18–26 %. В развитых странах этот показатель достигает 50–70 %, а занятость обеспечивается до 80 %. Если говорить о занятости, то у нас огромное количество людей (до 3 млн) являются самозанятыми. Данный пример показывает, что у Казахстана огромные резервы в МСБ.

Главная цель в ближайшее время – формировать средний класс в стране, а малый бизнес сделать всенародным достоянием. Нужно реально добиться консолидации различных сил общества (бизнес-элиты, гражданское общество, НПО и др.) в интересах народа и экономического развития страны. Надо признаться, что наши богачи, подражая Западу, различными путями успели нажить изрядные капиталы и изощренно пользуются ими, раздражая основную массу населения. Хотелось бы избавиться от этих негативных процессов, для этого богатым людям следует вкладывать свои доходы в развитие экономики государства и обратиться к духовности и улучшению жизни народа. Нужно законодательно закрепить эту идею.

В этой связи автором разработана Концепция стратегии форсированного развития малого и среднего предпринимательства, включающая в себя приоритеты, принципы, задачи и девять проектов, которые ориентированы на качественно иную инновационную политику и более высокий уровень развития национальной экономики. Это осуществляется путем активного вовлечения населения в малое предпринимательство, улучшения качества предпринимательской среды, усиления «предпринимательского фермента» в обществе и ускорения роста сектора МСП за счет увеличения числа start-up малых и средних предприятий.

В третьем блоке будут осуществляться координация НИИ и вузов, создаваться технопарки, бизнес-инкубаторы, малые инновационные предприятия, проводиться фундаментальные исследования науки и новых знаний, НИОКР и коммерциализация их результатов в технопарках и производствах. Я считаю, что парламенту страны нужно принять специальный рамочный закон «О малом инновационном предприятии», где будут даны всевозможные кредитно-налоговые механизмы государственной поддержки МИП в НИИ и вузах. Тогда у наших ученых и даже студентов появится возможность заработать многомиллионные средства, как это делается в Гарвардском, Массачусетском, Стэнфордском университетах США. Профессора и студенты станут частью процесса формирования новых фирм. В результате связи между вузами, бизнесом и властью будет основой новой

модели «пятерной спирали» управления, то есть коммерциализации собственных исследований. Здесь весьма важно поднять уровень финансирования науки хотя бы до 1,5 % от ВВП (нижний пороговый барьер), а потом до 3–4 %, как в развитых странах.

В четвертом блоке будут формироваться различные социальные запросы на товары и услуги и другие потребности общества вплоть до индивидуальных заказов каждого человека и юридических лиц. Особенно необходимо возродить духовные запросы общества, которые за годы суверенитета, рыночных реформ остались на задворках общественного развития. Через вновь созданную **Общественную палату РК** будет осуществляться общественный контроль за исполнением законов, государственных и отраслевых программ и проектов, деятельностью крупных государственных компаний и холдингов [Сабден 2017].

В условиях кризиса необходимо серьезно относиться к вопросам распределения благ для повышения уровня жизни. В этой связи роль третьего сектора, то есть гражданского общества, резко повышается, так как со временем именно оно путем созидательной деятельности займет большую долю в доверии со стороны общества к власти имущим. Генерирование социального капитала выходит на первое место, и он инвестируется в рынки и органы власти. Здесь необходимо повысить роль НПО. Если в Казахстане на 18 млн человек приходится 18 тысяч НПО, то на 5 млн населения Финляндии приходится более 120 тысяч НПО. Вот к чему надо стремиться, и тогда социальная сфера будет развиваться более ускоренно.

На пятый блок возлагается весьма важная задача по взаимодействию всех составляющих управления государством на основе «пятерной спирали». Здесь путем формирования сетевой коммуникации, базы данных, сенсорных потоков информации будет обеспечено эффективное функционирование всех блоков управленческих звеньев. Образно говоря, при осуществлении данного проекта управление государством может быть представлено в виде замкнутого технологического цикла, обеспечивающего качественный конечный продукт. Следует признать, что до сих пор эффективно действовали государственно-частное партнерство (ГЧП) и «тройная спираль», то есть взаимодействие государства, бизнеса и науки.

Но такой подход и методы управления государством на основе «пятерной спирали» впервые выносятся на суд ученых и международной общественности. Более наглядно сетевое управление государством в мире на основе «пятерной спирали» с учетом решения важных задач в каждом блоке приведено на рис. 2.

В пятом блоке значимым элементом является духовная модернизация общества. В этой связи следует остановиться на величии Туркестана как объекта новой парадигмы управления.

Тюркоязычные народы, считая Туркестан своей духовной столицей и второй Меккой, съезжаются к нему как к святыне и поклоняются ему [Байпаков, Азимхан 2013]. Мы еще никак не можем умело пользоваться духовным и экономическим потенциалом Туркестана. Смотреть на этот регион как на футуристический объект совершенно недостаточно. Опору тюркского мира, его колыбель с такой глубинной историей можно и нужно использовать для подъема духовности, экономики и технологии региона на новую, более высокую ступень. Исходя из таких соображений, я выдвигаю национальную идею о превращении Туркестана в духовную столицу [Сабден 2014; 2015]. Название этого мегапроекта звучит так:

«О создании духовно-технологического кластера “Туркестанский регион – путь к гуманизации казахстанского общества”». Основная цель проекта – превратить Туркестан в духовный центр (мегаполис), сделать шаг к обеспечению международной безопасности. Здесь предпринята попытка впервые в истории на примере одного региона решить две крупные проблемы: с одной стороны, духовно-культурное и историческое развитие человечества, с другой – формирование нового, шестого технологического уклада.

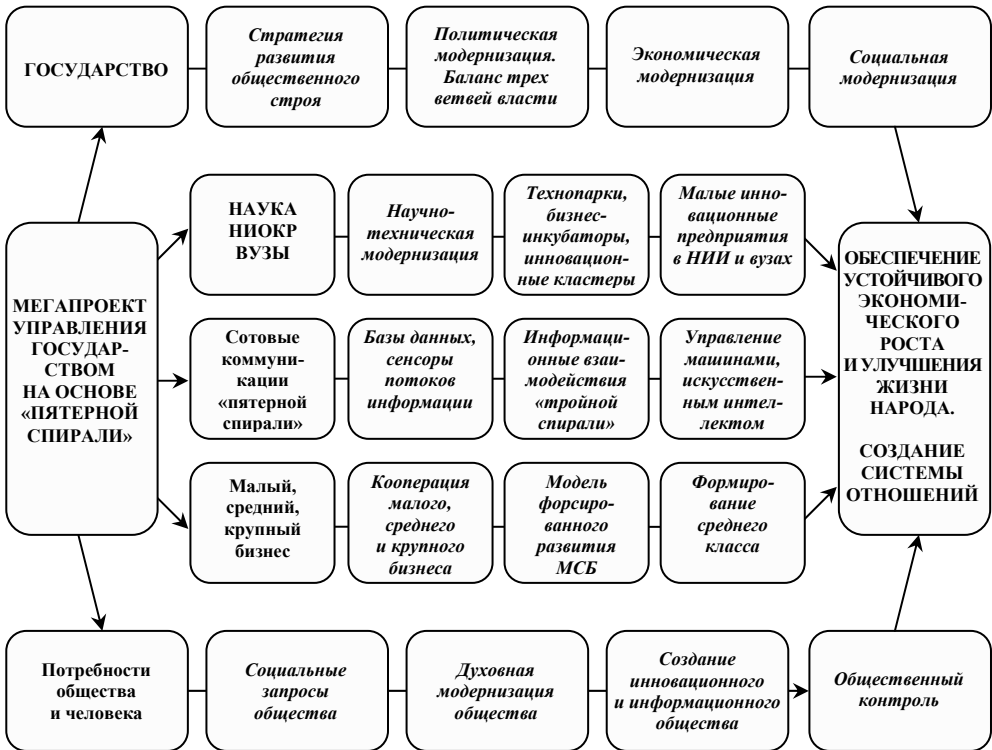

Рис. 2. Сетевое управление государством на основе «пятерной спирали»

Этот междисциплинарный проект охватывает шесть кластеров: духовный, технологический, новый аул (село), туризм, логистику и инфраструктурный. Объединив здесь в один процесс духовные, культурные и новые технологические уклады, мы обеспечим эффективное использование самого дорогого капитала – человеческого. Подробно с проектом можно ознакомиться в книге «Абай, будущее Казахстана и мировая цивилизация» [Сабден 2016].

В итоге вопросы всех блоков проекта будут разрабатываться комплексно и, как часовой механизм, станут реализовываться на основе концепции «пятерной спирали». На наш взгляд, этот проектный подход государственного управления экономикой на сегодня может быть эффективным методом и механизмом реализации и претворения в жизнь приоритетов ускоренного развития экономики страны.

Если же мы на самом деле хотим достичь быстрого и устойчивого роста экономики, то требуется кардинально повысить роль науки и научно-технологичес-

кого развития. Для этого рекомендуется принять к сведению предложения, высказанные мною несколько лет тому назад, о необходимости создания Государственного комитета по научно-технической политике при президентах России и Казахстана. Только такой протекционистский подход в системе государственного управления наукой может решить архиважную для наших стран проблему.

Необходимо, используя опыт развитых зарубежных стран, с учетом своих особенностей провести по всей стране кардинальную модернизацию: политическую, социальную, экономическую, духовную и научно-техническую.

Если эффективно будут взаимодействовать и функционировать все пять базовых составляющих управления государством, то устойчивый экономический рост будет обеспечен. В противном случае, если одна из них станет «хромать», то результат может быть плохим, даже отрицательным. Если до сих пор все отрасли работали разрозненно (например, бизнес-сфера отдельно и пр.), без должного взаимодействия всех структур экономики, то теперь обеспечение эффективного развития страны будет осуществляться на основе интеграционного взаимодействия всех сфер и общественного контроля со стороны народа и парламента. Самое важное – все составляющие управления государством будут сплетены в одну сеть, представленную в виде информационного взаимодействия, сетевой коммуникации сенсорными потоками информации, чего раньше не было.

Литература

Байпаков К. М., Азимхан А. Все дороги ведут в Туркестан: памятники, персоны. Алматы, 2013.

Глазьев С. Ю., Сабден О., Арменский А. Е., Наумов Е. А. Интеллектуальная экономика – технологические вызовы XXI века. Алматы, 2009.

Делягин М. Г. Шеянов В. В. Империя в прыжке. Китай изнутри. М. : Книжный мир, 2015.

Сабден О. «О создании нового духовно-технологического кластера «Түркістан өңірі» путь к гуманизации казахстанского общества. Алматы, 2014.

Сабден О. Абай, будущее Казахстана и мировая цивилизация. Алматы, 2016.

Сабден О. Экономика: избранные труды: в 25 т. Алматы, 2017.

Сабден О., Аширов А. Концепция стратегии выживания человечества в веке и продовольственная безопасность. Алматы : Экономика, 2015.

Указ Президента РК «О Концепции по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира» от 17 января 2014 г. № 732. 2014.

Military Budget of the United States [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Military-budget_of_the_United_States.

ИДЕИ Н. Н. МОИСЕЕВА В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВОВЕДОВ (к 100-летию со дня рождения академика Н. Н. Моисеева)

Глушенкова Е. И.*

В статье рассмотрены социальные, политические и философские идеи русского космиста и теоретика ноосферы академика Н. Н. Моисеева (1917–2000). Показана связь политических интуиций ученого с его философскими разработками, уделяется внимание своеобразной экополитологии Моисеева. Наследие ученого демонстрируется в контексте работ современных философов и обществоведов, в основном через их осмысление российскими философами природы и политическими мыслителями. Подвергается анализу интерпретация ученым темы самоидентификации России в контексте экологического кризиса и процессов глобализации.

Ключевые слова: русский космизм, ноосфера, коэволюция, бифуркация, устойчивое развитие, Коллективный Разум, автотрофность, антропный принцип, самоорганизация, универсальный эволюционизм, цивилизация.

The article considers social, philosophical and political ideas of the Russian cosmist and noosphere theoretician N. N. Moiseyev (1917–2000). The author analyzes the connection of political thoughts of the scientist with his philosophical findings with the focus on his peculiar environmental politics. The heritage of the scientist is shown in the context of the works by modern philosophers, mainly through understanding by Russian philosophers of nature and political thinkers. His theory of self-identification of Russia in globalization and environmental crisis is also highlighted here.

Keywords: Russian cosmism, noosphere, coevolution, bifurcation, sustainable development, collective wisdom, autotrophy, anthropic principle, self-organization, universal evolutionism, civilization.

Феномен русского космизма – популярный объект исследования философов, культурологов, обществоведов. Большинство научных публикаций здесь касается анализа наследия космистов естественно-научного профиля и теоретиков ноосферы, меньшинство – работ русских религиозных космистов. Возможно, самым знаменитым теоретиком русского космизма нашего времени явился ученый с мировым именем, выдающийся математик, академик Н. Н. Моисеев (1917–2000). В центре рассмотрения Моисеева – ключевые темы философии природы рубежа XX–XXI вв.

Философская мысль Моисеева базируется на осмыслении антропного принципа. У него мы наблюдаем противостояние теорий автотрофности и антропного

* Глушенкова Елена Ивановна – к. пол. н., с. н. с. Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН. E-mail: lenchen007@rambler.ru.

принципа. Автотрофности, с ее мыслью о полном освобождении человека от влияния факторов окружающей среды, Моисеев предпочел антропный принцип, который интерпретировал как существование человека в мире, наполненное смыслом: если бы все константы были отличными от современных всего лишь на десятые доли процента, мир был бы совершенно иным. Из антропного принципа он выводил важнейший тезис о самодовлеющем значении человека не просто как биологического вида, а как уникального существа, выживание которого играет вселенскую роль. Моисеев «признает особую роль во Вселенной человека, как существа, обладающего разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы» [Режабек 2008: 167]. У Моисеева видим не только типичное для космизма единство мира и заключенного в него человека, но и единство человеческого Разума и мира: нет границ между природой, второй природой (техносферой) и человечеством. Техносфера – продолжение Разума, его материализация. Она есть отображение Разума людей, творящих вокруг себя окружающую среду, можно сказать, искусственный конструкт и источник экологической опасности. Фактически экологический кризис заключается не в природной среде, а в нас, в наших мыслях и делах.

Ученый игнорировал антагонизм между общественной системой и окружающей средой, призвав фокусироваться на выживании, вернее, со-выживании человеческой системы и ее среды, выживании человека не вместо, а вместе со своими средами. Растущая активность человека, направленная на среду обитания, ведет не к большей независимости человека от природы, а, напротив, к новому образу единства природы и человека, их совершенной нерасторжимости, убежден Моисеев. Человек для него – не «тварь» и не «царь природы», а носитель космического Разума, выступающего ныне как Коллективный Разум (совокупность интеллектов индивидов, которым свойственны общее миропонимание, коллективная память, стремление совместно вырабатывать решения). Но не всегда мы мыслим, действуем разумно. Разумное действие сопрягает интерес человека с нуждами выживания. Стремление подчинить себе или преодолеть свою собственную среду не имеет с активностью Разума ничего общего. Его действие в эпоху Разума, ноосферу, – активность человека, направленная на самого человека и человеческое общество: в природе кризиса нет, в ней – саморегуляция, кризис – в институтах нашего общества!

Действие Разума как активное невмешательство в «дела окружающей среды» связано у ученого с убеждением в ограниченной познаваемости мира: Разум не способен сделать мировой процесс управляемым, мир вообще в полноте непознаваем и непредсказуем. Ни с помощью научных, ни с помощью иных рациональных методов его состояние не будет достоверно предсказано никогда. Очень большие системы не моделируются в силу их самоорганизации: механизмы «контринтуитии» производят бифуркации, а их предсказать невозможно.

Н. Н. Моисеев мыслил как синергетик, в этом ключе он разрешал дилемму организованного и стихийного. Человечество самоорганизуется. Масштабно менять мир из одного источника значит порождать хаос, погрешности, помехи в развитии, бесперспективно. Разум спонтанно порождает мыслящую среду ноосферу, вместе они со-эволюционируют, но Разум не контролирует Вселенную, а Вселенная – Разум.

Моисеев был далек и от эко- и биоцентризма, и от технопессимизма, и от технооптимизма и сциентистско-позитивистских подходов, восприятие человека лишь как одного из видов живого и крайний антропоцентризм, постановка человека в центр мироустройства, возведение его на пьедестал, противопоставление миру одинаково ему чужды. Человек позитивной картины мира – не господин среды, а раб, заложник техносферы и институтов индустриального общества. В развернутом им соревновании со средой «кто кого» он обречен. Человек этот интересен нынешней науке только как часть техносферы, прилагательное к технологии. Все вышеупомянутые «-измы» разрывают человека и природу. Космизм выбирает обоих – природу и человека, призывает дорожить человеком и природой, каковы они есть.

Единство мира и человека космизма у Моисеева трансформируется в единство Человечества и Вселенной, в то же время противоречие между человеком и «всем живым» снимается. Но не снимается противоречие между ценностью со-выживания Человечества и Природы и политическими и деловыми элитами современного индустриального общества, стремящимися выдать свои интересы за нужды человечества. Ученый выдвинул понятие «коэволюция биосферы и человека» как необходимое, но недостаточное условие выживания. Коэволюция, со-выживание – формат развития на этапе перехода к ноосфере, которая рождается на пространстве Земли на фоне роста власти человечества над самим собой. Это то, что дорого ему в теории устойчивого развития (УР): в УР Коллективный Разум берет самого себя под контроль, учится править собой – не навязывать природе некие выдуманные законы и на этой зыбкой почве строить планы развития, а прогнозировать, моделировать, перестраиваться под влиянием этих моделей. Так УР через Коллективный Разум вновь и вновь порождает ноосферу.

Термин «устойчивое развитие» ученый считал неудачным, указывал на неадекватный перевод, порождающий иллюзии, рисующие «современные экологические трудности» как нечто преодолемое «за счет использования технологических средств принятия относительно простых государственных решений»; предлагал переводить УР как «допустимость» <развития>, согласованность развития популяции с функционированием ее экологической ниши как целостной системы: «формирование новой ниши и образа жизни, гарантирующего sustainability новой ниши» [Моисеев 1996: 195].

В философии политики Моисеев стремился идти своим путем, он пытался разглядеть в нынешнем плачевном состоянии индустриальных политических институтов и процессов их изначальный облик, смыслы, которые в них ранее заложены. Прежде всего он требовал политической реабилитации человека, низведенного позднеиндустриальным обществом до функции «человека потребляющего», ресурса технологического развития, и выступал за активность реабилитированного человека в общественном процессе, активность, направленную не в среду, а на самого человека или институт, в котором он действует. Итогом явится превращение политики из хаотического столкновения разнонаправленных сил в сферу деятельности Разума, придающего ей направление на преодоление экологического кризиса.

В системе «государство – гражданское общество» Моисеев, теоретик самоорганизации, выбирает, безусловно, гражданское общество. На него он возлагал огромные надежды как на силу, обеспечивающую выживание на планете, вмести-

лице Коллективного Разума, место раскрепощения и самораскрытия человека. Рост роли гражданского общества в мире ученый считал закономерным. Итогом данного процесса станет планетарное гражданское общество, реальная сила, которая может повернуть вспять опасные тенденции глобального развития. В его лице «человечество должно сформулировать систему обратных связей», поставить заслон нарастанию тоталитарных тенденций мирового развития [Моисеев 1999а: 119].

Делая ставку на гражданское общество, Н. Н. Моисеев не отвергал государство как исконную форму человеческой организации, объединения людей и политический организм, который в единстве всех его частей универсально стремится к самосохранению. Это самая ранняя форма самоорганизации человеческого общества, способная рождать новые формы. Но он рассматривал государство как временный институт (происхождение его связано с неолитической революцией), в наше время пребывающий на стадии трансформации. По его мнению, это иллюзия, что национальные государства вечно воюют на взаимное уничтожение, в действительности они помогают друг другу выживать. Экологические вызовы поднимают проблему на новый уровень: они настоятельно требуют от государств содружества, кооперации, ведь безопасность одних становится условием безопасности всех остальных и наоборот. Новые требования среды предписывают консолидацию. Но это не отвечает интересам национальных элит.

В политической науке Моисеев оставил наиболее яркий след в цивилизационном анализе. Он мыслил цивилизации как космист и адепт экосистемного подхода. Формирующаяся ноосфера подводит общую черту под множеством цивилизационных миров, которые есть достигнутая самоорганизацией человечества на данном этапе антропогенеза модель адаптации к среде со своей системой мысли и человеческих отношений [Его же 1999б: 41]. Путь цивилизаций – вечный поиск своей экологической ниши. Ныне цивилизации – участники коэволюционного процесса. Гибель локальных цивилизаций со временем неизбежна. Экологический кризис локальной цивилизации не закономерен, его диктуют правила, заданные господствующей организацией жизни – цивилизационной матрицей, ядром. Кризис есть результат адаптации к окружающей природной среде путем ее уничтожения, замены на систему искусственных сред. Эту модель адаптации – западную модель – сегодня взяли на вооружение миллиарды людей. Именно она ныне несовместима с нуждами выживания планеты.

Цивилизационные разломы, которые воспринимаются часто как результат соседства двух цивилизационных систем, Моисеев видел как выдаваемый за модернизацию итог попыток перенести цивилизационные особенности западной цивилизации на другие, насильно внедрить свою цивилизационную матрицу в ткань иного культурно-исторического типа. Подлинная модернизация как осовременивание развития – это приведение общества в соответствие со стремительно меняющейся реальностью, ведущее к совершенствованию данной цивилизации, более эффективной адаптации к окружающей среде, совершенствованию технологической базы, инновациям.

Моисеев мыслил в категориях единства человеческой цивилизации, но из сближения цивилизаций в условиях глобализации не случится их слияния. Любая мировая культура достигает упадка и исчезает, но общемировая цивилизация на этих руинах никогда не возникнет. Различия между цивилизациями непреодоли-

мы. «Я не верю в возможность и считаю крайне опасным стремление к мировому правительству и к унификации цивилизации. Единая мировая цивилизация – это такой же нонсенс, как и генетически стандартный человек» [Моисеев 1998: 470].

Труды Н. Н. Моисеева вдохновляли его современников еще при его жизни. Одни ученые признавали влияние Моисеева, в работах других это влияние прослеживается, быть может, помимо воли авторов. Так, Эдуард Сальманович Кульпин (1939–2015), видный отечественный мыслитель и разработчик концепции социоестественной истории, признавая значение Моисеева, выделял для себя эволюционную теорию (универсальный эволюционизм) последнего, применив ее к анализу исторических процессов [Кульпин 2008]. «Суперсистема Вселенная» с ее всеобщей взаимозависимостью непрерывно самоорганизуется в условиях неопределенности, противостоя энтропии. Чередуются этапы порядка и хаоса, рождаются и гибнут системы. Коллективный Разум сейчас включается в этот процесс, позволяя компенсировать дестабилизирующие факторы за счет усиления связей и взаимозависимостей внутри системы. Кульпину здесь открылось новое в понимании исторических процессов. То же можно сказать в отношении теории бифуркации Моисеева, понятой Кульпиным сквозь призму идеи катастрофы целого с сохранением частей, идеи идущей через бифуркации дезорганизации, движущей силы развития системы. Бифуркации интерпретированы как отсутствие предопределенности. Даже в отсутствие стохастических факторов возможен переход материального субъекта во множество новых состояний: развитие непредсказуемо в принципе и определяется неконтролируемыми случайными факторами. Развитие Универсума идет как бы «по лезвию бритвы», чем сложнее система, чем выше опасность разрушения. Идея дезорганизации через бифуркации понята Кульпиным как великая роль личности в истории [Моисеев 1991; 1993].

Кульпин обратил внимание на идею *со-жизни* Моисеева: самоорганизующаяся система проходит стадию катастрофы, но неизменно, как бы притягивающиеся некоей клеточной памятью, заложенной внутри, части ранее целого собираются вновь, чтобы породить более адаптированный и приспособленный к жизни организм. Идея со-жизни дает понимание того, что гибель государства есть не гибель заключенного в него народа, этноса, а закономерный этап его успешного выживания во времени [Кульпин 2008].

У Моисеева цивилизация, по мере того как устоялся способ ее адаптации к среде, предполагает набор ценностей, технологий, навыков, систему общих заповедей, похожесть духовных миров; но все определяет характер взаимодействия людей со средой, рождающий «уникальный способ мышления и технологические основы жизни», на базе которых уже избирается религия, формируются ценностные системы [Моисеев 2000а: 17].

Для Кульпина цивилизация также – единая социоприродная система, сообщества людей, погруженных в природные ландшафты и уникальные климатические условия. Кульпин подчеркивает мысль Моисеева о том, что цивилизации ищут равновесия со средой; оттого они вечно на переломе, на грани бифуркации. «Стабильность и кризисы во взаимоотношениях с природой определяют генетические коды цивилизаций и их мутации» [Кульпин 2008: 48]. Цивилизация, желающая выжить, должна искать баланс, должна учиться развиваться устойчиво. Это значит, трактует Кульпин Моисеева, развиваться не мирно и спокойно, скорее даже наоборот, быть способной к плодотворной дезорганизации. «Согласно синергети-

ке, эволюция носит нелинейно-бифуркационный характер... элементарный самоорганизационный (или дезорганизационный) цикл развития происходит от одной бифуркации к другой» [Кульпин 2008: 119]. Нашу многострадальную страну он находил техногенной и высокоадаптивной. То, что Россия идет через череду кризисов – признак не слабости, а силы. Главное в кризисных цивилизациях – сохранение ядра, в котором заложен способ адаптации, а институты (государство), духовные и культурные атрибуты цивилизации (язык, религия) являются вторичными, и на каком-то этапе цивилизация жертвует ими, если это необходимо. Россия имеет сложнейшую для адаптации среду, для выживания ей нужно непрерывно меняться. Временная дезорганизация и потеря культурной идентичности, даже исчезновение государства – это такой порядок развития, ведущий к выживанию цивилизации в целом, укреплению ее ядра. В своих последних работах Э. С. Кульпин довел цивилизационную мысль Н. Н. Моисеева до логического завершения.

Н. Н. Моисеев повлиял, несомненно, и на А. С. Панарина (1940–2003). Александр Сергеевич и Никита Николаевич были знакомы в последние годы их жизни, несомненно, это влияние было взаимным. Двигаясь в цивилизационном анализе в русле логики П. Сорокина (дихотомия «материальная – идеациональная»), Панарин противопоставлял цивилизации идеи цивилизациям природы. Он искал свой ответ на загадку русской цивилизационной индивидуальности, когда народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит государственной власти и в мире политическом ищет «не столько организованного общества, сколько общности» [Бердяев 2012: 298]. На этот феномен обращал внимание и Н. Н. Моисеев. Для него Россия, в отличие от Запада, непосредственного виновника экологического кризиса, имеет модель адаптации неконфликтного типа, когда система сама адаптируется под среду. За счет этого Россия, несмотря на ее полиэтничность, поликонфессиональность, – «целостная самостоятельная цивилизация... симбиоз народов, синтез различных культур, сплав, родивший общее миропредставление и общий образ жизни»; разнородный характер цивилизации не нарушает ее единства, а лишь усиливает техногенный характер [Моисеев 2000б: 6]. «Определяющее значение играла... способность сосуществовать с другими цивилизациями, мирно и сообща жить с другими народами и формировать общую цивилизацию» [Там же: 9]. Социум-система не имеет напряженных контактов с окружающей ее природной и социальной средой, оттого русский рассматривает мир политический, в центре которого – государство, как нечто враждебное: современное национальное государство (nation state), рожденное Западом, принципиально по-иному взаимодействует с окружающей средой. Такое государство чуждо русскому цивилизационному ядру и отторгается.

Мысль Панарина следует в том же русле, но она направлена на работу со Смыслами. Для него русская цивилизация – вместилище русской идеи как высшего понятия о пространстве-времени. Русская идея неутилитарна, русские цели – духовны. Русская идея сопрягает высшие сакральные смыслы и материальный, вещественный мир и человека, локальное и глобальное. Русский живет жизнью Духа, воспроизводит соборное начало. Ученый полагал, что не только наша религия задала наш цивилизационный тип, но и «привязка к русскому космическому пространству» [Панарин 2014а: 184]. Собственно, он и включает в себя христианско-православные сакральные Смыслы и особое отношение к материальному,

натуре, природе, особое восприятие пространства, «русского пространства» (этот термин употреблял и Моисеев в поздних работах). «Человек живет не только небом, но и землей, и территориально-географические детерминанты в немалой степени ответственны за склад характера, образ жизни народов, живущих в определенной части ойкумены» [Панарин 2014б: 184].

Как видим, Панарин говорит о том же, о чем и Моисеев, но в своей системе понятий: в русском цивилизационном ядре нет места государству, оно никак не совпадает с «русским пространством» и имеет внешний по отношению к нашей матрице характер. Реальное историческое государство в России у Панарина олицетворяет «человек порядка», происходящий с Запада. В целом взгляды ученых неожиданно дополняют друг друга и коррелируют настолько, что обоих можно отнести к школе космизма, только Моисеев дает ответ на загадку русской цивилизации как космист-естествоиспытатель, а Панарин – как религиозный космист. Особо подчеркнем: Панарин настаивал на необходимости учитывать материальную составляющую формирования цивилизации и ее природно-географический фактор, а Моисеев призывал не игнорировать системы идей.

Иногда тем, кто оказался восприимчив к философии Моисеева, присущи настолько схожие социально-экологические интуиции, что уже невозможно понять, где заканчивается идея Моисеева и начинается мысль самого автора. В частности, у Александра Борисовича Вебера находим интуиции, несомненно, вдохновленные Моисеевым. Так, Вебер солидарен с восприятием Моисеевым ноосферы не как проекта, а как процесса, который происходит помимо человеческих воли и желания. Интересно, что Вебер проницательно разглядел в моисеевской мысли о ноосфере проблему (не)достижения автотрофности. Это – ключевой вопрос: как «сочетать объективность экспоненциального роста мирового населения и общественного производства с необходимостью сохранения естественной среды обитания человека?» [Вебер 2011: 113]. И, отвергая ранних космистов-теоретиков ноосферы, вслед за Моисеевым Вебер утверждает: это недостижимая цель, путь, ведущий в тупик. Человек не самодостаточен. Чем активнее он действует, тем теснее связан с природой.

Следует подчеркнуть единство позиций ученых по отношению к технике, технологии, техносфере: у Вебера техносфера так же есть продукт человеческой мысли, материальное продолжение человека, образующая с ним в рамках стремительно меняющейся среды единство, превращение науки в производительную силу есть составляющая ноосферогенеза, результат работы Коллективного Разума. «Первична идея, которая материализуется в рамках технического прогресса, выступающего в качестве активного преобразователя природной среды» [Там же: 111]. Но, наверное, главное, что их объединяет, – цивилизационный анализ. Такие процессы, как рост народонаселения некоторых стран, Вебер рассматривает сквозь призму выживания и успешной адаптации к окружающей среде. Скажем, тот факт, что для одних цивилизаций сегодня характерно падение, а для других – рост численности людей, объясняется тем, что так они способны выживать, сохраняя при этом свою идентичность. Колебания динамики населения в мире есть результат внутренней саморегуляции цивилизаций, адаптирующихся в своей среде, и не нуждаются в переводе на «ручное управление», пишет А. Б. Вебер. Несомненно, в этой части Моисеев подписался бы под каждым словом Вебера.

Таким же образом мыслил и Б. Г. Режабек в своей известной работе о ноосфере, описывая теорию коэволюции и подчеркивая универсальный характер этого принципа. Коэволюция – гармоничное сосуществование культур народов, живущих на планете, культурное, а не только природное многообразие, выживание всех вместе, а не одних за счет всех остальных, повторяет он излюбленную мысль Моисеева. Интересно Режабек осмыслил моисеевскую теорию Коллективного Разума, его владычества. «Русский космизм осмыслил задачу человека как хранителя уже не только Эдемского сада, но всей Вселенной, в которой человек является носителем Разума, Божественного Логоса в мир» [Режабек 2008: 167]. Так что Режабек выделяет у Моисеева наличие компоненты Высшего в Коллективном Разуме, Сверх-единства. И у Моисеева есть идея того, что в самоорганизации людей-нейронов присутствует некое высшее организующее начало, что синергетический процесс – не спонтанный, не хаотический.

Порой встречаем авторов, которые как будто находятся во внутренней полемике с Моисеевым, даже если они с ним вроде бы «по одну сторону баррикад». Случается, что своей критической позиции они не скрывают. Так, В. В. Данилов-Данильян понял ноосферную мысль академика так, что сравнивал отношения в системе «общество – природа» с отношениями между автомобилистом и автомобилем [Данилов-Данильян 1998]. Коэволюция между водителем и машиной, он считает, невозможна: если человек управляет природой, как водитель транспортным средством, тогда как возможна их коэволюция? Если природа – орудие, инструмент, как, видимо, считает Данилов-Данильян, то – никак. Напомним: по Моисееву, состояние кризиса переживает ныне единая социоприродная система, которая через это состояние пытается прорваться к новому, более высокому уровню самоорганизации. Человек находится у нее внутри и испытывает на себе все его последствия, более того, своими действиями он лишь провоцирует его обострение. Сравнение соответствующих отношений с водителем и машиной для Моисеева невозможно. Водитель контролирует машину, если она исправна. А может ли человечество контролировать свою среду обитания? Может ли подсистема контролировать всю сложную систему? Не может, как и предсказать развитие биосферы во времени. «Биосфера меняется, в ней властвует случайность, и предсказать на более или менее длительный период ее развитие невозможно» [Моисеев 2000а: 79]. Верно, что «на нынешнем историческом этапе человечество должно научиться предвидеть надвигающиеся кризисы», но – с учетом ограниченности наших знаний, что постулирует принцип предосторожности (*precautionary principle*) в УР [Его же 1999б: 195]. Непосредственно в наших силах лишь отчасти понять, каково состояние среды, и на основе имеющихся знаний организовать систему взаимодействия «природа – общество», так, чтобы предотвращать, насколько возможно, будущие кризисы через поддержку устойчивого неравновесия в данной системе.

Бывший глава природоохранного ведомства, при нем, собственно, ставшего бывшим, явно мыслит ноосферу совсем не как Моисеев. Его система мысли действительно позволяет сделать, например, вывод, что ноосфера – утопический и сциентистски-утопический концепт, это вывод, с которым многие соглашаются [см., например: Кутырев 2009; Миркин, Наумова 2005; Ефременко 2006 и др.]. Данилов-Данильян отмечает, что УР Моисеева теряет смысл, потому что на поверку оказывается тем же, что и коэволюция, или этапом коэволюции, и оба они –

этапы на пути достижения ноосферы, или сама ноосфера. Эти теории умозрительные, без всякой связи с реальностью. Вместо них он высоко ценит, особенно в контексте движения к УР, теорию биотического регулирования В. Г. Горшкова [Данилов-Данильян 1998]. Между тем он не уделяет внимания тому факту, что ноосфера, УР – концепции нормативистские и требуется делать на это поправку. И, конечно, ноосфера, коэволюция и УР – категории у Моисеева совершенно различные и о разном.

Особняком в этом споре стоит фигура видного отечественного теоретика ноосферы А. Д. Урсула. Урсул, на наш взгляд, неожиданно мало коррелирует с Моисеевым. Многолетний профессор Академии госслужбы, он – государственный, сторонник перехода к новому обществу организованно, в том числе при помощи административно-командных мер. Решение экологической проблемы – в снятии кризиса через взятие среды под контроль. Ноосфера для Урсула является не этапом развития общества, а итогом этого развития, то есть обществом, основанным «на научно-рациональной и нравственно-справедливой основе» [Урсул 2015: 120], когда подойдет к концу и сам переход мыслящих существ Планеты на путь экологически безопасного развития (то есть к коэволюции). Ноосферогенез и УР – управляемое развитие («управляемое развитие по определенным критериям», в рамках которого предстоит «выявить систему позитивных целей, на которые будет ориентироваться этот эволюционный процесс» [Там же: 296]), то есть проект, ноосфера – его завершение, финальный политический строй. Но для синергетика Моисеева ноосфера – не столько социоприродная система настоящего или будущего, сколько геологическая стадия эволюции Земли, рождающаяся стихийно, не по приказу. Обсуждение финального политического облика общества будущего антинаучно: «...вопрос о финальном состоянии вообще лежит за пределами научной мысли» [Моисеев 1999б: 24].

Представление о ноосфере как о новом социальном строе и как о национальном и глобальном политическом проекте не раз встречаем у Урсула, которому ноосфера даже «видится как космоноосфера, развивающаяся также за пределами земной биосферы» [Урсул 2015: 297]. Формулируется концепция перехода на модель нового совершенного общества, как бы экологического аналога коммунизма, через обновленную стратегию безопасности [Бабурин и др. 2012].

Все это очень далеко от идей Н. Н. Моисеева. В центре его анализа – человек. Корни экологического кризиса – в человеке как носителе данного способа экологического поведения, который заключен в данном культурно-историческом типе. Моисеев ставит в качестве условия окончательного торжества ноосферы рост влияния Коллективного Разума и его носителя, Мастера, который есть источник инновации и положительных бифуркаций развития. Мастер – это ученый. Существует теория «наделения людей властью» (empowerment of people). Моисеев предлагал наделить властью ученых, но не любых. Не носителей ценностей общества потребления, а апологетов экологической нравственности с ценностями самосохранения человечества, которые порождает и воспроизводит Коллективный Разум. Он уповает на коллективные формы принятия решений со стороны ученых. Моисеев говорит не об уходе самых умных во власть, а о политическом участии интеллектуалов, которые продолжают оставаться в науке. Об участии, но не формировании на их основе новой правящей элиты. «Беда, когда страной или войском управляют, а еще страшнее – командуют, ученые», – предупреждает он.

Но также недопустимо, если рядом с политиками нет людей науки и политические решения принимаются «с закрытыми глазами» [Моисеев 1996: 53]. Он был за то, чтобы между ученым, экспертом в данном вопросе, и человеком политическим при принятии конкретных решений соблюдался баланс. Взор Н. Н. Моисеева устремлен на человека, А. Д. Урсула – на институты. Институты индустриального общества.

Для Урсула проблема ноосферы решается через создание системы «разумного управления». Моисеев не отрицает саму проблему управления, но отвергает ее решение через применение институтов (в том числе государства) индустриального общества, проводников экологического кризиса западной цивилизации. Конечно, утверждать, что Урсул призывал строить ноосферу пятилетками, тоже нельзя. В работах последних лет он стал восприимчив к теориям, близким и Моисееву, в частности, к идее ограниченности наших знаний, условности и неполноты прогнозов: «Перестраивать биосферу – значит фактически управлять ею. Однако такое управление невозможно для человечества... “информационная яма” не оставляет надежд на создание управляемой человеком системы, подобной биосфере» [Урсул 2015: 129].

Применимо ли к Моисееву обвинение в утопизме и ненаучности? Ученый сам был согласен с тем, что здесь есть проблема, не раз он писал, что концепция ноосферы в России мифологизирована, упрощена, понята примитивно, волновался, что такое восприятие идей ноосферы «бьет» и по УР, которое так же понимается как умозрительная концепция, утопия. Этого Моисеев старался не допустить. Что же мы можем сказать о нем самом?

Объективный характер наступления некоего нового типа общества для ученого сомнению не подлежит. Однако преодоление экологического кризиса не случится само, автоматически. Но Моисеев был прагматичен и материалистичен в части шагов к этому новому обществу. Он стоял на том, что людям будущего предстоит научиться управлять «не природой, а самими собой» [Реймерс 1992: 340], категорически отвергал автотрофность и технологический оптимизм в условиях, когда у его современников автотрофность воспринималась почти как панацея и единственно возможный ответ на все вызовы, «антиэнтропийный, самоорганизующийся и самоуправляемый... процесс» [Московченко 2006: 235]. Имеет место разумное и целесообразное устройство мира, следуя логике которого человек обретет новую экологическую нишу и кризис будет преодолен: автотрофность есть суицид, отказ от нее – подлинное начало самоорганизации и самоуправления.

Подводя итог, заметим, что отношение космиста Н. Н. Моисеева к ноосфере радикально расходится с таковым очень многих его современников, скажем, В. П. Попова, для которого ноосфера – полностью измененная, искусственная среда, которая будет управляться свободной научной мыслью при равенстве и социальной справедливости [Попов, Крайнюченко 2003]. Носитель этой научной мысли – не Мастер Моисеева, а постчеловек фантастических романов Ефремова, без религии и старомодной морали, в нем все подчинено одному – выживанию. Моисеев стремится сохранить первозданную природу и человека, в том числе человека традиционного общества, как ценность. Не одних за счет других, а только вместе – выживание первого как условие выживания второго. Выживание в первозданном виде, таковых, каковы они есть.

Солдат Второй мировой, Моисеев горячо любил родную страну, о ней были его последние мысли, надежды и мечты. На закате жизни он обратился к поиску русской национальной идеи и приступил к этой задаче как русский космист. Это – естественный итог его пути: «...русский космизм продолжает русскую идею, онтологизируя... социально-экологические интуиции всемирно-исторической миссии России... Космизм – это вселенское обоснование русской идеи, ее вселенский уровень» [Старостин 2016: 121]. Найти идею он не успел, но успел дать свое видение цивилизационного ядра русской цивилизации. Это стало вершиной его творчества, подводя под которым итоговую черту, он применил идеи коэволюции и ноосферогенеза к политическому анализу и синтезировал пригодный для создания концепции развития и безопасности страны теоретический базис [Глушенкова 2015].

Н. Н. Моисеев не считал себя философом-профессионалом, но в своих философских штудиях он, думается, смог не просто соответствовать уровню своих предшественников, но и проявить настоящее философское новаторство, сугубо присущее, несомненно, космизму. Неслучайно его интерпретируют «в качестве одной из областей философской инноватики, возникшей в результате философской рефлексии... над междисциплинарной, многоплановой проблемой взаимосвязи человека... с Космосом» [Старостин 2016: 117]. К этой области отнесем и наследие Моисеева. Вот уже более 15 лет его нет с нами. Постепенно уходят из жизни те, кто его знал, писал в полемике или в согласии с ним. Наследие Моисеева постепенно забывается. Кто станет его продолжателем в основанной им новой области философской и политической науки? Этот вопрос на сегодня остается открытым.

Литература

- Бабурин С. Н., Дзлиев М. И., Урсул А. Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты. М. : Магистр, ИНФРА-М, 2012.
- Бердяев Н. А. Русская идея. СПб. : Азбука, 2012.
- Вебер А. Б. Рынок и общество. М. : ИС РАН, 2011.
- Глушенкова Е. И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России. М. : МНЭПУ, 2015.
- Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 3–16.
- Ефременко Д. В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М. : ИНИОН РАН, 2006.
- Кульпин Э. С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М. : Московский лицей, 2008.
- Кутырев В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–102.
- Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Курс лекций по устойчивому развитию. М. : Тайдекс, 2005.
- Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 3–28.
- Моисеев Н. Н. Восхождение к Разуму. М. : МНЭПУ, 1993.
- Моисеев Н. Н. Агония России. Есть ли у нее будущее? М. : Экспресс, 1996.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М. : МНЭПУ, 1999а.

Моисеев Н. Н. Размышления о современной политологии. М. : МНЭПУ, 1999б.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : МНЭПУ, 2000а.

Моисеев Н. Н. Русский вопрос / Н. Н. Моисеев // Русская цивилизация. М., 2000б.

Моисеев Н. Н. О необходимых чертах цивилизации будущего. М. : МНЭПУ, 2009.

Московченко А. Д. В. И. Вернадский, русский космизм, автотрофность, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. №. 8. С. 232–235.

Панарин А. С. Православная цивилизация. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014а.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире // Трибуна русской мысли. 2014б. № 15.

Попов В. П. Крайнюченко И. В. Глобальный эволюционизм и синергетика ноосферы. Ростов н/Д., 2003.

Режабек Б. Г. Учение В. И. Вернадского о ноосфере // Век глобализации. 2008. № 1. С. 159–168.

Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М. : Россия молодая, 1992.

Старостин А. Русский космизм в контексте современной философской деятельности // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 114–125.

Урсул А. Д. Феномен ноосферы. М. : Ленанд, 2015.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СОВРЕМЕННЫЙ МИР ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д. МАРКОВИЧА (к 85-летию со дня рождения выдающегося сербского ученого)

Залиханов М. Ч., Степанов С. А.*

В статье анализируются некоторые работы выдающегося сербского/югославского ученого, политика и общественного деятеля Д. Ж. Марковича и его научные выводы относительно глобальных экологических проблем и главных геополитических изменений в мире. Эта первая попытка эколого-политологического анализа научного наследия сербского ученого в российской научной литературе показывает эволюцию его междисциплинарного подхода в рассмотрении сложных глобальных и локальных социально-экономических и политических процессов, в том числе в славянском мире. Выделяется особое внимание сербского ученого к экономическим интересам транснациональных корпораций, которые обслуживают политические силы ряда развитых государств с использованием военной мощи, что приводит к цивилизационным противостояниям (по С. Хантингтону и Н. Моисееву) и игнорированию концепции устойчивого развития.

Ключевые слова: глобализация, устойчивое развитие, цивилизационные процессы, экологическое образование.

The article examines some works of the outstanding Serbian / Yugoslav scientist, politician and public figure Danilo Markovic and his scientific conclusions on global environmental problems and major geopolitical changes in the world. This first attempt of the ecological and political analysis of the Serbian scientist's scientific heritage in Russian scientific literature shows the evolution of his interdisciplinary approach in considering complex global and local socio-economic and political processes, including the Slavic world. The article highlights the special attention of the Serbian scientist to the economic interests of transnational corporations that serve the political forces of a number of developed states with the use of military force, which leads to civilizational confrontations according to Huntington and Moiseyev and ignoring the concept of sustainable development.

Keywords: globalization, sustainable development, civilizational processes, ecological education.

* Залиханов Михаил Чоккаевич – к. б. н., д. г. н., профессор, академик РАН, Герой Социалистического Труда, научный руководитель Высокогорного геофизического института (г. Нальчик). E-mail: zalihanovm@mail.ru.

Степанов Станислав Александрович – д. пол. н., доцент, профессор Академии МНЭПУ (г. Москва), ученый секретарь Комиссии РАН по изучению научного наследия академика Н. Н. Моисеева. E-mail: ecosas@rambler.ru.

Динамика геополитических изменений последнего времени требует глубокого научного анализа и осмысления на междисциплинарной основе. Научные доклады и сообщения на заседаниях, посвященном вековому юбилею академика Н. Н. Моисеева, показали на научном наследии этого ученого, сколь важно исследователям современных глобальных процессов, имея за плечами естественнонаучное образование, фундаментальные исследования на стыках наук, подходить с гуманитарных позиций, то есть интересов человека, к оценке сложных геополитических, экономических и технологических процессов, происходящих в мире.

Жизненный путь в науке, политике и общественной деятельности представителя гуманитарных и общественных наук сербского ученого Д. Ж. Марковича (1933–2018)¹ имеет не менее важное значение в понимании современной картины мира. Как специалист в области социологии труда и охраны окружающей среды Маркович в последней четверти прошлого века активно исследовал проблемы социальной экологии и социологии образования. Это совпало с повышенным вниманием в мире к проблемам окружающей среды после выхода в свет известного доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987).

В качестве стратегического решения данной проблемы в докладе была предложена концепция устойчивого развития (sustainable development), в основе которой – соблюдение баланса естественных возможностей биосферы и социально-экономического развития для удовлетворения потребностей ныне живущих поколений людей не в ущерб условиям жизни для будущих поколений жителей Земли. Последовавшие конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г., 2012 г.; Йоханнесбург, 2002 г.) указали на неотвратимость реализации концепции устойчивого развития и наметили стратегические шаги по ее осуществлению. На основе социологии труда и охраны труда Д. Маркович формулирует важный методологический вывод о том, что производственная среда может пониматься как совокупность материальных факторов процесса труда и человеческих отношений, возникающих у участников производственного процесса. «Производственная среда является составной частью таким образом понимаемой окружающей среды человека» [Маркович 1997: 56]. Отсюда деятельность по охране окружающей среды и улучшению условий труда должна способствовать повышению качества жизни и качества окружающей среды, которые, по утверждению Д. Марковича, связаны между собой самой природой человека. Для

¹ Данило Жорж Маркович (1933–2018) – выпускник юридического факультета Белградского университета (СФРЮ), доктор экономических наук (1964), доктор социологических наук, доктор философских наук (1965). Работал ассистентом, доцентом и приглашенным профессором в области социологии труда, деканом педагогического факультета университета г. Ниша (1960–1970); избирался профессором социологии на факультете политических наук Белградского университета (с 1974 г.); в 1979–1991 гг. занимал пост министра образования Сербии в составе СФРЮ, в 1992–1993 гг. – заместителя председателя правительства Сербии; в 1994–1998 гг. являлся Чрезвычайным и полномочным представителем Союзной Республики Югославии (Сербия и Черногория) в Российской Федерации. В 1998–2015 гг. – профессор педагогического факультета Белградского университета, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования. Его научные интересы: социология охраны труда и окружающей среды, социология образования, философские, социологические, экономические и политические проблемы глобализации. Автор более 600 научных трудов и публикаций, почетный доктор ряда российских университетов (МГУ имени М. В. Ломоносова, Ростовского государственного университета, Международного независимого эколого-политологического университета [МНЭПУ], Академии труда и социальных отношений).

обоснования такой позиции ученый выдвинул пять взаимосвязанных аспектов: 1) введение критерия экологической эффективности для стимулирования новых технологий, сберегающих природные ресурсы и сохраняющих окружающую среду; 2) критерием технологического процесса должен стать вклад в благосостояние человека и качество его жизни; 3) усиление международного сотрудничества по улучшению условий труда, то есть повышению качества производственной среды; 4) повышение ответственности институтов гражданского общества за направления общественного развития в условиях ресурсных и природоохранных ограничений; 5) формирование новой морали и этики как необходимое условие развития науки и техники в универсальных и глобальных масштабах [Маркович 2013: 116; 2008a: 260].

Исследуя в последнем десятилетии прошлого века проблемы реформирования образования в связи с реализацией концепции устойчивого развития, а также процессы глобализации, Д. Маркович обратил внимание на то, что эти процессы несут с собой три противоречия, устранению которых должно способствовать образование: а) противоречие между глобальным и локальным, которое выражается в необходимости быть гражданином мира и одновременно сохранить национальную самобытность; б) противоречие между универсальным и индивидуальным, которое выражается в признании глобализации мира и сохранении самобытности (индивидуального своеобразия отдельной личности и культурного своеобразия своего народа); в) противоречие между традицией и современностью, которое выражается в потребности приспособления к новому времени, новым отношениям в глобальном обществе при сохранении собственных корней своего исторического развития [Его же 2007a: 25]. Отсюда ученый делает вывод о том, что образование может внести свой вклад через свое содержание, важными составными частями которого должны быть сведения о том, что человеческое сообщество представляет собой широкий спектр конфессиональных, национальных, культурных и этнических сообществ, призванных уважать самобытность каждого из них, их культурное своеобразие. При этом Д. Маркович приводил мысль своего румынского коллеги Иона Илиеску о том, что «национальная идентичность приобретает новые значения, она не исчезает, а возрастает в своей важности по мере развития и модернизации общества» и поэтому необходимо «отделить экстремистский национализм от здорового патриотизма, который является не проходящей ценностью человеческой истории» [Там же: 30].

Эти положения перекликаются с мыслями российского коллеги Н. Н. Моисеева о формировании любви к родине, в том числе посредством воспитания экологической культуры и умения ценить красоту природы своей страны. Все это должно быть в системе ценностей современной молодежи [Моисеев 1996: 21].

Обращая внимание на складывающуюся триаду (три культуры) современного образования в условиях глобализации: математика, естественные науки, технологии; общественные науки, искусство, языки; экономика и социальная проблематика, Д. Маркович отмечал, что экологическое образование как компонент образования международного типа должно способствовать пониманию того факта, что современные технологии, на которых базируется процесс глобализации, «следует использовать для сохранения экосистемы Земли и прежде всего – для сохранения невосполнимых природных ресурсов, без которых жизнь на Земле невозможна» [Маркович 2015: 96].

Социально-экологические исследования ученого привели к пониманию того, что изучение процессов глобализации важно для выбора направления общественного развития (для создания более гуманной цивилизации), где одна цивилизация не будет уничтожаться другой. И здесь ценно, на наш взгляд, принципиальное замечание сербского ученого о долге науки перед человечеством: то, что «экологи сделали сегодня для защиты мира природы, социологи должны сделать для самого опасного и самого уязвимого объекта на Земле – человечества, которое, в конечном счете, едино и неделимо» [Маркович 2002: 129].

В своих работах первого десятилетия нынешнего века Д. Маркович рассматривает процессы глобализации через призму прежде всего экономики. Утверждая, что «первый раз в истории человечества рынок осваивается без применения силы, без войн», Д. Маркович подчеркивал, что «в действительности мировая глобальная экономика – это не что иное, как освоение планеты западными транснациональными компаниями (ТНК) в интересах этих компаний, но не в интересах народов планеты» [Его же 2008б: 156]. Рассматривая глобализацию как всемирное явление, возникшее благодаря технологическому, экономическому и политическому объединению мира, ученый отмечал в то же время, что экономический аспект глобализации становится гораздо шире и сложнее, если учесть, что глобализация связана не только с экономическими структурами, но и с политической организацией общества, что она влияет на государственную политику, прежде всего в области глобальной экономики. Уже к началу последнего десятилетия прошлого века, указывал исследователь, в мире насчитывалось 35 тыс. транснациональных корпораций (ТНК), имеющих 150 тыс. фирм за границей. Из 22 млн сотрудников этих компаний 7 млн работали за границей. В начале XXI в., отмечал ученый, число данных компаний и работающих в них значительно возросло [Его же 2002: 19]. Указывая на рост ТНК, сербский исследователь подчеркивал, что экономически наиболее развитые страны во главе с США стремятся доминировать в использовании природных мировых ресурсов, не гнушаясь ни экономическим, ни политическим, ни даже военным давлением [Там же: 28]. Это положение сербского ученого ярко иллюстрируется, как показывают геополитические изменения последнего времени (военный развал Югославии, переворот на Украине, события на Ближнем Востоке), военным характером вмешательства во внутренние дела развивающихся стран и регионов ради удовлетворения экономических интересов ТНК наиболее развитых западных стран.

В то же время, отмечая феномен глобализации и глобальной экономики через призму человеческого фактора, мирового финансового кризиса и влияния его на достоинство человека [Его же 2010], сербский ученый указывал, что «глобализация... проявляется посредством трех процессов: процесса экономической взаимосвязи (экономической глобализации), глобализации культуры и формирования международной менеджерской буржуазии» [Его же 2008б: 156].

Маркович исследовал экономические основы современной теории глобалистики [Его же 2007б: 33–53] и анализировал состояние мировой экономики после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Ученый в своей фундаментальной работе «Глобалистика и кризис глобальной экономики» сделал важный вывод: «Требуются экономически рациональные и продуктивные инструменты, которые на основе соглашений и договоров отвечали бы цивилизации гуманистического характера» [Его же 2010: 194].

Для достижения такого уровня цивилизации важно обеспечить социально-экологическую составляющую устойчивого развития, то есть «установление гармоничных отношений между природой, обществом, человеком и социальной справедливостью, учитывая, что на протяжении всей истории человечества искались пути для достижения свободы и справедливости и что равенство и универсальность являются основой справедливости, которая важнее свободы» [Маркович 2014: 162].

Представляя собой социально-гуманитарные науки, Д. Маркович понимал значение того факта, что современные технологии, на которых базируется процесс глобализации, «следует использовать для сохранения экосистемы Земли и прежде всего – для сохранения невозполнимых природных ресурсов, без которых жизнь на Земле невозможна» [Его же 2008а: 259].

В то же время сербский ученый понимал, что в условиях глобализации власть финансового капитала, насаждая неолиберальную политику, нивелирует национальные интересы отдельных стран, самобытность их образа жизни, культуры. И это противоречие глобализации требует своего научного осмысления и выработки соответствующих научных рекомендаций национальным политическим и экономическим лидерам [Его же 2007б: 126–127].

Такой подход авторитетного мирового эксперта делает научные выводы по геополитическим проблемам мира существенным вкладом в понимание современной научной картины мира. Об этом также говорят наши последние совместные с Д. Марковичем научные публикации о внешних и внутренних причинах и последствиях распада Югославии, а также наш общий вывод о том, что и распад СССР, и распад Югославии, и события на Украине и Ближнем Востоке – все это следствие междивизиационного противостояния и цивилизационных разломов (по С. Хантингтону и Н. Н. Моисееву) [Моисеев 1998: 97].

В связи с этим важно утверждение французского аналитика А. Латса, который еще в 2009 г. писал: «Нас могут отрезать от России в цивилизационном, геополитическом, политическом и энергетическом плане. Причем новая стена в Европе пройдет не через Берлин, а через Украину, разделив ее на пророссийский Восток и проамериканский Запад. Эта линия разломов приблизительно поделит континент на католическую и православную Европы соответственно теории разделенных цивилизаций, представленной С. Хантингтоном и Н. Н. Моисеевым» [Латса 2010]. Здесь уместно также сослаться на важное методологическое положение Н. Н. Моисеева о взаимосвязи цивилизаций и исторических модернизационных процессов: «...т. е. непрерывного совершенствования технологической и технической основы цивилизации и подстройки к ней общественных организационных структур», которые «рождают предпосылки для столкновения цивилизаций. Не стран и народов, как в былые времена, а цивилизаций» [Моисеев 1994: 27]. Под воздействием междивизиационных конфликтов произошел трагический разлом в православно-славянской цивилизации, если придерживаться цивилизационной классификации С. Хантингтона², то есть сначала в русском мире – СССР, а затем в Югославии.

² Н. Н. Моисеев указывал на логику взаимодействия цивилизаций, основанную не на их стандартизации, а на учете их различий, – «это очередная страница логики истории. И она отвечает логике Природы. Но это не означает, что цивилизационных разломов по Хантингтону больше не будет. Более того, наиболее естественный сценарий развития планетарной ситуации как раз и есть сценарий по Хантингтону с его раз-

Д. Маркович активно поддерживал мнение российских ученых о месте России в межкультурных процессах, а также в экономической интеграции стран и регионов, стремящихся дистанцироваться от западного военно-экономического давления: «...в контексте такого подхода и сравнительного обзора основных процессов глобализации, характеристик сопровождающих ее цивилизаций, отдельных интеграционных процессов, которые планируются, а некоторые и осуществляются в государствах, принадлежащих к различным цивилизациям, религиям идеологическим и идейным ориентациям, в некоторых из них (можно сказать в большинстве) ключевую роль имеет Россия со своими особенностями многонационального, многорелигиозного и мультирегионального общества, можно сделать вывод, что Россия в некотором смысле становится цивилизационной альтернативой Западу, но эта альтернатива должна быть всесторонне осмыслена и проверена действительностью» [Маркович 2015: 74–98].

Цивилизационный подход сблизил научные взгляды Д. Марковича и академика Н. Н. Моисеева в эколого-политологической оценке противоречивых процессов глобализации, особенно в части разрушительных последствий поддержки политическими силами США и ЕС экономических интересов транснациональных корпораций с применением военной силы, что привело к разрушению ряда государств Ближнего Востока, а также распаду СССР, Югославии и событиям на Украине в 2013–2014 гг.

Авторы статьи пришли к выводу, что уроки трагедии славянских государств конца прошлого и начала нынешнего века необходимо учитывать в ходе перестройки деятельности Организации Объединенных Наций, превращения ее в истинного регулятора мировых процессов, способного заменить военные инструменты разрешения конфликтов дипломатическими мирными переговорами. Эти уроки должны стать основой цивилизованных, юридически и экономически подкрепленных претензий к политикам и странам из-за экономических, экологических и гуманитарных потерь от агрессивных действий США и Западной Европы в Югославии, на Ближнем Востоке, на Украине [Залиханов и др. 2018: 69].

Как ученый и политический деятель Д. Маркович понимал серьезность и последствия для малых стран Балканского полуострова геополитических изменений в мире, получивших ускорение с распадом СССР и Югославии и объявлением Соединенными Штатами XXI века веком США. Провозглашенные этим государством еще в начале холодной войны военно-политические доктрины «сдерживания», «отбрасывания» и «взрыва изнутри» СССР и социалистического лагеря продолжают реализовываться и после распада Советского Союза. На Россию – главный объект военно-политического и экономического давления – обрушились вся мощь западной идеологической пропаганды, информационной войны, политика фальсификации недавней истории совместной борьбы против гитлеровской Германии и применение двойных стандартов.

Ярким примером этих политических маневров западных стран стал недавно произошедший юридический казус с признанием президента Югославии Слободана Милошевича невиновным в предъявленных ему обвинениях в военных пре-

ломами, приводящими к противостояниям. Они чреваты конфликтами, которые при нынешнем уровне средств уничтожения грозят самому факту существования человечества. Планетарное гражданское общество, которому еще предстоит сформироваться, ожидает немалый труд – перевести цивилизационные разломы из “состояния по Хантингтону” в “состояние по Моисееву!”» [Моисеев 1988: 184].

ступлениях. Это показало всю несостоятельность судебного преследования главы независимого государства и политическую ангажированность претензий западного мира к неугодным странам под предлогом защиты «священных» принципов западной демократии. Известие о признании Международным трибуналом по военным преступлениям в бывшей Югославии (Гаага, март 2016 г.) президента Югославии Слободана Милошевича невиновным в трагических событиях гражданской войны на территории бывшей Югославии в начале 90-х гг. прошлого века [Джультетто Кьеза...] не произвело эффекта разорвавшейся бомбы в западном мире из-за информационной блокады и дезинформационной войны прозападных СМИ против стран, не идущих в политическом фарватере США. Как подчеркивал Н. Н. Моисеев, в развитых странах принято иметь два разных стандарта оценки происходящего – для собственного употребления и «на экспорт» [Моисеев 2001: 6].

Трагедия русского мира не менее печальна, чем трагедия Югославии. За границами России остались миллионы русских, жизненные интересы которых (культурные традиции, родственные связи) ущемляются. На юго-востоке Украины идет жестокая гражданская война: число жертв среди мирного населения превышает, по некоторым данным, десять тысяч человек, сотни тысяч граждан Украины стали беженцами. В то же время в западных областях страны и Киеве преобладают националистические силы, выступающие под лозунгами прославления бандеровских лидеров, активно сотрудничавших с германскими оккупантами в годы Второй мировой войны по истреблению евреев, поляков, советской интеллигенции. На Украине началось преследование граждан по религиозному признаку. Современная Украина «изнасилована» американской политикой «мягкой силы» и воинственной неонацистской бандеровщиной [Залиханов и др. 2018: 69]. Информационное противодействие в современной геополитической обстановке усиливается фальсификацией истории многовековой совместной жизни братских славянских народов, прежде всего русских, украинцев, белорусов, подменной подлинной истории Второй мировой войны историей так называемой национально-освободительной борьбы против «коммунистического порабощения» и «советской оккупации» [Степанов 2011: 23].

Противодействие и разоблачение фальсификации новейшей истории в современных геополитических условиях крайне актуальны. Молодежь сегодня поставлена в трудное положение, если иметь в виду понимание происходящих геополитических процессов [Барматова и др. 2017]. Значительная ее часть, особенно на Ближнем Востоке, а также в некоторых странах Евросоюза, в России и на Украине, увлекается идеями справедливости и восстановления равенства в использовании достижений современной цивилизации, провозглашаемыми проповедниками всеобщего джихада под знаменами запрещенного в России и многих странах Европы «Исламского государства». Среди украинской молодежи популярны идеи евроинтеграции и так называемые ценности западной демократии [Залиханов 2010: 697], пропагандируемые нынешними киевскими властями. Жесткость западной информационной войны против России и события на Украине показали остроту проблемы самоидентификации государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, особенно в их взаимоотношениях с учетом истории совместного проживания и национально-культурных традиций. Этому вызову они противостоять не смогли.

Для народов России и русских, проживающих в новых государствах, образовавшихся на территориях бывших республик СССР, очень актуален призыв Сло-

бодана Милошевича, провозглашенный им в стенах Гаагского суда: «Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским – жителей Украины и Белоруссии на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните: с вами сделают то же самое, когда вы разобщитесь и дадите слабину. Запад, эта бешеная собака, вцепится вам в горло. Братья, помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так же!» [Слободан Милошевич...]. На наш взгляд, России и странам, образовавшимся на постсоветском пространстве, не выдержать политического противостояния в глобальной конкуренции, в том числе за умы молодежи, если не будут предприняты кардинальные меры по созданию условий достойной жизни и свободного развития человека. В кризисной социально-экономической ситуации молодежь может оказаться перед трудным выбором, как это случилось на Украине в 2013–2014 гг. Только выверенная социально-экономическая политика, реальный экономический рост, повышение благосостояния людей, развитие культуры и образования в рамках отечественных традиций, укрепление институтов гражданского общества позволят современной молодежи сделать правильный выбор. С усилением информационной войны и антироссийской пропаганды важно разъяснять молодежи историческую роль народов России, Украины и Белоруссии как цивилизационного моста между Востоком и Западом, о котором академик Н. Н. Моисеев писал задолго до украинских событий: «Наши народы объединяет не только религия, общность цивилизации, единство миропонимания, которые служат основой формирующейся евразийской цивилизации, в основе которой – общность трех славянских народов: белорусов, русских и украинцев... Мы единый суперэтнос. Это приговор Истории. И чем быстрее мы это поймем, тем легче нам всем будет справиться с тем множеством бед, которые выпали на нашу долю!» [Моисеев 1997: 40].

Все эти аспекты были рассмотрены в последних совместных с Д. Марковичем публикациях «Трагедия Югославии и проблемы русского мира в контексте эволюции геополитической ситуации 1990–2010 годов», «Геополитика и славянский мир в условиях информационной войны». Работа над этими статьями доставила соавторам Д. Марковича глубокое удовлетворение от сотрудничества со своим сербским коллегой. Научные подходы и стиль его исследований характеризуются четкой постановкой проблем, ранжированием и последовательной аргументацией их рассмотрения и позиции исследователя с не менее четкими выводами. Эта культура научного подхода и исследования выделяла Д. Марковича и привлекала внимание не только многих научных центров и университетов Сербии и ближайших ее соседей – Польши, Венгрии, Болгарии, в которых он часто выступал с академическими лекциями и научными докладами, участвовал в программных комитетах международных научных конференций, но и ведущих высших учебных заведений и академических институтов России/СССР.

Не все научные положения Д. Марковича бесспорны. Так, трудно согласиться с утверждением, что «первый раз в истории человечества рынок осваивается без применения силы, без войн» [Маркович 2008б: 156], если рассматривать процесс глобализации³, начавшийся сразу после Наполеоновских войн и первого глобального соглашения (Шомонский трактат, 1814 г.) союзников – победителей напо-

³ Данная периодизация глобализации несколько расходится с утвердившейся официальной периодизацией, так как авторы склонны придерживаться преобладающей экономической составляющей интересов стран – победителей наполеоновской Франции в 1814 г., оформивших эти интересы политическим соглашением глобального характера [Глобалистика... 2006: 163–164].

леоновской Франции, в секретных статьях которого было определено послевоенное устройство в Европе, а также впервые в истории международных отношений в этом документе страны были официально ранжированы по степени их значимости. Они делились на «великие державы» (Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия и Франция); «крупные державы» (Португалия, Испания, Швеция); «серединные державы» (Ганновер, Бавария, Вюртемберг) и «малые государства» – остальные [Дипломатический... 1986: 163–164]. В 1900 г. состоялась первая встреча «Восьмерки» – пяти старых великих держав – Австро-Венгрии (бывшие Австрия и Пруссия), Великобритании, Франции, России, Германии – и трех новых – США, Италии, Японии. Однако начало XX в. показало хрупкость и несовершенство этого глобального регулятора мира, что и привело к Первой мировой войне [Степанов 2011: 305]. Все войны с древности и до настоящего времени велись преимущественно за расширение сфер влияния в целях приобретения новых ценностей и природных ресурсов.

При этом и побежденными, и победителями велась нещадная эксплуатация природы. Н. Н. Моисеев в связи с этим утверждал, что «Человек нарушил договор с Природой». И это произошло на том этапе эволюции человека до начала неолита, когда после гибели неандертальцев, освоивших каменный топор как орудие по добычанию пищи и не сумевших противостоять соблазну уничтожать конкурентов – себе подобных, возникли на юге нынешней Франции племена кроманьонцев, освоивших не только каменное орудие для добычи пропитания и защиты от зверей, но и выработавших первую заповедь «Не убий!» себе подобных и заложивших тем самым первые камни в основу будущей цивилизации [Моисеев 1998: 29–33]. Противоречие между экономическими интересами транснациональных компаний, поддерживаемых сильными государствами и политическими силами в ущерб интересам малых государств и среднего и малого бизнеса, – главная проблема глобализации, без решения которой невозможно сохранение человеческой цивилизации.

Другое утверждение Д. Марковича о том, что социологи должны спасти человечество в нынешней обострившейся геополитической ситуации, требует уточнения: под социологами, видимо, подразумевается социально-гуманитарное направление науки. Действительно, представители социально-психологической, исторической, экономической и юридической отраслей науки могли бы комплексно исследовать, в частности, феномен превращения аграрных и в целом экономически отсталых стран Балтии в индустриально и культурно развитые республики в составе СССР и попытку нынешних политиков этих стран вычеркнуть из исторической памяти большинства их населения этот период проживания с другими народами великой страны и навязать им мнение об оккупационном характере этого проживания⁴. Это необходимо сделать для того, чтобы в усиливающейся информационной войне против России противодействовать манипуляциям исторической памятью и фальсификации истории Второй мировой войны, а также научно объяснить всю пагубность стремления Европейского союза к единой интерпретации

⁴ Нетрудно представить участь народов Балтии в случае победы гитлеризма: по планам Гитлера, никаких таких наций, как эстонцы, литовцы и латыши, не должно было сохраниться. Они должны были превратиться в свинопасов и горничных для Третьего рейха. Именно в составе СССР латыши, литовцы и эстонцы имели национальные академии наук, свою техническую, гуманитарную и военную интеллигенцию; получали достойное образование; во всех властных структурах на республиканском и союзном уровнях они были представлены пропорционально [Степанов 2011].

«европейской истории, чтобы не было противоречий в объяснениях, которые могут только усугубиться под влиянием... заинтересованных левых сил» [Итоги...].

Есть и другие важные аспекты этой проблемы. Утверждения некоторых политиков новых европейских стран об освободительном характере национальных формирований в составе войск СС во Второй мировой войне ставят их правительства в неправомерное поле в объединенной Европе, подчеркивают маргинальный характер руководителей этих стран с их комплексом исторической неполноценности и граничат с националистическим экстремизмом. «Лучшие годы моей жизни – это годы войны, потому что это была моя молодость, – вспоминал академик Н. Н. Моисеев, который испытал горечь потерь своих однополчан и сам не раз был на грани жизни и смерти, лично участвуя в воздушных боях под Ленинградом в годы Великой Отечественной войны. Лишение граждан стран Балтии их личной истории совместного проживания в молодости в СССР надо рассматривать как нарушение прав человека – главной демократической ценности современной цивилизации.

* * *

Научный обзор и анализ работ сербского ученого-энциклопедиста Д. Марковича, построенных на междисциплинарной основе (социология, экономика, международное право, экополитология и глобалистика, теория образования), дают все основания полагать, что вклад Д. Марковича в современную научную картину мира, а также в методологию науки огромен и необходима работа молодых исследователей, ученых разных стран мира, прежде всего Сербии и России, по систематизации, осмыслению и развитию научных идей выдающегося сербского ученого на новом этапе глобализации и в условиях быстро меняющейся геополитической ситуации.

Литература

Барматова С. П., Залиханов М. Ч., Степанов С. А. Современные геополитические вызовы и проблема социализации молодежи // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 55–61.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 163–164.

Джувельто Кьеза: Милошевич оправдан, а заказчики трибунала над ним должны сесть на скамью подсудимых [Электронный ресурс]. URL: <http://kvedomosti.com/525746-ssha-nato-i-es-v-shoke-slobodan-miloshevich-opravan-v-gaage.html/> (дата обращения: 18.10.2016).

Дипломатический словарь: в 3 т. М. : Наука, 1986. Т. 3.

Залиханов М. Ч. Осознанное гражданство в эпоху актуализации этносов // Россия академика М. Ч. Залиханова. М. : Эрвест, 2010.

Залиханов М. Ч., Маркович Д. Ж., Степанов С. А. Геополитика и славянский мир в условиях информационной войны // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 1. С. 67–71.

Итоги Второй мировой войны следует пересмотреть // Латвийская газета [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1282814.html/ (дата обращения: 17.05.2010).

Латса А. 2010. Будущее Европы – это Россия! («Geostrategie.com», Франция) [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/01/15/buduwee_evropy_eto_rossiya.

Маркович Д. Ж. Социология труда. 2-е изд. М. : Изд-во РУДН, 1997.

Маркович Д. Ж. Социология и глобализация: сб. ст. М. : Изд-во МНЭПУ, 2002.

Маркович Д. Ж. Актуальные проблемы социологии образования: сб. ст. Тюмень : ТюмГНГУ, 2007а.

Маркович Д. Ж. Глобальная экономика (Прилог социолошком проучавњу глобализације). Београд : «Петергоф» Ниш, 2007б.

Маркович Д. Ж. Глобальные проблемы и обеспечение безопасных условий труда // О необходимых чертах цивилизации будущего (научное издание по материалам Международного форума, посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося российского ученого, академика РАН Н. Н. Моисеева) / под ред. А. Т. Никитина, С. А. Степанова. М. : Изд-во МНЭПУ, 2008а.

Маркович Д. Ж. Культура мира, толерантность и межнациональные отношения // Век глобализации. 2008б. № 2. С. 155–163.

Маркович Д. Ж. Глобалистика и криза глобалне економије (Прилози за проучавање савременог глобализирајћег друштва). Београд : Графипром, 2010. С. 41–110.

Маркович Д. Ж. Теоретические и методологические основы взаимообусловленности и связи охраны окружающей среды и условий труда // Эволюция энвйронментальных взглядов: от В. И. Вернадского до Н. Н. Моисеева. К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского и 95-летию со дня рождения Н. Н. Моисеева. Сборник материалов Первой международной заочной научно-практической конференции. М. : Изд-во МНЭПУ, 2013.

Маркович Д. Ж. Основные парадигмы экологического образования для устойчивого развития: восстановление универсального гуманизма и достижение социальной справедливости // Экологическое образование в интересах устойчивого развития: шаг в будущее (Москва, 26–27 июня 2014 г.). Материалы и доклады / сост. В. М. Назаренко. М. : Изд-во МНЭПУ, 2014.

Маркович Д. Ж. Россия и цивилизационные изменения в современном глобализирующемся обществе // Цивилизационные разломы: мировое сообщество и судьба России. Сборник материалов Третьей международной заочной научно-практической конференции / под общ. ред. С. А. Степанова, сост. Г. Р. Исакова. М. : Изд-во МНЭПУ, 2015.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Изд-во МНЭПУ, 1988.

Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ. М. : МНЭПУ, 1994.

Моисеев Н. Н. Экология и образование. М. : ЮНИСАМ, 1996.

Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М. : Изд-во МНЭПУ, 1997.

Моисеев Н. Н. Судьба неандертальцев и господство кроманьонцев / Н. Н. Моисеев // Судьба цивилизации. Путь Разума. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998.

Моисеев Н. Н. Россия в системе государств XXI века: Материалы совм. заседания учен. советов Московского энергетического института (Техн. ун-та) и Международного независимого эколого-политологического университета 27 октября 1999 г. М. : Изд-во МНЭПУ, 2001.

Слободан Милошевич оправдан в Гааге! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4955658/post396262983> (дата обращения: 11.10.2016).

Степанов С. А. Детская болезнь в Европе и как к ней относиться в России? // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 297–310.

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ: НОВАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ?

Куеллар Г.*

Статья посвящена большим наглядно продемонстрированным успехам в развитии Китая, который уже несколько десятилетий показывает миру упорядоченную и хорошо спланированную работу своего правительства и народа. Руководство страны ставит конкретные цели, осуществляет эффективные реформы, ведет постоянную борьбу с коррупцией и демонстрирует непрерывное стремление к будущему. Все это сделало Китай неоспоримым членом клуба великих мировых держав и в то же время предметом удивления, восхищения и беспокойства. Так что же совершила эта тысячелетняя нация в XXI в., чтобы считаться второй (а возможно, уже и первой) экономикой в мире?

Ключевые слова: китайская мечта, реформа, геостратегия, новая модель развития.

This article is about the significant development actually and visibly shown by the People Republic of China which, since several decades ago, has shown to the world, through its government and people, that orderly and well-planned work, with concrete goals and through several reforms along with a permanent strife against corruption, always looking towards future, has transformed China into a fully undeniable global power; an object of admiration in some cases, of concern in other cases and, always, an object of wondering... What has this millenary nation done to be regarded, in the 21st century, as the second (maybe the first, already) economy in the world?

Keywords: Chinese dream, reforms, geo-strategy, new development model.

I. Традиции и современность в нынешнем Китае

В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил на VII Всемирной конференции сотрудничества китайских заморских ассоциаций, где заявил: «Китайская цивилизация имеет за плечами более пяти тысячелетий истории, и это мощный источник духовных сил для постоянного самосовершенствования и укрепления китайской нации... Китайская культура – общее свойство всех китайцев» [Xi 2014: 79]. Почему я говорю об этих вещах?.. Потому что они отражают то, что я считаю основным жизненным стимулом для китайцев, независимо от того, где они живут: их сильное чувство принадлежности и гордости за свою культуру и народ, определяющее их труд, их ценности, их объединения, их любовь к своей стране и открытость для других культур. Эти особенности являются частью их собственной цивилизационной и культурной традиции.

* Куеллар Гортензия – доктор философии, профессор Института технологий и высшего образования, г. Монтеррей (Мексика). E-mail: hortensia.cuellar@itesm.mx.

Об этом свидетельствует сама история, где мы обнаруживаем цивилизацию, полную контрастов, потому что неизбежна встреча с невероятным наследием Великой китайской империи, таким как Великая китайская стена, Запретный город Небесного храма; открывшее современность официальное провозглашение Нового Китая (КНР) 1 октября 1949 г., символами которого – на физическом уровне – могут быть площадь Тяньаньмэнь в сердце Пекина; прекрасные сооружения для Олимпийских игр 2001 г. или полностью построенная китайская Чайна-Цзунь в финансовом центре города.

Великая стена была молчаливым свидетелем стародавних боев и побед китайского народа, защиты им своей родины; долины, высокие горы, озера и моря Китая всегда принадлежали тем, кто жил и живет в этой огромной стране. В области науки и культуры их многочисленные изобретения, такие как бумага, компас, порошок и примитивный печатный станок, являются достоянием всего человечества и наряду с неустаревающей мудростью таких людей, как Конфуций и Мэн-цзы, занимают полноправное место в мировой материальной и духовной культуре.

Под этим я подразумеваю, что в Китае прошлое и настоящее переплетаются, но он устремлен в будущее. Он всегда организован, трудолюбив, богат творческими силами и подходит к общению с иными народами открыто и дружелюбно, ориентирован на интенсивную торговлю. Разве не правда, что более 2100 лет назад Чжан Цянь из китайской династии Хань дважды отправлялся в Центральную Азию в качестве лидера миссий мира и дружбы и начал действовать Шелковый путь, связывающий Восток и Запад, Азию и Европу? [Xi 2014: 353.]

Этими миссиями древняя Китайская империя с III в. до н. э. по XVII в. н. э. налаживала не только торговый обмен и связь между странами и континентами, но и отношения дружбы и сотрудничества, а в некоторой степени способствовала экономическому и культурному развитию таких мест. Шелковый путь связывал ее с такими странами, как Казахстан, Монголия, Индия, Аравия, Турция, Персия (в настоящее время Иран) [Oriental...], с Италией и побережьем Средиземного моря посредством путешествий Марко Поло (XIII в.) [Old Civilizations 2012], а также, спустя столетия (XVI–XVII вв.), – с Новой Испанией (в настоящее время Мексикой), после прибытия на ее побережье легендарного китайского судна «Nao de China» из Тайваня и Филиппин [La «Nao...» 2013]. По всем этим причинам Шелковый путь можно рассматривать как проект, имеющий большое значение, и одно из событий, наиболее важных в истории мировой торговли и международного общения. Хотя он и не был непрерывен во временных рамках, Шелковый путь имеет огромное геостратегическое значение.

II. Проект «Один пояс – один путь»

В настоящее время это бесспорная цель нового китайского Шелкового пути, официально заявленная президентом Си Цзиньпином в трех важных посланиях в 2013 г.: 1) 7 сентября в Назарбаевском университете (Казахстан), где он предлагал проект «Экономический пояс Шелкового пути»; 2) 3 октября в парламенте Индонезии, где он рассказывал о «Морском шелковом пути XXI века»; 3) 24 октября при обращении к дипслужашим, работающим с соседними странами, в котором он подчеркивал значимость двойного проекта.

Я кратко прокомментирую эти важные вехи.

В первых двух посланиях он предлагает нескольким странам Центральной Азии «создать экономический пояс вдоль Шелкового пути», также именуемый «Один пояс – один путь», что символизирует «пояс» соединенных стран и морские маршруты, которые будут открыты с общими целями – политические контакты, экономическое и коммерческое сотрудничество, денежное обращение, мирное взаимодействие и повышение благосостояния народов вдоль «пояса» [Xi 2014]. К 2017 г. этот проект вызвал огромный ажиотаж на глобальном уровне.

В своем последнем выступлении Си Цзиньпин подчеркивает необходимость «ускорить соединение инфраструктурных систем Китая и соседних стран, создать экономический пояс Шелкового пути и Морской шелковый путь, соответствующие стандартам XXI века» [*Ibid.*: 367] и основанные на дружбе, искренности, взаимопомощи и интеграции.

Первым шагом в осуществлении этого фантастического и амбициозного проекта стало укрепление в 2013 г. связей в области регионального сотрудничества и партнерства с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) 2000 и 2001 гг. образования соответственно. Они объединяют несколько евро-азиатских стран, которые считаются близкими соседями и друзьями; бок о бок с ними Китай желает продолжить «мирное развитие и независимую, мирную внешнюю политику» [*Ibid.*: 355].

Точно так же председатель КНР Си Цзиньпин заявил в Университете Назарбаева: «Мы должны расширить региональное сотрудничество, сделав его более открытым и более широкопрофильным, и, таким образом, добиться общего прогресса. Глобальная экономическая интеграция ускоряется, и региональное сотрудничество быстро набирает обороты» [*Ibid.*: 356].

В Индонезии, говоря об открытии Морского шелкового пути, лидер КНР сказал:

«Китай уделяет первостепенное значение статусу Индонезии и позициям в АСЕАН. Мы хотим сотрудничать с Индонезией и другими странами в целях обеспечения того, чтобы Китай и АСЕАН продолжали быть хорошими соседями, хорошими друзьями и хорошими партнерами, которые вместе идут по пути процветания и безопасности и соединяются толстыми и тонкими нитями (...)» [*Ibid.*: 320].

«Китай готов расширить сотрудничество со странами АСЕАН на основе равенства и взаимной выгоды и позволит последним получить больше от развития Китая. Китай готов модернизировать зону свободной торговли между собой и АСЕАН и увеличить к 2020 г. двустороннюю торговлю до одного триллиона долларов» [*Ibid.*: 321].

«Юго-Восточная Азия с древних времен была важным центром вдоль древнего Морского шелкового пути... Объединим же усилия по созданию морского Шелкового пути XXI в.» [*Ibid.*: 361].

В его послании этот путь, проект, региональная и глобальная стратегии четко позиционируются как путь материализации китайской мечты, в том числе предложения о новой мирной, общей, взаимоуважительной и справедливой модели развития, основанной на убеждении в ценности и важности сотрудничества.

III. Китайская мечта и экономика социалистического рынка

Что такое китайская мечта?.. Это возрождение великой китайской нации с программой, которая должна быть хорошо разработана на стратегическом уровне, с корректировками и реформами в Китае в областях экономики и внутренней политики, имеющее надлежащее воздействие на глобальный мир и международную систему. Это было сказано генсеком КПК Си Цзиньпином в другом памятном обращении 17 ноября 2012 г. на Национальном конгрессе КПК, где он изложил единый план достижения различных среднесрочных и долгосрочных целей, включая «строительство относительно состоятельного общества с ускорением социалистической модернизации, а также достижением новых побед социализма с китайскими особенностями» [Xi 2014: 6]. Это показывает решительный поворот правительства в сторону социально-экономической политики при провозглашении Нового Китая в 1949 г.; данные политические действия в большей или меньшей степени основывались на традиционном советском понимании коммунизма.

После провозглашения Нового Китая начались постепенные реформы, ведущие страну к созданию модели развития с китайскими особенностями, где процветание для всех, особенно для самых бедных, должно было быть гарантировано под влиянием философии, которая должна рассматривать великий китайский народ в его неповторимой идентичности, вследствие чего выражение «социализм с китайскими особенностями» было бы оправданно. Смена коммунистического режима социализмом с китайской спецификой указывало на ветер перемен в стране и изменения, которые были крайне важны для оживления, укрепления и построения того, что в настоящее время называется «азиатским гигантом». И все это выполнялось с терпением, постепенным налаживанием внешних контактов и четко определенными целями развития, с желанием показать миру, что современный Китай намерен мирно и по-дружески, с готовностью к сотрудничеству открыть свои двери для других стран. Каким образом?

Внутренняя политика

Что касается внутренней политики, она интенсивно, творчески и системно вписывается в великий проект «Новый Китай» с самых первых шагов: постоянная борьба с нищетой, отсутствием образования и отсталостью, особенно в сельских районах. Эта борьба приобрела системный характер к концу 70-х гг. XX в. [Li 2017], после того как была начата политика реформ и открытости. По данным Всемирного экономического форума, Китай добился сокращения показателя бедности среди более 800 миллионов сельских жителей [Ryder 2017]. Сейчас китайский опыт является образцовым в деле борьбы с нищетой для любой страны.

Это показывает, что у правительства КНР есть четкое понимание научно планируемого непрерывного развития, «изо дня в день ведущего к процветанию и силе и открывающего перспективы достижения беспрецедентного уровня процветания» [Ibid.: 4], исходя из тысячелетних культурных традиций и цивилизации Китая, а также «целеустремленности и возвышенных идеалов китайского народа» [Ibid.: 61]. Но не только это. В сфере власти в Китае наблюдается синтез преемственности и инновационности вкладов исторических лидеров в его развитие: Мао Цзэдун (1893–1976), главный основатель Китайской Народной Республики; Дэн Сяопин (1904–1997), автор реформ, приведших Китай на путь откры-

тости и модернизации; Цзян Цзэминь (р. 1926), создатель идеи «тройного представительства» – существенного компонента теории системы социализма с китайскими особенностями; Ху Цзиньтао (р. 1942), главный создатель научной концепции развития Китая, а теперь председатель Си Цзиньпин (р. 1953) и другие представители власти в Китае с их общими глобальными взглядами и различными вкладами и инициативами для достижения китайской мечты, среди которых и проект «Один пояс – один путь».

Этот исторический процесс показывает путь, непрерывность в системе централизованного планирования, стратегию и видение будущего страны, желающей в наше время консолидировать собственные проекты и международный престиж в устойчивый путь развития, начиная с собственного народа, где одно из его намерений – мы уже говорили об этом – это «строительство относительно обеспеченного общества» с многонациональным населением, насчитывающим более чем 1380 млн китайцев. Цель эта все еще не достигнута, несмотря на десятилетия усилий в данной сфере, но ее можно достичь путем устойчивого и здорового развития экономики и четкого определения задач. Например, при государственном управлении «на 2020 г. было спрогнозировано удвоение ВВП и доходов на душу населения среди городских и сельских жителей по отношению к 2010 г.» [Xi 2014: 70]. В качестве постоянной задачи выделяют [Jiang Chang 2014: 7] ежедневное и сознательное продвижение ценностей китайского социализма. Что же это за ценности?

Ву Сяндонг в своей статье «Почему Китай предлагает концепцию ключевых социалистических ценностей» упоминает их: «...содействовать процветанию, демократии, вежливости и гармонии; поощрять свободу, равенство, справедливость и верховенство закона, поощрять патриотизм, самоотверженность, единство и дружбу» [Wu 2014: 97]. Эти ценности представляют собой аксиологическую духовную основу китайского народа, к которой добавляются ценности, связанные с китайскими реформами и его открытостью миру, такие как инновации, уважение и понимание ценностей других людей, сотрудничество и мир во всем мире.

Такие ценности, отобранные для укрепления национальной идентичности, практикуются или могут практиковаться многими другими людьми в мире, поскольку являются универсальными: их нужно просто открыть для себя, оценить и выбрать. Разве наш мир не был бы более человечным, если бы мы не забывали об общечеловеческих ценностях?

Для стратегов этой страны данных целей можно достигнуть постоянной хорошо организованной работой, основанной на глубинных стремлениях китайских патриотов, которые осознают, что, не забывая о тысячелетнем наследии, которым они гордятся, в настоящее время прогресса можно достичь только путем реорганизации и требуемых корректировок в экономике, постоянной работой, любовью к родине, образованием, вниманием к науке и ее совершенствованием, следованием новым технологическим тенденциям, а также развитием культуры; все это может обеспечить реальное повышение уровня жизни китайцев.

Экономика социалистического рынка

Для достижения этих целей необходимо также поставить четкие задачи для модели развития с китайскими особенностями, которая показала миру собственную идентичность: это не неолиберализм; это не социальная рыночная экономика

в немецком стиле; это не протекционистская модель. Это скорее *ad hoc*-модель, известная как «социалистическая рыночная экономика», появление которой было предсказано по крайней мере 25 лет назад. По этому поводу Си Цзиньпин говорит: «В 1992 г. на XIV Национальном конгрессе партии была поставлена цель реформирования социалистической рыночной экономики так, что рынок будет выполнять свою основную функцию, распределение ресурсов, при государственном регулировании и макроэкономическом контроле» [Xi 2014: 93].

Это означает этатизм в макроэкономическом контроле, но огромную торговую свободу на глобальном уровне, поражающую всех. Кому же это выгоднее всего? Мы не должны забывать, что любая экономическая, политическая и социальная система должна служить человеку. Так ли это у «азиатского гиганта»?

Двадцать пять лет спустя, то есть в наше время, было замечено, что китайский рынок с его огромными объемами продукции играет решающую, а не просто важную роль в деле достижения целей реального устойчивого развития этой нации. Как показывает эмпирический анализ макроэкономических достижений и внутреннего развития, успехам также способствуют значительная открытость страны и крупные проекты сотрудничества со многими другими странами мира. В чем секрет этого успеха?..

IV. Геостратегическое видение новой модели развития

«Китаю нужно лучше узнать мир, а миру нужно лучше узнать Китай» – это означает, что во внешней политике и на геополитическом уровне требуется открытость, то есть более тесное взаимодействие между Китаем и различными странами мира, осуществляемое мирным, дружественным образом путем экономического, коммерческого, научного и культурного сотрудничества со всеми странами, имеющими схожие ценности, и создания открытого общего рынка «беспроектной торговли». По этой причине после ряда протекционистских выступлений, подобных заявлению президента США Дональда Трампа в начале его президентства всего шесть месяцев назад, Китай сделал свой рынок более открытым для мирового: его модель развития в значительной мере поддерживается внутренним производством, а глобальная торговля способствовала спасению от нищеты миллионов людей, как недавно признал президент Всемирного банка Джим Ён Ким [China... 2017].

В настоящее время инициатива «Один пояс – один путь» – это оригинальная реакция «азиатского гиганта» на вызовы крайне конкурентной неолиберальной международной торговой системы, в которой «большая рыба ест маленькую» и которая очень незначительно влияет на индекс развития человеческого потенциала большинства стран мира, несмотря на усилия ООН, предложившей 17 целей устойчивого развития на 2030 г. [United Nations 2016]. Для их выполнения требуется устойчивый рост ВВП не менее 7 % [United Nations 2017], фактически недостижимая цель для большинства стран в мире с низким уровнем экономического роста.

Китайский проект с его текущими функциями является беспрецедентным, поскольку он представляет собой «сеть коммуникаций, состоящую из морских и сухопутных экономических коридоров между Китаем, Евразией, Ближним Востоком, Европой, Африкой» [Ryder 2017], к которой, как ожидается, скоро присоединится и Латинская Америка [America... 2017]. Его целью является создание платформы сотрудничества для активизации мировой экономики мирным и взаимо-

выгодным образом, как неоднократно говорил Си Цзиньпин, в целях содействия развитию не только соседних стран или тех, которые расположены на древнем Шелковом пути, но и вообще всех стран в мире. Речь идет о «новом коммерческом облике Китая для мира», и, как мне кажется, «все дороги ведут в Китай». Разве эта инициатива не представляет собой вызов существующему миропорядку? Я убеждена, что так оно и есть.

V. Выводы

Китай изменил отношение к прежним подходам: индивид, индивиды, обладатель «лица и имени»: народ состоит из конкретных людей, для которых в 80-е гг. велись поиски решения проблемы одежды и продовольствия. Эта цель была достигнута, поскольку, согласно данным Всемирного экономического форума, как я уже говорила, индекс бедности снизился среди более чем 800 миллионов сельских жителей, а рост ВВП в 2016 г. составил 6,7 %, что является разумным и связано с ростом на 10,6 % в 2010 г. Это свидетельствует о корректировках в экономических, финансовых и социальных показателях Китая. Это один из ключей к пониманию «социалистической рыночной экономики» и новой, открытой и всеобъемлющей, китайской модели развития... Станет ли она универсальной?..

Что касается ключей к успеху КНР, я нахожу их в гордости китайцев за свою национальную идентичность и ее тысячелетние корни; в целенаправленном и непрерывном стремлении к преодолению внутреннего отставания в развитии и коррупции, в необходимых правовых реформах; конкретных задачах, поставленных правительством для достижения целей улучшения уровня жизни и повышения экономического, социального и духовного благосостояния великого китайского народа; модернизации, видении будущего и научно запрограммированной «модели развития с китайскими особенностями», которая доказала свою эффективность. Все это связано с коммерческой и культурной открытостью и сотрудничеством в инфраструктурных проектах, а также дружбой с ближними и дальними странами в рамках великой геостратегической сети, представляющей собой инициативу «Один пояс – один путь».

*Перевод студенток факультета глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова
А. Айвазовой, В. Ольховской*

Литература

América Latina, extensión natural de la ruta de la seda promovida por china 2017 // La Jornada-Economía [Электронный ресурс]. URL: www.jornada.com.mx/2017/05/21/economia/023n1eco.

China es un ejemplo de apertura comercial: Presidente de Banco Mundial. 2017 [Электронный ресурс]. URL: www.spanish.xinhuanet.com/2017-04-21/c_136224448.htm.

Jiang Chang (ed.). World Culture Development Forum (2013). China : Social Science Academic Press, 2014.

La “Nao de China” y las primeras migraciones a México // El Universal [Электронный ресурс]. URL: www.redpolitica.mx/nacion/la-nao-de-china-y-las-primeras-migraciones-mexico.

Li Y. Resultados y experiencias de China en la eliminación de la pobreza. 2017 [Электронный ресурс]. URL: www.chinatoday.mx/eco/info/content/2017-01-09.

Old Civilizations. Marco Polo y la Ruta de la Seda. 2012. 21 de Julio [Электронный ресурс]. URL: <https://oldcivilizations.wordpress.com/2012/07/21/marco-polo-y-la-ruta-de-la-seda>.

Oriental Express Central Asia. (s.f.). Orexca.com (O. E. Asia, Productor) [Электронный ресурс]. URL: [https://orexa.com/spa/silk road/php](https://orexa.com/spa/silk%20road/php).

Ryder H. ¿El fin de la pobreza en China? // Foro Económico Mundial. 2017, May 18 [Электронный ресурс]. URL: de <https://www.weforum.org/agenda/2017/03/el-fin-de-la-pobreza-en-china/>.

United Nations. (May 16, 2017) Cumplir los ODS para 2030 será imposible para países con bajo crecimiento económico (United Nations). Objetivos de Desarrollo Sostenible. URL: www.un.sustainabledevelopment/es (дата обращения: 24.05.2017).

United Nations. 2016. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our World. Sustainable Development Goals. URL: www.un.org/sustainabledevelopment/ (дата обращения: 26.05.2017).

Wu X. Why Does China Propose the Concept of “Socialist Core Values”? // World Culture Development Forum (2013) / Ed. by Jiang Chiang. Beijing : Social Science Academy Press, 2014. Pp. 96–105.

Xi J. La Gobernación y Administración de China. 1a ed. Beijing, China : Ediciones en Lenguas Extranjeras, 2014.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА КУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТАДЖИКСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Бабаев К. Б., Кобилов М. З.*

В статье рассматриваются факторы, стимулирующие трудовую миграцию, раскрываются причины ее ориентации в направлении Российской Федерации, обосновывается тезис о том, что миграция обрела глобальный характер, обусловив проблему сохранения культурной идентичности таджикских мигрантов в условиях иной социокультурной среды; акцентируется внимание на объективных и субъективных факторах, влияющих на сохранение культурной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, трудовая миграция, культура, социокультурная среда, культурная идентичность, национальные традиции, общественные объединения, маргинальность, диаспора.

This article discusses the causes and factors stimulating labour migration. The reasons of the orientation of labour migration towards the Russian Federation are considered. It is also proved that migration has acquired a global character having determined the problem of preserving the cultural identity of Tajik migrants in different socio-cultural environment. The author focuses on objective and subjective factors affecting the preservation of cultural identity.

Keywords: globalization, labour migration, culture, socio-cultural environment, cultural identity, public associations, association, marginality, diaspora.

Глобализация, ставшая объективным явлением, характеризует масштабность социальных изменений, охватывающих не только отдельные нации и народности, но и человеческую цивилизацию в целом. После распада СССР глобализация значительно расширила свои горизонты, вызвав к жизни на постсоветском пространстве множество явлений, так или иначе оказывающих влияние на культурную идентичность народов бывших союзных республик.

Одним из таких явлений, вызванных глобализацией, является миграция, которая сама, в свою очередь, приобрела глобальный характер, став частью экономической жизни стран как принимающих, так и поставляющих трудовых мигрантов. Миграция как объективное социальное явление, безусловно, включает в себе как положительные, так и отрицательные стороны. В сложившейся экономической ситуации Таджикистану следует воспринимать трудовую миграцию как данность, с которой необходимо считаться, ибо она будет нашей спутницей и в отдаленной перспективе.

* Бабаев Кенджа Бобоевич – старший преподаватель кафедры философии и политологии ТГИЯ им. С. Улугзаде (г. Душанбе, Таджикистан). E-mail: bekon.1954@bk.ru.

Кобилов Мухаббатшо Замирович – старший преподаватель кафедры философии и политологии ТГИЯ им. С. Улугзаде (г. Душанбе, Таджикистан). E-mail: shohyon@mail.ru.

Следует признать объективный факт, что трудовая миграция прямо пропорциональна положению в экономике и стихийно развивающемуся демографическому процессу. Ведь у нас в республике все происходит по Мальтусу: население растет в геометрической прогрессии, а рост средств существования – в арифметической [Мальтус 1993: 12–14].

Эта диспропорция, еще в XVIII в. отмеченная Мальтусом в работе «Опыт о законе народонаселения», сегодня в странах, подобных Таджикистану, является одной из потенциальных угроз устойчивости политической системы. Устранить данную диспропорцию в сложившихся в республике условиях, на наш взгляд, можно лишь посредством трудовой миграции.

Следует отметить, что отношение к трудовой миграции в нашей стране неоднозначно. Некоторые отечественные исследователи включают миграцию в число факторов, сдерживающих наше развитие. В частности, таджикский исследователь А. Мамадазимов пишет: «Мы много говорим о трех китах общенациональной стратегии (продовольственной и энергетической безопасности и выходе из коммуникационного тупика), однако замалчиваем о трех гирих: коррупции, местничестве и опоре на трудовую миграцию. Мы сами повесили их на себя, и они становятся с каждым днем еще тяжелее, не давая нам двигаться вперед» [Мамадазимов 2011].

Как видим, А. Мамадазимов включает трудовую миграцию в триаду факторов или, как он выражается, гирь, сдерживающих наше развитие. На наш взгляд, ставить трудовую миграцию в один ряд с коррупцией не совсем корректно. Если что-то и можно говорить о весовых категориях этих гирь, то коррупция в данной триаде является тяжеловесом, который один только и может потянуть наше общество на дно, в то время как трудовая миграция – это своеобразная «подушка безопасности», смягчающая удары экономических кризисов. Годы нашего независимого бытия показали, что без трудовой миграции республике просто не выжить, если учесть, что денежные переводы таджикских трудовых мигрантов превышают годовой бюджет страны и составляют в настоящее время, согласно докладу Всемирного банка, около 50 % ВВП Таджикистана.

Пока мы не осилим вес самой масштабной из гирь в указанной триаде, то есть не преодолеем коррупцию, бессмысленно говорить о развитии отечественного производства. Поэтому предложение «переходить от политики опоры на трудовую миграцию к политике создания рабочих мест в родном селе, городе» на сегодняшний день не может быть реализовано в силу сложной социально-экономической ситуации в республике [Там же]. Здесь не поможет ни опыт послевоенного восстановления Германии и никакой иной опыт решения проблем трудовой миграции и социально-экономического развития Таджикистана, ибо экономические, социальные и политические условия республики имеют свою специфику и любые параллели здесь неуместны.

Трудовая миграция порождается не только ставшим нашим уделом слабым экономическим развитием, подпитывающим ее, но и коррупцией, проникшей во все сферы общественных отношений. Наша этническая и конфессиональная ментальность с ее приверженностью традициям и обычаям является питательной почвой для коррупции и стимулирования трудовой миграции. Ведь восточный менталитет – это тоже своеобразная гиря, которая вкупе с регионализмом также сдерживает наше развитие.

Особенность названных ментальных факторов, свойственных восточной культуре, состоит в том, что они требуют безусловного соблюдения предписываемых традиций и обычаев с их консервативной заданностью без учета характера современных трансформаций, происшедших в обществе. Сегодня это становится тяжелым бременем для подавляющего большинства населения Таджикистана, так как требует значительных денежных ресурсов, найти которые у себя на родине в условиях постоянно растущей инфляции и безработицы довольно непросто. Выход из этого замкнутого круга на протяжении более 20 лет независимости не найден, кроме как через трудовую миграцию, которая с каждым годом приобретает все большие масштабы. К сожалению, Закон РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан», принятый 08.06.2007 г., не достиг своей главной цели – защиты истинных ценностей национальной культуры и не стал надежным заслоном на пути «предотвращения излишних расходов, наносящих серьезный ущерб экономическим интересам и моральным устоям граждан» [Закон... 2007: 3]. Данный закон не преодолел в национальном сознании стереотипа соревновательности в том, кто кого «перескочит» в пышности и оригинальности проведения свадеб, торжеств и иных обрядов. Это обстоятельство также является фактором, стимулирующим трудовую миграцию, которая выступает основным «инвестором» семейных торжеств и обрядов.

Поэтому объективно мы еще долго будем обречены на трудовую миграцию, которая будет продолжать свое шествие по просторам России, несмотря на кризисы, подобные тем, что были вызваны в ноябре 2011 г. «делом летчиков». В связи с этим представляет интерес мнение таджикского ученого Ибрагима Усманова, который, говоря о роли трудовой миграции для нашей республики, отмечает, что «современное положение Таджикистана во многом зависит от трудовой миграции, именно она может стать движущей силой любых изменений» [Умарзода 2011]. Поэтому мы должны поставить трудовую миграцию на такой уровень, чтобы она стала для Таджикистана своеобразным товаром, но товаром качественным, как этого добились в более благополучной Малайзии, ежегодно отправляющей в другие страны около 1 млн трудовых мигрантов.

Кстати, миграция не является чем-то новым для нынешних постсоветских республик. Она имела место и тогда, когда эти республики входили в состав единого государства, хотя формы ее проявления были совершенно иными. При этом миграционный поток тогда, как и сегодня, был ориентирован в основном на Россию.

После распада СССР миграция стала постоянной спутницей и уделом постсоветских республик, приобретя массовый характер. Своеобразие этого явления состоит в том, что оно, как бы парадоксально это ни звучало, в условиях рыночных отношений стало выгодным, жизненно необходимым и востребованным на постсоветском пространстве. Поэтому миграция – явление нормальное и полезное. Это своего рода спасательный круг, как для государств, принимающих мигрантов, так и для государств, их поставляющих. При этом первые обладают солидным экономическим потенциалом, но ощущают нехватку трудовых ресурсов, вторые же относятся к слабым экономикам, но испытывают избыток трудовых ресурсов. Объективно это противоречие разрешается таким феноменом, как трудовая миграция, которая стала проблемой на постсоветском пространстве не только для принимающей трудовых мигрантов страны, но и для стран, их отправ-

ляющих, то есть для России и среднеазиатских республик. Примечательно, что если в советское время знакомство с Россией и пребывание в ней в основном осуществлялось посредством прохождения службы в Советской армии (практически подавляющая часть юношей призывного возраста Таджикистана проходила военную службу в России), то сегодня в качестве такого фактора выступает трудовая миграция. И если армия была школой мужества, то трудовая миграция стала школой выживания на чужбине. Таковы парадоксы нашей жизни.

Трудовая миграция как проблема и как реальность нашего постсоветского бытия обусловила другую проблему: сохранение культурной идентичности мигрантов в условиях иной социокультурной среды. Данная проблема является не менее важной, чем сама трудовая миграция.

Культурная самоидентичность – это осознание особенностей своей культуры, ее оценка в истории и в сравнении с другими культурами [Культурология... 2006: 110]. Проблема сохранения культурной идентичности, выражающаяся в самоощущении внутри конкретной культуры, актуализировалась в условиях глобальных тенденций, проявляющихся в том, что происходит унификация культуры, стираются межнациональные культурные границы, утрачивается культурная самобытность народа [Гуревич 2003: 235]. Высокая миграционная мобильность населения ведет к существенным переменам в этнической, религиозной, культурной картине мира, в психологии человека и его образе жизни.

Сегодня на фоне все большей динамичности миграционных потоков немалая часть таджикистанцев выезжает на заработки или на постоянное место жительства в другие страны, и прежде всего их выбор падает на Россию, с которой их объединяет общность исторической судьбы и возможность заработать деньги для поддержания своих семей, так как в Таджикистане сохраняется высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни. Согласно Докладу ПРООН «О человеческом развитии за 2013 г.», Таджикистан отнесен к странам со средним уровнем развития человеческого потенциала и занимает 125-е место среди 186 стран мира, разделяя это место с Кыргызстаном. При этом другие страны СНГ по данному показателю стоят впереди нас.

Почему именно Россия так привлекает таджикских мигрантов? На наш взгляд, их путь в РФ обусловлен следующими факторами:

- 1) полиэтнический и поликонфессиональный характер российского государства;
- 2) роль русского языка, который в Таджикистане согласно ст. 2 Конституции РТ является языком межнационального общения;
- 3) общность исторической судьбы народов России и Таджикистана, которые в течение 70 лет жили в едином государстве;
- 4) отношения стратегического партнерства между нашими странами;
- 5) возможность заработать деньги для материальной поддержки своих семей, оставшихся в Таджикистане.

К перечисленным факторам в пользу выбора трудовыми мигрантами России, который, по нашему мнению, вскоре, возможно, станет лидирующим, можно добавить стартовавший на постсоветском пространстве в ноябре 2011 г. интеграционный проект по созданию Евразийского экономического союза. Инициатором данного проекта выступает Россия, которая стремится восстановить историче-

скую связь времен, прерванную распадом СССР, приглашая бывшие братские республики к тесному сотрудничеству во благо своих народов. Подписывая 18 ноября 2011 г. с участием лидеров Казахстана и Белоруссии Декларацию о евразийской экономической интеграции, Дмитрий Медведев сказал: «Мы сделали очередной и очень мощный шаг на пути формирования Евразийского экономического союза – объединения, которое, вне всякого сомнения, будет определять будущее наших стран» [Сурначева 2011]. На данном этапе в рамках реализации этого проекта набирает обороты процесс расширения членства в Таможенном союзе, являющийся основой, на которой должно быть возведено здание предполагаемого интеграционного объединения. О желании вступить в Таможенный союз объявил Таджикистан как один из активных участников интеграционных процессов на просторах СНГ.

Это придаст миграционному потоку еще большую интенсивность, ибо с созданием такого интеграционного объединения улучшится миграционный климат, что смягчит адаптацию таджикских мигрантов к иной социокультурной среде и в то же время будет способствовать сохранению ими своей культурной идентичности.

Из названных выше факторов особое место занимают полиэтнизм и поликонфессионализм российского общества, способствующие социокультурной толерантности, которая предполагает уважение к чужой традиции и направлена на преодоление этноцентризма тех радикальных националистических сил, которые пытаются нарушить межкультурное взаимодействие и межкультурное согласие, облекая свой национализм в псевдопатриотическую оболочку. Однако полиэтнизм российского общества, в котором сосуществуют более 180 этносов, является надежной защитой от такого рода «патриотизма». Наличие в России значительной мусульманской общины (20 млн россиян исповедуют ислам) компенсирует чувство отчужденности трудовых мигрантов, вызванное отдаленностью от родного очага, давая им возможность удовлетворять свои духовные потребности и ощущать духовную общность со своими российскими единоверцами. Это способствует сохранению культурной идентичности таджикских мигрантов, так как у таджиков принадлежность к исламу прочно ассоциируется с национальными культурными ценностями, ислам является основой их менталитета и мировоззрения, посредством которого им легче адаптироваться в новую культурную среду, вступая во взаимодействие с представителями мусульманской общины России.

В последние годы вопрос пребывания таджикских мигрантов в РФ становился все более актуальным, общественно и политически значимым и поэтому является одним из приоритетных направлений во внешней политике Таджикистана. Это связано с рядом факторов геополитического и этнополитического характера, а также с новыми тенденциями в миграционных процессах. В самой России происходит рост этнического самосознания в рамках полиэтнического государства, что само по себе вполне нормальное явление. Однако на фоне этого нередки случаи проявления и ксенофобских настроений у отдельной националистически настроенной части российского общества. При этом в некоторых случаях это облекается в идеологическую форму, а в других сопровождается применением насилия в отношении таджикских мигрантов в различных регионах России.

В этих условиях проблема сохранения культурной идентичности таджикскими трудовыми мигрантами в России является актуальной не только на личностном уровне, но и на общенациональном. В связи с этим представляет интерес инициатива Федеральной миграционной службы России, которая готовит законопроект о социальной адаптации и интеграции мигрантов, для которых предусматривается строительство специальных центров, где мигранты смогут жить и приспособиваться к российским порядкам. Уже в 2013 г. ФМС России начала реализацию пилотного проекта по созданию центров социальной адаптации трудовых мигрантов в городах Оренбурге и Тамбове. Это во многом будет способствовать решению стоящей перед мигрантами дилеммы старой и новой культурной идентичности [ФМС... 2014].

Однако перед таджикскими мигрантами в России встает дилемма: для сохранения своей культурной идентичности необходимо сформировать новую идентичность, чтобы чувствовать свою принадлежность к новой культуре.

Одним из важнейших факторов, характеризующих степень ориентированности личности на приобретение новой культурной идентичности, является фактор референтной группы (ближайшего социального окружения). Если исходить из него, то таджикских мигрантов условно можно разделить на две основные группы:

1. Свободно владеющие русским языком, которые проводят свое свободное время с представителями русской культуры или дома и не общаются с другими представителями таджикской диаспоры. Соответственно, здесь фактор референтной группы способствует формированию новой культурной идентичности мигрантов.

2. Слабо владеющие или вообще не владеющие русским языком, которые чаще всего проживают совместно и у которых ограниченный круг общения с представителями русской культуры, а свое свободное время они проводят с представителями таджикской культуры, со своими друзьями – таджикскими мигрантами. Относительно данной группы мигрантов можно утверждать, что у них отсутствует ориентация на освоение новой культурной идентичности.

На сохранение таджикскими мигрантами своей культурной идентичности оказывают влияние объективные и субъективные факторы, действие которых проявляется в противоречии, свойственном современному состоянию культурной идентичности таджикских мигрантов. С одной стороны, глобализация, выраженный индивидуализм и преобладание космополитических взглядов ведут к подрыву основ сохранения собственной культурной идентичности. С другой стороны, человек, находящийся вдали от Родины, ощущая недостаток родной речи, традиционных праздников и обычаев, ценностей культуры, начинает чувствовать необходимость в сохранении прежней культурной идентичности. Разрешение этого противоречия во многом зависит от культурной дистанции между родной культурой и той, к которой адаптируется личность, то есть здесь речь идет о степени различия между принимающей и прибывающей культурами. Для мигрантов из стран СНГ эта дистанция не столь протяженна, если исходить из исторической общности народов постсоветского пространства, хотя, безусловно, эта дистанция имеет различную степень удаленности в зависимости от того или иного региона СНГ, откуда прибыли мигранты.

Как правило, состав таджикских мигрантов неоднороден: одна часть их уже продолжительное время постоянно проживает в России, приняв ее гражданство, другая же, достаточно значительная часть, периодически прибывает в Россию на заработки. При этом таджикские мигранты отличаются уровнем образования, квалификации, знанием русского языка, способностью адаптироваться к новой социокультурной среде, степенью восприятия иной культуры и готовностью интегрироваться в российский социум. Низкий уровень образования, квалификации и слабое знание русского языка обуславливают сферу занятости таджикских мигрантов, которая в основном ограничивается торговлей и строительством. Все эти различия так или иначе оказывают влияние на процесс сохранения старой культурной идентичности и формирования новой.

Часто бывает, что представитель восточного сообщества, обладая знанием основ своей национальной культуры, традиции и ценности которой сохраняются даже в городах, приезжая в Россию, особенно в ее крупные мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург), теряет ориентацию в новом культурном пространстве, что, безусловно, сказывается на его культурной идентичности. Человек восточного социума, привыкший к традиционному образу жизни, под влиянием необычного для него этнокультурного окружения теряет свои культурные традиции, а порой сам перестает их соблюдать.

Подобное обстоятельство обусловило то, что среди таджикских мигрантов сложился маргинальный слой. В него попадают чаще всего те, кто оказался в своеобразной «пограничной ситуации» между своей и иной социокультурной данностью, то есть складывается ситуация, когда эти трудовые мигранты не готовы не только к сохранению старой, но и к приобретению новой культурной идентичности. Из числа этих маргинальных слоев таджикских мигрантов этнические организованные преступные группировки рекрутируют своих новых членов, преступные деяния которых дискредитируют законопослушных таджиков, которые составляют основную массу трудовых мигрантов.

Вместе с тем наличие маргинальности в среде таджикских мигрантов не является сущностной характеристикой таджикской миграции вообще. Маргинальность – это некие издержки в таком противоречивом явлении, каким является миграция. Следует отметить, что значительная часть таджикских мигрантов за многие годы пребывания в России прочно адаптировалась к российской действительности, модернизировав свое мировоззрение и восприняв стандарты новой жизни. Под влиянием миграционных процессов и потребности сохранить свою самость, свою культурную идентичность с одновременной интеграцией в российский социум эта часть таджикских мигрантов оформилась в устойчивую социально-этническую группу – таджикскую диаспору в России, которая сегодня становится важным связующим звеном между нашими соотечественниками, которые волей судьбы оказались вне своей исторической родины, проживая в различных регионах Российской Федерации.

Особенности образа жизни этой части таджикских трудовых мигрантов таковы, что, с одной стороны, они ориентированы на взаимодействие с новой социокультурной средой и мотивированы на формирование новой культурной идентичности, а с другой – стремятся сохранить прежнюю культурную идентичность, которая компенсирует отсутствие прежнего культурного пространства и способствует воспроизводству самобытных национальных традиций, причудливо ужи-

вающихся в новом культурном пространстве, придавая ему неповторимый колорит и яркость. Именно эта категория таджикских мигрантов способствовала процессу консолидации таджикских соотечественников в России, который за последние 20 лет претерпел глубокие изменения от состояния хаоса и спонтанности к определенной упорядоченности и структурированию, приведшим к формированию социальных институтов для развития и функционирования таджикской общности на территории Российской Федерации.

В настоящее время в регионах России официально зарегистрировано более 70 общественных объединений таджикских мигрантов, которые заняли свою нишу в социокультурной структуре российского общества, став значимыми институтами гражданского общества в российском государстве. Одной из основных целей этих национально-культурных обществ таджикских мигрантов является сохранение этнического самосознания, сохранение и развитие таджикского языка и культуры, национальных традиций и обычаев. Особо это значимо для тех семей мигрантов, которые длительное время проживают в России, где у них родились дети, еще не видевшие свою историческую родину, приобщение которых к национальным традициям и обучение их таджикскому языку является необходимым условием формирования у них культурной идентичности.

Деятельность этих общественных объединений координирует Общероссийское общественное движение «Таджикские трудовые мигранты», возглавляемое К. Шариповым. В среде таджикских мигрантов хорошо известны такие общественные объединения наших соотечественников, как таджикский национально-культурный центр «Сомониен» г. Челябинска, общество «Пайванд» Самарской области, «Общество таджикской культуры» г. Твери, общественная организация таджиков Нижегородской области «Надежда», Общественная организация Санкт-Петербургского общества дружбы российского и таджикского народов «Сомониен», Общество таджиков «Пайванд» Ставропольского края и многие другие. Общественные организации наших соотечественников в России при осуществлении своих мероприятий активно сотрудничают с местными администрациями городов, областей и краев, представители которых принимают участие в праздновании национальных праздников Таджикистана, в особенности Навруза, отмечаемого как международный праздник.

Признавая роль таджикских диаспоральных объединений в сохранении культурных традиций среди таджикских мигрантов, тем не менее следует признать, что их деятельность далека от того, чтобы назвать ее эффективной. При всей их важности они не могут компенсировать того, что обязано сделать для трудовых мигрантов наше государство. Государство, кроме получаемых от них денег, благодаря которым держится на плаву экономика Таджикистана, также призвано заниматься проблемами сохранения нашими трудовыми мигрантами своих национальных традиций и своей культурной идентичности во время пребывания в России, так как в конечном счете они вернутся к себе домой – в Таджикистан.

Литература

Гуревич П. С. Культурология. М., 2003.

Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» // Народная газета. 2007. 8 июня. № 24. С. 3.

Культурология в вопросах и ответах / под ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д., 2006.

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. М., 1993.

Мамадазимов А. Три кита и три гири, или Переоценка ценностей и политик // Азия-Плюс. 2011. 30 ноября. № 90 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj/ru/news/opinion/20111201/tri-kita-i-tri-giri-ili-pereotsenka-tsennostei-i-politik>.

Сурначева Е. Вокруг нас уже все союзы! // Газета.ru. 2011. 18 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/11/18_a_3840093.shtml.

Умарзода Ф. Дал Бог нам терпения // Азия-Плюс. 2011. 7 декабря. № 92 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20111209/dal-bog-nam-terpeniya>.

ФМС предлагает готовить будущих россиян в специальных центрах. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grrf.ru/smi-o-nas/novosti/230-migrant-fergana-ru-fms-predlagaet-gotovit-budushchikh-rossiyan-v-spetsialnykh-tsentrakh.html>.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

РАБОТА В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПО РАЗРЕШЕНИЮ КОНФЛИКТОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Хоффман Г. Л.*

В этой статье описываются инновационный метод трансформации конфликтов и тематическое исследование, касающееся Палестины. Причины конфликтов связаны не только с материальными проблемами, такими как нехватка ресурсов или территории, но и в значительной степени с тем, как вовлеченные стороны их решают. Таким образом, смена враждебного настроя на готовность к сотрудничеству с использованием методов анализа и разрешения конфликтов, основанных на терапевтических подходах, действительно возможна. Системная трансгенерационная терапия и семейная психология могут быть успешно спроецированы на международные отношения. Работа в области политического анализа освещает исторические и психологические аспекты конфликтов, делает их понятными в контексте событий тех времен и помогает преодолеть порочный круг взаимной дисфункции. Конкретные идеи для практических решений могут появиться и быть протестированы на восприятие участниками системы. Решения могут быть разного уровня, как, например, сельскохозяйственные проекты, использующие экологичные технологии в рамках междисциплинарного международного сотрудничества. Цель состоит в том, чтобы добиться достойного качества жизни для всех вовлеченных народов, достичь всеобъемлющего мира и прогрессивной, устойчивой глобализации.

Ключевые слова: теория человеческих потребностей, теория стресса, теория систем, историческое происхождение, бессознательная динамика, взаимное признание и сочувствие, безопасность, даосский фэншуй, вегетарианство, всеохватывающий мир.

This article describes an innovative method for conflict transformation and a case study regarding Palestine. The reasons for conflicts lie not only in material problems, e.g. a lack of resources or territory, but to a high degree in the ways the involved parties deal with them. Therefore, the change of hostile attitudes into readiness to cooperate, with the use of methods of analysis and conflict resolution based on therapeutic approaches does make sense. A systemic trans-generational therapy and family psychology can be successfully transposed to international relations. The work in the field of political analysis covers the historical and psychological aspects of conflicts, makes them understandable in the light of past events, and helps breaking the vicious circle of reciprocal dysfunctionality. Concrete ideas

* Хоффман Гунхильд Луция – доктор медицины, специалист в области психиатрии и психотерапии для детей, подростков и взрослых (Женева; Монтре, Швейцария). E-mail: glhoffmann@bluwin.ch.

for practical solutions can emerge and be tested for their acceptance by the system members. The solutions may be situated on different levels, like agricultural projects using ecological technologies within a multidisciplinary, international cooperation. The aim is to create a decent quality of life for all implied peoples, all-encompassing peace and successful, sustainable globalization.

Keywords: *theory of human needs, theory of stress, systems theory, historical origins, subconscious dynamics, mutual recognition and empathy, security, Taoist Feng Shui, vegetarianism, all-encompassing peace.*

На протяжении веков научные исследования, путешествия, более или менее мирная торговля, миграции, колонизации и войны сближали народы и континенты и подготовили наш век глобализации. С начала эволюции транспортных средств новые и лучшие технологии, средства информации и коммуникации трансформируют всех жителей планеты в единое сообщество, целостную систему. Вместе с тем «в глобальном, взаимозависимом мире, при отсутствии внешней силы (образно говоря, некоего “Левиафана”), способной заставить многочисленные субъекты международных отношений уважать не только свои собственные интересы, но и интересы других, а также общие интересы, неизбежно начинается война всех против всех» [Chumakov 2017: 59]. «Нынешнее поколение – это первое поколение, которое может себя уничтожить», – так заявила в 2017 г. заместитель Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека Кейт Гилмор (Швейцария). Несомненно, передовые военные технологии и международная политическая напряженность делают задачу по разрешению конфликтов самой неотложной и в то же время крайне трудновыполнимой.

Даже исследователи, не занимающиеся системными конфликтами, считают, что по крайней мере 80 % причин конфликтов связаны с межличностными отношениями. Конкретные неличные причины составляют от силы 20 %. Дальнейший анализ показывает, что даже эти 20 % имеют какую-то связь с межличностными отношениями [Мауг 2006: 82–93]. Действительно, когда ресурсов не хватает, характер взаимодействия между вовлеченными людьми имеет решающее значение. Если вовлеченные группы пытаются отобрать ресурсы друг у друга, их борьба уничтожает существующие ресурсы и затмевает нормальный ход истории психологическими травмами и экзистенциальным страхом за себя и своих потомков в повседневной жизни, даже если они оказались «победителями». Если, однако, «противоположные» группы ищут наиболее эффективные способы объединения своих сил и распределения ограниченных ресурсов, их качество жизни усиливается взаимным уважением и поддержкой, способствуя миру и процветанию.

Главный вопрос заключается в том, какой фактор может позволить человеческим сообществам переключаться с режима противостояния на сотрудничество. Большинство дипломатов и политиков могут быть незнакомы с областью эмоций, подсознательной и бессознательной психической динамикой. Тем не менее человеческий фактор остается решающим в среде конфликтов и управления ими. Эту проблему необходимо решить, что может быть достигнуто благодаря терапевтическому подходу. Работа в области политического анализа – это такой инновационный подход с терапевтической подоплекой, и он оказался более эффективным, чем многие традиционные методы трансформации конфликтов. Они часто основаны главным образом на теоретических концепциях и критикуются за то, что их

трудно реализовать. Политический анализ может преодолеть эту проблему применительно к конкретным ситуациям [Maug 2006: 82–93].

Поскольку человеческая природа является центральным элементом в конфликтах и их разрешении, может быть полезно вспомнить некоторые из ее основных принципов. Их можно рассматривать через подходы с терапевтическими элементами, такими как работа в области анализа политических систем.

С самого начала существования человека, как общества, так и индивида, людям нужны определенные условия для выживания и благополучия. Абрахам Маслоу [Maslow 1943: 370–339] утверждал, что потребности человека имеют строгую иерархию, в которой основные потребности должны быть удовлетворены, чтобы перейти к удовлетворению более высоких. Элементарные служат выживанию и безопасности, за ними следуют социальные потребности, потребности в уважении, самореализации и духовности. Если эти потребности находятся под угрозой со стороны других существ, возникает конфликт. Лица и даже группы могут страдать не только от объективно невыполненных потребностей, но и от субъективного, а иногда и явно эгоистичного чувства неудовлетворенности. Если отдельные лица или группы людей не могут удовлетворить какой-либо из уровней потребностей, они могут попытаться компенсировать это на другом уровне, что может привести к постоянному чувству дефицита. Таким образом, предположение автора состоит в том, что материальное изобилие в западном обществе призвано восполнить недостаток эмоциональной связи и истинной духовности.

Опыт с животными и людьми доказывает, что угрозы для каждого вида потребностей вызывают определенные реакции, которые изначально служат для борьбы с опасностью, но со временем становятся проблемой сами по себе. Согласно теории стресса У. Кэннона и Г. Селье [Guntern 1990: 57–76], можно выделить три фазы стресса, и характеризуются они разными закономерностями. Во время фаз тревоги и сопротивления человек все еще чувствует способность быть выше трудностей и мобилизовать тело для эффективных действий. Если стресс слишком длительный или чрезмерно интенсивный, человек может потерять контроль. На этом этапе истощения организм рискует сместиться в сторону «реакции замораживания», распада и, возможно, смерти. На когнитивном и аффективном уровнях слишком интенсивный острый стресс может спровоцировать панику, тревогу и стремление к насилию, а также нарушения мышления, обучения, перемещения и действия. Интенсивный хронический стресс вызывает даже структурные повреждения головного мозга.

Взаимодействующие, взаимосвязанные или даже взаимозависимые индивиды и группы образуют систему элементов, взаимодействие которых соответствует процессу кибернетической обратной связи. Обычно система пытается поддерживать свою способность к саморегуляции. Для этого встречное движение уравнивает ненормальное движение внутри системы. Чем больше один участник проявляет ненормальное поведение, тем больше других участников реагируют на него.

В случае дисфункционального поведения система может, таким образом, попасть в нисходящую спираль. Это верно для постоянного взаимного насилия. Семейный терапевт призывает всех вовлеченных участников стремиться сокращать и даже инвертировать эту разрушительную спираль, изменяя собственное поведение. В идеале все люди одновременно улучшают свое отношение друг к другу. Но даже если только один участник ведет себя по-новому, кибернетический закон, касаю-

щийся саморегуляции, также приводит к изменениям у других участников. Этот закон предлагает соломово решение на вопрос о том, кто сделает первый шаг в направлении улучшения отношений и мира. Фактически каждый участник может начать процесс улучшения, но часто это самые сознательные и продвинутые.

У индивидуумов опыты по психоанализу выявили, однако, загадочное повторение неприятных или даже губительных ситуаций. То, что кажется нелогичным и парадоксальным, в большинстве случаев является подсознательным или бессознательным механизмом защиты от беспокойства, вызванного прошлыми тревогами. Человек пытается преодолеть в настоящем беспомощность, которая была невыносима в прошлом. Психосоциальная генеалогия расширяет эту концепцию компульсивного повторения до истории поколений, где повторения можно наблюдать и в роду. Чем сложнее опыт жизни предков, тем вероятнее, что потомок повторит его. Такие межпоколенческие повторения могут продолжаться десятилетиями и даже столетиями.

Теперь есть конкретная методика, направленная на преодоление таких родовых повторений, – анализ семейных связей, разрабатываемый с 80-х гг. Бертом Хеллингером [Hellinger 1995; 1998; 2001]. Она может применяться к индивидууму или к группе людей, содержит принципы системной парной и семейной терапии, психоаналитической семейной терапии, работы над историей поколений и индивидуальной психодрамой; она также использует тип диалога, который похож на ненасильственное общение Маршалла Розенберга.

Сам Хеллингер иногда объединял общий исторический и политический анализ семейных связей, часть из которых в некоторой степени трансформировалась в политические связи [Idem 2003]. Первая система политических связей в более строгом смысле была создана спонтанно во время съезда психотерапевтов в Граце (Австрия) в ноябре 1995 г. и была посвящена войне в бывшей Югославии [Scheucher, Szyszkowitz 2000]. С тех пор были проведены различные семинары по политическим связям. В основном в них участвовали группа аналитиков по связям и старший аналитик, который руководил процессом. Двумя основными активными группами были австрийский APSYS доктора Гуни Лейла Бакса, Кристины и Зигфрида Эссена, а также IFPA (Internationales Forum Politische Aufstellungen), созданный доктором Альбрехтом Махом [Mahr 2003; 2006]. Эта последняя ассоциация не только практиковала анализ политических связей на протяжении многих лет, но и доказывала эффективность метода посредством научного исследования. По сравнению с другими методами трансформации конфликта работа в области политических связей может привести к получению более реальных данных, и те, кто ждет результатов, как сообщается, очень скоро, по крайней мере, в течение шести месяцев, будут «очень удовлетворены» [Idem 2006: 82–93].

Работа в области политических связей делится на три части: подготовка, анализ связей и последующие действия. Во время подготовки клиент объясняет исполнителю структуру и историю системы, текущий конфликт, попытки решения и их последствия, положение клиента в системе, его возможности действий и планы на будущее и т. д.

Анализ связей как таковых можно практиковать с группой нейтральных лиц, называемых представителями, или просто между клиентом и тренером. Он может быть коротким и показывать одну динамику. Это может занять несколько часов, пока сложный конфликт не будет прояснен и проработан до его первоначальной

формы. Анализ начинается с «диагностической» фазы, накладывающейся на «терапевтическую» фазу разрешения конфликта, каждая из фаз состоит из нескольких этапов. Для начала клиенту предлагается интуитивно отображать элементы системы невербальным образом, в соответствии с его внутренним представлением или пониманием отношений между ними. Если группа доступна, он будет делать это, выбирая представителей для элементов и размещая их в комнате. Если группа отсутствует, клиент может положить листы бумаги на пол, чтобы отметить места. Затем тренер будет наступать на каждую бумагу и исследовать внутреннее состояние каждого элемента и динамику между ними. Уже расположение элементов в пространстве помогает понять динамику системы.

В зависимости от их психологической способности отождествляться даже с отсутствующими людьми, а также от их способности к внутреннему восприятию, представителям или тренеру удастся выявлять и выражать на словах внутренние состояния элементов, касающиеся мыслей, эмоций, телесных чувств и импульсов. Часто клиент подтверждает правильность своих утверждений. Таким образом, проявляется динамика, лежащая в основе конфликта.

Затем исполнитель просит клиента представить другие ключевые элементы истории системы, которые, вероятно, будут в центре конфликта. Забытые, исключенные или утраченные члены системы, прошлые жертвы или исполнители и т. д. особенно важны. Как только они вступают в игру, другие участники живо реагируют и таким образом подтверждают, что эти элементы и их судьбы должны быть признаны и рассмотрены.

Если анализ проводится с группой, психологическая разработка конфликтов может стать более эмоциональной. Исполнитель использует разнообразные терапевтические вмешательства, такие как изменение мест людей или предложение конкретных коротких диалогов и жестов, с тем чтобы вызвать взаимопонимание, уважение, сочувствие и эмоциональную помощь. Постепенно система реструктуризуется и умиротворяется. Без группы этот шаг происходит более абстрактным образом.

Расстановка может привести не только к относительным решениям, но и к идеям конкретных действий. В третьей части анализа, последующей фазе, исполнитель помогает клиенту реализовать эти решения. Если ситуация нуждается в дальнейшем уточнении, позже может быть запущен другой анализ.

Успех работы в политическом анализе зависит от множества факторов, таких как четкое видение всей системы со стороны клиента. Исполнитель должен быть искусным, опытным, с ясным восприятием, способностью к многомерному глобальному видению большой системы, сильной чувствительностью и дальновидной ориентацией на решения. Чем выше позиция клиента в иерархии и чем более серьезные решения ему разрешено принимать в системе, тем больше шансы реализовать многообещающую стратегию для всей структуры.

Палестина может служить примером этого метода. Клиент С хотел уточнить свою роль и возможность действий в качестве представителя еврейской гуманитарной неправительственной организации. В этой ипостаси и в неформальных случаях он встречает дипломатов из арабских стран на более личном уровне и хотел бы создать с ними конструктивный диалог для миростроительства.

Обычно анализ начинается с помещения нескольких элементов в пространство, и именно клиент отображает свое внутреннее видение системы. В этом

сложном случае, как ранее обсуждалось с клиентом, многие элементы, казалось, были очень важны с чисто когнитивной точки зрения. Чтобы создать достаточное пространство для раскрытия подсознательной динамики, исполнитель предположил, что клиент должен начать только с одного элемента. Пока он изучал позицию клиента, его восприятие заставило его решиться добавить друг к другу большинство других элементов, один за другим. Он позволял себе постоянно руководствоваться отзывами клиента, своими собственными представлениями, интуицией и терапевтическими знаниями о функционировании человеческих систем в целом и нейтральной информацией, которую он узнал об этой системе. Этот способ может показаться весьма субъективным. Но это может позволить опытному исполнителю анализа лучше понять суть динамики внутри системы. Следующее описание анализа обязательно сокращается и упрощается. Когда упоминаются внутренние состояния, такие как эмоции, по практическим соображениям, грамматическая форма утверждения используется в виде «короткого сокращения». Но, конечно, нельзя быть уверенным в чувствах другого человека.

Вначале клиент С определил свое положение в системе, поставив лист бумаги на определенное расстояние от столба, расположенного в одной части комнаты. Он встал лицом к нему. Стоя на месте клиента С, исполнитель заметил, что его тело склоняется к этому столбу, что он хочет взаимодействовать с тем, что он представляет, и чувствовал радостное, дружелюбное, позитивное, почти юмористическое отношение к нему.

По опыту исполнитель знал, что предметы в комнате могут соответствовать лицам, которые еще не представлены. Поэтому он положил бумагу прямо перед столбом, вышел на нее и попытался определить, кому может соответствовать столб. Он чувствовал себя мужчиной и напряг мышцы, избегая зрительного контакта с С. Незнакомый человек, казалось, не доверял С, и боялся слишком тронуть его гуманным, отзывчивым отношением, как будто это могло быть приманкой. Первоначально он сопротивлялся переменам своего ума, не имея веских оснований. Но чем дольше он сталкивался с добрым и располагающим присутствием С, тем больше он чувствовал, что отношение С опровергло отрицательные обобщения о его этнической группе. У тренера сложилось впечатление, что неизвестным элементом может быть палестинский представитель, возможно, посол (назовем его «ПА»). Он заметил, что ПА смотрит в другую сторону комнаты, как будто есть элемент, к которому ПА чувствует себя лояльным. Он интересуется, может ли это быть палестинское правительство. Чем дольше ПА стоял рядом с С, тем больше он чувствовал склонность слушать его и даже помогал налаживать связь между С и палестинским правительством. Тем не менее было строгое условие – слова С не должны были быть пустыми или фальшивыми. ПА потребует реального подтверждения предложений С для принятия взаимовыгодных решений.

Исполнитель положил на место бумагу, на которую взглянул ПА, и наступил на нее. В этом положении он опасался, что решимость и сила ПА могут быть снижены манипулятивным способом по отношению к С и, таким образом, будут подорваны. Он чувствовал себя скорбящим, потрясенным, как и в случае посттравматического стрессового синдрома, и связал это состояние с историческим фактом, который мог соответствовать его впечатлению: массовые убийства палестинских мирных жителей были совершены фундаменталистскими еврейскими организациями весной 1948 г., незадолго до основания государства Израиль

[Jews... 2001]. В ответ на это несколько недель спустя ряд арабских государств объявили войну Израилю. (NB: в момент этих массовых убийств британские власти и армия уже начали покидать Палестину, тогда как Иерусалим был окружен арабскими вооруженными силами. Это, должно быть, было очень опасно для еврейского народа, тем более после самого жестокого геноцида в его истории – холокоста. После этого арабские военные силы совершили массовые убийства еврейских гражданских лиц и безоружных солдат.) Исполнитель выяснил, что этот документ может действительно представлять палестинское правительство. Он все еще чувствовал себя ослабленным, подверженным риску падения и нуждающимся во внешней поддержке. Согласно предложению С, некоторая арабская страна была помещена рядом с палестинским правительством, которое затем почувствовало облегчение и усиление благодаря солидарности.

Когда исполнитель намеревался проверить, как С чувствует себя сейчас, встав на свою бумагу, у него сложилось впечатление, что рядом с ПА появился еще один элемент, который, казалось, был довольно угрожающим. Тренер положил лист бумаги в этом месте и, стоя на ней, задался вопросом, может ли это соответствовать экстремистски настроенной части палестинского населения, возможно, ХАМАС. Похоже, что ПА сможет успокоить этот элемент, особенно в том случае, если С сможет доказать свои позитивные намерения по отношению к палестинскому населению. Это требование возникало несколько раз во время анализа и казалось почти необходимым для всех лиц и элементов, связанных с палестинцами: так С подтверждает свою добрую волю не только словами, но и конкретными действиями.

Поскольку ХАМАС следует воспринимать очень серьезно, исполнитель внимательно изучил ситуацию. Так как он ведет деятельность главным образом в секторе Газа, исполнитель попросил С положить на пол шарф в качестве границы своей жилой зоны. Стоя в этом очень узком пространстве, он чувствовал себя угнетенным. Он чувствовал себя плотно утрамбованной стайкой животных, зажатых в крошечной клетке. Он заметил паническое состояние, которое мешало ему думать или говорить четко, что характерно для интенсивного острого стресса, и испытал предельный страх быть убитым буквально в следующую секунду. Клиент С подтвердил нестабильные условия жизни чрезвычайно многочисленного населения в маленьком секторе Газа и его экзистенциальную зависимость от поставок продовольствия из Израиля, несмотря на то что эта страна считается его главным врагом.

Затем С выразил свою убежденность в том, что арабское и еврейское население Палестины в совокупности имело необходимую рабочую силу, технический и интеллектуальный потенциал для создания второй Силиконовой долины. По мере того как анализ продолжался, не только С сам восстановил энтузиазм и жизненную энергию. Молодой арабский посол почувствовал искреннее восхищение личной инициативой и достижениями С как единичного частного игрока. Другой арабский посол был заинтригован демократической манерой швейцарской продовольственной компании работать в команде без строгой иерархии и был вдохновлен проектом в качестве модели для своей собственной страны. Даже «Братья-мусульмане»¹, которые чувствовали себя возмущенными бесчеловечными условиями жизни своих

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации. – *Прим. ред.*

палестинских друзей, успокоились. Сельскохозяйственный проект как безопасный источник продовольствия для сектора Газа, как представляется, стал символом и толчком для более широкого движения. Вся система пришла в гармонию.

Из-за нехватки времени эксперимент пришлось остановить в этот момент, хотя некоторые важные элементы даже не были созданы, особенно еврейская неправительственная организация, посол, правительство и население. Вероятно, в них был бы обнаружен подобный уровень недоверия, страха, горя, боли, лишения и чувства несправедливости, хотя их эмоции проистекают из разных исторических переживаний, связанных и с другими политическими субъектами. Но клиент и исполнитель чувствовали, что они получили достаточный заряд идей и рекомендаций для принятия конкретных мер.

Этот анализ показал ту важную роль, которую может сыграть международный проект сельскохозяйственного сотрудничества в интересах мира в Палестине. Что касается его реализации, необходимо будет уточнить и подготовить многочисленные практические аспекты с помощью экспертов и компетентных руководителей проектов. Клиент и исполнитель не знакомы с этой сферой, но, тем не менее, собрали некоторую информацию, возможные идеи и аналогичные примеры и связались с разными лицами для продвижения проекта.

Сначала клиент поделился идеей проекта со швейцарским военным дипломатом, который фигурировал в анализе и был открыт для содействия деэскалации конфликта между Израилем и Палестиной. Клиент также связался с послом Д, чтобы встретиться и обсудить анализ, проект и перспективы миростроительства. Посол Д любезно подтвердил, что готов сотрудничать. По-видимому, обсуждение между послом Д, послом Палестины и клиентом состоится позднее и может стать отправной точкой для дальнейшего дипломатического диалога.

Клиент также представил идею швейцарской компании по переработке пищевых продуктов, которая сыграла свою роль в анализе. Компания дала обнадеживающий ответ, что они поддерживают проекты за рубежом и участвуют в финансировании. Для этого проект должен быть подробно представлен комитету.

Если интуиция тренера верна, что сельскохозяйственный проект должен осуществляться за пределами сектора Газа, необходимо найти подходящее место. Консультацию запросили у мастера Хана, всемирно признанного Мастера в аутентичном, традиционном фэншуй, возникшем в Камбодже. Фэншуй – даосская наука об окружающей среде и ее влиянии на жизнь человека, которой примерно три тысячи лет. Она изучает ландшафт, его географические характеристики, планетарное магнитное поле и т. д., чтобы найти наилучшие для окружающей среды и потребностей своих жителей положения зданий и городов [Hardy 2016].

Мастер Хан подтвердил, что форма границ и других аспектов Палестины, особенно сектора Газа, оказывает негативное влияние на безопасность как еврейских, так и арабских жителей. По его словам, в Иерусалиме нет необходимой защиты высот в тылу, что является проблемой, особенно для столицы. Поэтому город будет лучше использоваться только как религиозный и культурный центр. Он посоветовал передать эту функцию в качестве капитала в другие города, чей фэншуй был бы более подходящим для этого.

Он также изучил положительный потенциал более широкого региона и разработал несколько идей по превращению трех конкретных областей в плодородные, здоровые и богатые места. Он утверждал, что привлекать людей к выгоде от хо-

роших условий жизни с хорошим фэншуй и доверять человеческому потенциалу, способному реализовываться позитивно, может быть достаточно для достижения мира. Интересно, что три района действительно расположены за пределами сектора Газа, что соответствует предположениям исполнителя. Но поскольку они расположены на Западном берегу, население сектора Газа, по крайней мере на данный момент, не может их использовать. Кроме того, некоторые палестинцы могут быть так привязаны к своей родине, что расставание с ней может вызвать у них возмущение.

В любом случае сельскохозяйственный проект может быть поначалу небольших масштабов, в границах самого сектора Газа. Поскольку этот регион очень ограничен и перенаселен, возникает вопрос, в каком направлении можно расширить сельскохозяйственный проект. Согласно предположениям исполнителя, сделанным во время анализа, земля, подходящая для проекта, была расположена только на другой стороне границы. Эта земля является частью палестинской территории, но незаконно эксплуатируется израильскими фермерами. Тот, кто попытается приблизиться к палестинской зоне рядом с границей, рискует быть расстрелянным.

В идеале израильские власти согласились бы вернуть колонизированную территорию, что, вероятно, означало бы огромный шаг на пути к примирению. Если население сектора Газа будет наблюдать в реальном времени сельскохозяйственный проект, создаваемый исключительно для удовлетворения его основных потребностей, предыдущий экзистенциальный страх и недоверие могут быстро уменьшиться. Кроме того, присутствие нейтральных помощников, таких как международные заинтересованные стороны и израильские мирные активисты, а также принятие других мер безопасности могут способствовать успокоению населения и властей с обеих сторон.

Однако в нынешней политической ситуации реституция этой территории кажется невозможной. В настоящее время единственная возможная альтернатива для расширения сельскохозяйственного проекта через фактическую границу сектора Газа – полуостров Синай. Но даже в том случае, когда трудные, деликатные переговоры с египетскими соседями должны увенчаться успехом и позволить арендовать часть египетской территории, возникнут другие огромные проблемы. В этом полусасушливом и засушливом регионе проблемы ландшафтной экологии, сельского хозяйства, облесения, орошения и питьевого водоснабжения и т. д. очень серьезны и масштабны.

Клиент связался с международной НПО «Инициативы перемен», чья программа «Инициативы в отношении земли, жизни и мира» ежегодно организует «Диалог по вопросам земли и безопасности» в Швейцарии. Эксперты, руководители проектов, специалисты-практики, ассоциации и компании представляют разнообразные подходы к восстановлению земель, ведению земледелия в сложных условиях, сокращению выбросов CO₂ в атмосферу, производству «зеленой энергии» и т. д., а также ищут инвесторов, финансирующих проекты в интересах мира и экологии.

Среди увлекательного множества древних и современных методов решения экологических проблем несколько, казалось, были пригодны и для Синайской пустыни, по крайней мере с непрофессиональной точки зрения. Африканская слоновая трава помогает бороться с опустыниванием, удерживает большое количество CO₂ в почве, что делает ее самым мощным инструментом для наземного

удаления CO₂ и улучшает сельскохозяйственное качество почвы [Nanda *et al.* 2016: 99–122].

Облесение, особенно с акациями и деревьями моринга, может обеспечить тень для небольших растений, животных и людей, и побочные продукты сельского хозяйства, такие как масло, резина, моющие средства, съедобные части и части для медицинского использования. Программы плантации показывают хорошие результаты, как, например, в Тунисе и Египте. В регионах, где трудно посадить деревья вручную, небольшие горшки, содержащие семена деревьев и необходимые питательные вещества, сбрасываются на почву с малой высоты с дронов [Stone 2017], в лучшем случае – в период дождей. Команда, пилотирующая шесть БПЛА, может сажать до 100 тыс. семян в день. Дроны также могут проверить успешность посадки и при необходимости завершить ее.

Концепция пермакультуры, специфическая форма биологического земледелия, имитирует природные экосистемы и может применяться в экстремальных климатических условиях, например, для поликультур пустыни в Северной Африке [Mollison 1989]. Исполнитель встретился с инструктором Исследовательского института пермакультуры в Австралии, который, как и некоторые другие эксперты, был готов предложить свои советы и практическую помощь в секторе Газа.

При традиционном африканском методе используются небольшие канавы для дождевой воды. Горшки из глины могут быть закопаны в почву и наполнены водой, как в римские времена. Современные системы капельного орошения можно комбинировать с солнечными батареями для экономии энергии. Подземное капельное орошение позволяет избежать испарения воды путем закапывания капельниц [Bourziza *et al.* 2014: 771–776]. Даже в воздухе пустыни мощные конденсаторы выделяют до 10 тыс. литров воды в день и могут работать вкупе с солнечными батареями [Service 2017].

В другом случае исполнитель познакомился с французским физиком Жан-Пьером Гарнье Мале и его коллегой Жаком Коллином, который стал специализироваться на воде [Collin 1990; 1997]. Они в более широком смысле испытывают абсолютно революционный метод выращивания растений с использованием минимального количества воды.

То, что на первый взгляд выглядит многообещающим для любителя, может оказаться фата-морганой. Поэтому исполнитель попросил совета у специалиста по почвоведению и геоморфологии, профессора, доктора Йорга Фелкеля из Технического университета в Мюнхене. Действительно, он подчеркнул необходимость предварительного детального анализа экспертом в области ландшафтной экологии. В том случае, если условия, связанные с почвой, климатом и гидрографией, должны теоретически обеспечивать проект, для этого потребуется очень точное и изобретательное управление. Стоимость производства продуктов питания будет чрезмерно высокой и, возможно, они попросту себя не окупят, особенно по сравнению с международным рынком. В качестве примера Фелкель поднял вопрос об ирригации. Использование ископаемых грунтовых вод, если они имеются, будет соответствовать чрезмерной эксплуатации; кроме того, в большинстве случаев эта вода слишком соленая. Опреснить морскую воду и прокачать ее в этом районе может быть сложно и очень дорого. Кроме того, орошаемые почвы выделяют более вредные парниковые газы, такие как метан. В целом возможность создания достаточно большого сельскохозяйственного проекта в Синайской пустыне представляется довольно неопределенной.

Таким образом, из трех возможных областей за пределами сектора Газа, где может быть создан достаточно большой сельскохозяйственный проект (Западный берег, Синай, палестинская зона непосредственно на другой стороне границы сектора Газа), последний, по-видимому, является самым реалистичным, по крайней мере с географической и экологической точек зрения.

Еще одно решение сократить дефицит продовольствия, будь то в секторе Газа или даже во всем мире, может упереться в то, что редко упоминается на конференциях по экологии, и тем не менее очень важно: вегетарианский образ жизни. Во-первых, свободные козы и овцы уничтожают деревья и кусты, потребляя кору и тем самым способствуя обезлесению и опустыниванию. Это можно решить, защищая стебли и стволы высокими заборами. Однако большее преимущество выращивания овощей, а не крупного рогатого скота, заключается в том, что на одной и той же поверхности земли можно накормить гораздо больше людей, потребляя меньше энергии, воды и других сельскохозяйственных принадлежностей и выделяя гораздо меньше парниковых газов [von Witzke *et al.* 2011]. Всемирный фонд дикой природы в Австрии опубликовал в 2016 г. документ с впечатляющей статистикой [de Schutter 2016]: для получения 1 кг определенного питательного вещества необходима площадь суши, которая варьируется от 0,6 м² для овощей до 46 м² для говядины! Что касается вегетарианского питания, пищевая цепочка между почвой и конечным потребителем короче, количество людей и времени, необходимого для производства продуктов питания, также меньше.

Кроме того, хорошо сбалансированный вегетарианский образ жизни оказался в целом более здоровым, чем плотоядный. Швейцарская Федеральная комиссия по питанию опубликовала отчет о важных научных выводах [Walter *et al.* 2007], где приводится метаанализ, в котором кратко излагаются пять проспективных исследований с участием в общей сложности 76 тыс. участников, средняя продолжительность этих исследований составляла 10,6 года. За это время погибло 8330 человек. У вегетарианцев частота смерти от инфаркта миокарда была на 24 % ниже [Key *et al.* 1999]. Исследование, проводимое в течение 21 года Немецким онкологическим исследовательским центром в Гейдельберге, показало, что общая смертность вегетарианцев на 41 % ниже, чем жителей Германии в среднем [Chang-Claude *et al.* 2005: 963–968]. Влияние вегетарианского образа жизни на рак сложно оценить [Mills 2001]; тем не менее частота смертности от рака ниже, особенно у мужчин. Риск возникновения рака может значительно уменьшиться за счет употребления в пищу большего количества фруктов, определенных овощей, бобовых, орехов и соевых продуктов. Уровень артериального давления и уровень жира в крови у вегетарианцев ниже. Это хороший пример того, что этические отношения и эмпатия даже на уровне разных видов могут быть высоко оценены. Вегетарианцы обычно уделяют больше внимания здоровому образу жизни: они меньше курят, пьют меньше алкоголя, занимаются спортом, медитируют больше и т. д., что способствует улучшению их физического состояния и более высокой продолжительности жизни. Особенно дети, беременные и кормящие грудью женщины и люди с определенными проблемами со здоровьем, которые не потребляют какие-либо продукты животного происхождения (вегетарианское питание), должны обратить внимание на разумно варьирующиеся и сочетающиеся правильные питательные вещества или принимать добавки, чтобы получить все необходимые белки, витамины и минералы. Может потребоваться профессиональный совет диетолога, особенно для вегетарианцев.

Подводя итог, можно сказать, что в большей или меньшей степени все люди и сообщества людей неоднократно подвергались ситуациям, когда их потребности не были удовлетворены. Это вызывает стресс, особенно если угрожают удовлетворению их базовых потребностей. К сожалению, в качестве реакции на это часто предлагается насилие, которое может быть направлено либо на тех, у кого больше ресурсов, либо на тех, с кем группа обязана делиться своими собственными ресурсами.

Из-за психологических аспектов человеческой природы, особенно эмоционального страха нехватки чего-либо, часто недостаточно обеспечить материальное снабжение. Кроме того, память о перенесенных стрессах может создать подсознательное «компульсивное повторение» в коллективе, которое передается из поколения в поколение и приводит к аналогичным конфликтам на протяжении десятилетий и даже тысяч лет. В этой череде конфликтов бывшие притеснители могут стать жертвами, а бывшие жертвы могут превратиться в притеснителей. Эта ситуация может быть настолько горькой для самооценки людей, что им бывает очень трудно это признать.

Политический анализ раскрывает историческое и бессознательное происхождение конфликта и помогает работать в динамике. Что касается долговременной цепи экзистенциальных угроз (когда жертвы сами становятся агрессорами – чем больше жертв, тем больше агрессоров), политический анализ не обязательно должен возвращаться к самому началу. Как правило, живые члены системы чувствуют облегчение и умиротворенность, когда наиболее важные острые моменты были выяснены и сглажены.

В лучшем случае враги, таким образом, осознают, что все вовлеченные стороны стали жертвами структурных обстоятельств и недостатков, дисфункциональных стратегий преодоления и злополучного компульсивного повторения прошлых бед. Политический анализ также демонстрирует, что вместо того, чтобы сражаться друг с другом и тем самым создавать больше стресса и нехватки ресурсов, противоположные группы лучше справляются со структурными проблемами сообща. Обычно ситуация со множеством победителей является следствием успешного примирения. К счастью, беспронимательное решение может также вызывать примирение. Этот подход можно проще осуществить, если тем, кто еще не готов простить, его предлагают союзники или нейтральные элементы.

Прощение и самопожертвование могут быть эмоционально сложными. Немецкая комиссия «Justitia et Pax» опубликовала документ о памяти, правде, справедливости и рекомендации, как справляться с тяготами, проистекающими из прошлого. Они проиллюстрировали это на примере нацистской Германии а также на исследованиях прошлых потрясений, имевших место на разных континентах: «Прощение и примирение не могут происходить абстрактным и общим способом, и они не могут быть востребованы; они конкретны и могут произойти только тогда, когда выяснилось, кто что кому сделал и кто что и кому простил... Но связь между феноменом насилия и конкретной человеческой виной и ее последствиями не достигнет своей цели, если она не раскрывает системные и структурные условия несправедливости и насилия... Это включает в себя понимание того, что насилие, которое проявляется по соображениям оправданной самообороны, в качестве неотложной помощи, оставляет глубокие раны и жертвам, и агрессорам» [Deutsche... 2003].

В этом случае похоже, что палестинцы, особенно в секторе Газа, могли до сих пор испытывать аналогичную экзистенциальную панику, с которой евреи сталкивались раньше, во время холокоста. Таким образом, эти два народа в конечном итоге могут лучше понять друг друга и станут глубоко друг другу сопереживать. На этой эмоциональной основе они смогут развить в будущем по-настоящему близкое соседство и долгосрочное сотрудничество.

Данный пример работы политического анализа показывает важность продовольственной безопасности для безопасности политической. Чтобы люди находились в жизненной зависимости, особенно если это зависимость от врага, не обязательно создавать больше доверия или чувство безопасности в противовес панике, ненависти и насилию. Международное сотрудничество в области сельскохозяйственных и экологических проектов, которые приводят к такой принудительной зависимости, может способствовать миру.

И последнее, но не менее важное: следует иметь в виду, что, конечно, посредством анализа нельзя с уверенностью предсказать, что произойдет в будущем. Это скорее дает представление о потенциальных возможностях, которые могут представиться, особенно если предлагаемые решения реализованы. Относительно легко разрабатывать идеи в рамках теоретической установки анализа. Их проявление в действительности может быть намного сложнее и потребовать гораздо больше времени. Но даже несмотря на то, что конкретный проект требует времени и усилий, информирование и включение в него населения дает им надежду, перспективу, ради которой стоит жить, и силу для преодоления трудностей.

Говоря словами Вацлава Гавела, «нельзя просто следовать расписанию, которое мы установили для нашего влияния на мир; мы также должны чтить и уважать бесконечно более сложное расписание, которое мир установил для себя. Это расписание представляет собой сумму тысяч независимых расписаний бесконечного числа естественных, исторических и человеческих действий» [Merry 2003], – политический анализ может помочь координировать, гармонизировать и, надеюсь, ускорить некоторые из них.

*Перевод студентки факультета глобальных процессов
МГУ имени М. В. Ломоносова В. Ольховской*

Литература

Bourziza R., Hammani A., Kuper M., Bouaziz A. Water Saving in Arid Regions: Comparison of Innovative Techniques for Irrigation of Young Date Palms // International Scholarly and Scientific Research & Innovation. 2014. Vol. 8. No. 11.

Chang-Claude J., Hermann S., Eilber U., Steindorf K. Lifestyle Determinants and Mortality in German Vegetarians and Health-conscious Persons: Results of a 21-year Follow-up // Cancer Epidemiology Biomarkers & Prevention. 2005. April. No. 14(4). Pp. 963–968.

Chumakov A. N. Cultural and Civilisational Fractures of the Global World // International Journal of Foresight and Innovation Policy. 2017. Vol. 12. No. 1–3. Pp. 58–68.

Collin J. L'eau, le miracle oublié. N. p., 1990.

Collin J. L'insoutenable vérité de l'eau. N. p., 1997.

Deutsche Kommission Justitia et Pax. Erinnerung, Wahrheit, Gerechtigkeit, Empfehlungen zum Umgang mit belasteter Vergangenheit. Berlin, 2003.

Gunter G. La théorie du stress et sa signification dans la thérapie des systèmes humains // *Revue Médicale de la Suisse Romande*. 1990. No. 110.

Hardy N. *Le Feng Shui – Science taoïste de l'habitat*. 2nd ed. Paris : Eyrolles, 2016.

Hellinger B. *Familien-Stellen mit Kranken*. Heidelberg : Carl-Auer-Systeme Verlag, 1995.

Hellinger B. *Wo Schicksal wirkt und Demut heilt*. Heidelberg : Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998.

Hellinger B. *Was in Familien krank macht und heilt*. 2nd ed. Heidelberg : Carl-Auer-Systeme Verlag, 2001.

Hellinger B. *Der Friede beginnt in den Seelen. Das Familien-Stellen im Dienst der Versöhnung*. Heidelberg : Carl-Auer-Systeme Verlag, 2003.

Jews for Justice in the Middle East. *The Origin of the Palestine-Israel conflict*. Berkeley, 2001 [Электронный ресурс]. URL: www.onlinebooks.library.upenn.edu.

Key T. J., Fraser G. E., Thorogood M., Appleby P. N., Beral V., Reeves G., Burr M. L., Chang-Claude J., Frentzel-Beyme R., Kuzma J. W., Mann J., McPherson K. Mortality in Vegetarians and Nonvegetarians: Detailed Findings from a Collaborative Analysis of 5 Prospective Studies // *American Journal of Clinical Nutrition*. 1999. No. 70. Pp. 516–524.

Mahr A. (ed.) *Konfliktfelder – Wissende Felder, Systemaufstellungen in der Friedens- und Versöhnungsarbeit*. Heidelberg : Carl-Auer-Verlag, 2003.

Mahr A. *Politische Aufstellungen – Erfahrungen im Internationalen Forum Politische Aufstellungen (IFPA) // Praxis der Systemaufstellung. Beiträge zu Lösungen in Familien und Organisationen*. 2006. No. 1. S. 26–32.

Maslow A. *A Theory of Human Motivation* // *Psychological Review*. 1943. No. 50. Pp. 370–396.

Mayr F. P. *Konflikttransformation durch Politische Aufstellungen – Konflikt als System* // *Praxis der Systemaufstellung*. 2006. No. 2. Pp. 82–93.

Merry P. *Strategies for Bridging Global Gaps – a Report from the Forum 2000 Conference*, 2003.

Mills P. K. *Vegetarian Diets and Cancer Risk* // *Vegetarian Nutrition* / ed. by J. Sabaté. Boca Raton, FL : CRC Press, 2001. Pp. 55–90.

Mollison B. *Permaculture: A Designers' Manual*. N. p. : Tagan Publications, 1989.

Nanda S., Reddy S. N., Mitra S. K., Kozinski J. A. *The Progressive Routes for Carbon Capture and Sequestration* // *Energy Science & Engineering*. 2016. Vol. 4(2). Pp. 99–122.

Scheucher H., Szyszjowitz T. *Systemische Aufstellung zum Bosnienkonflikt: Krieg im Nachbarland – was braucht der Friede?* // *Praxis des Familien-Stellens* / ed. by G. Weber. Heidelberg : Carl-Auer-Systeme Verlag, 2000.

Schutter L. de. *Consumption, Land Use and Climate Change in Austria*. N. p., 2016.

Service R. F. *This New Solar-powered Device Can Pull Water Straight from the Desert Air* // *Science*. 2017. April 13.

Stone E. *Drones Spray Tree Seeds from the Sky to Fight Deforestation* // *National Geographic*. 2017.

Walter P., Baerlocher K., Camenzind-Frey E., Pichler R., Reinli K., Schutz Y., Wenk K. *Gesundheitliche Vor- und Nachteile einer vegetarischen Ernährung. Expertenbericht der Eidgenössischen Ernährungskommission*. Bern, 2007.

Witzke H. von, Nolepa S., Zhirkova I. *Klimawandel auf dem Teller*. 4th ed. N. p. : WWF Germany, 2011.

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА XXI в.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ ОСМЫСЛЕНИЯ

Магомедов Д. С.*

В статье рассматриваются ключевые проблемы осмысления терроризма как международного явления. Становление транснационального терроризма автор связывает с серьезными изъянами формирующейся мирополитической системы, в которой доминируют США и их союзники, и кризисами государственных институтов в отдельных регионах.

Ключевые слова: терроризм, мировая политика, исламизм, национальное государство.

The article considers the key problems of understanding terrorism as an international phenomenon. The author associates the emergence of transnational terrorism with serious flaws in the emerging world-system, dominated by the US and its allies, and by crises of state institutions in certain regions.

Keywords: terrorism, world politics, Islamism, national state.

Проблема терроризма является одной из наиболее сложных в современных международных отношениях. Это напрямую связано с высокой актуальностью темы, а потому и ее политизацией. После событий 11 сентября 2001 г. угроза транснационального терроризма была выдвинута при активнейшем содействии США на передний план международной повестки дня, а объявленная «война против террора» активно использовалась администрацией Дж. У. Буша для укрепления позиций на международной арене. И если к началу 2010-х гг. казалось, что международный терроризм не представляет угрозы глобальному миропорядку, то резкое усиление радикальных исламистов из запрещенного в России ИГИЛ в 2014–2015 гг. изменило эти настроения. Подобное обстоятельство привело к эссенциализации терроризма в работах многих теоретиков и публицистов, уменьшению его политической составляющей (борьба против мирового господства США, национально-освободительные мотивы, отстаивание политического и культурно-религиозного суверенитета) в пользу «мистических формулировок», поиску сущности терроризма в особой нетерпимости ислама или представителей исламских народов, объяснению через отсылку к иррациональной ненависти или же построению более сложной, но не менее абстрактной теории «исламского империализма», угрожающей западным ценностям [Ben-Dor 1996]. Подобные сугубо идеологические явления, направленные на легитимацию американской «войны против террора», стали предметом разоблачения [Ali Khan 2006], в 2006 г. был основан журнал под названием *Critical Terrorist Studies*, авторы которого поставили перед собой задачу критического пересмотра подобных представлений.

* Магомедов Даниял Сайгидгусейнович – соискатель кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: danyalmm1985@gmail.com.

В целом за последние 15 лет сформировалось целое междисциплинарное поле *terrorism studies*, в рамках которого особое внимание было уделено истокам и истории терроризма, роли несостоявшихся государств (*failed states*) в его распространении, проблемам финансирования террористических организаций, динамике террористических атак, а также успешности контртеррористических мер. Институциональный подход и теория игр в теоретическом плане определили своеобразие этого исследовательского направления [Sandler 2011]. В рамках данной статьи мы собираемся рассмотреть теоретические развилки, с которыми сталкиваются при осмыслении терроризма как мирополитического явления. Сосредоточенность на различных видах и проявлениях терроризма зачастую мешает поиску ответа на более базовый и однозначный вопрос, а именно: «Что такое терроризм в XXI веке?»

Понятие терроризма: в поисках определения

Сложность в определении данного явления можно увязать с рядом комплексов причин. Первый из них – **исторический**: на протяжении последних двух столетий под терроризмом понимали разные виды насилия [Tilly 2004: 8–9]. История появления термина в интеллектуальном дискурсе Европы восходит к эпохе Французской революции (1789–1799 гг.), когда он был тесно связан с массовым насилием сторонников революционных преобразований [Thackrah 2004; Lutz J., Lutz B. 2005: 19–27; Макуев 2007; Laqueur 2001: 5–10]. В XIX в. понятие терроризма было тесно связано с революцией, будучи методом слабых и незащищенных групп для достижения их целей. Как правило, террористические акты были направлены против представителей власти, а само понятие террора имело позитивные коннотации среди сторонников революции. В период Второй мировой войны семантическое поле понятия «терроризм» расширилось: теперь оно включало и массовые государственные репрессии против своих граждан, которые осуществляли в 1930–1940-е гг. власти Германии, Италии. После Второй мировой терроризм ассоциировался с революционными и национал-освободительными движениями в странах третьего мира. Как видно, во всех этих случаях речь идет о «разных терроризмах», разных социально-политических явлениях [Munson 2008: 78], что затрудняет поиск единой дефиниции: слишком узкое определение контрастировало бы с его широким употреблением в общественно-политической речи, в то время как расширение понятия делало бы его слишком размытым и с научной точки зрения бессмысленным.

Второй комплекс причин связан с проблемами **аксиологического характера**. Для правых и консерваторов терроризм предстает однозначно отрицательным явлением, в то время как для многих революционеров, наоборот, – оправданным средством достижения политических целей [Pearlstein 2004: 1–2]. И если в научном дискурсе еще можно выделить ценностно-нейтральное определение, то в рамках политической практики подобное представляется невозможным. На пути поиска единого определения терроризма, выработки общих юридических и организационных основ контртеррористического взаимодействия по большей части стоят политические разногласия и отсутствие политической воли [Stilles, Thayne 2006].

Ввиду стойких негативных коннотаций (по крайней мере, в глобальном политическом дискурсе) существует необходимость не допустить включения в число

террористов «дружественных» политических движений. Это стимулирует активность именно политической борьбы как за определение терроризма, так и за его содержательное наполнение. Так, в годы холодной войны США считали допустимой поддержку различных правых террористических групп, равным образом как и СССР поддерживал различного рода левых террористов. На практике далеко не всегда легко отделить террористов от борцов национально-освободительного движения. Например, Организация Исламской конференции (ОИК) в 1999 г. специально подчеркнула, что к терроризму она не относит «народную борьбу, включая вооруженную борьбу против иностранной оккупации, агрессии, колониализма, гегемонии, нацеленную на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами международного права» [Никитин 2009: 214]. На этом основании ОИК отказалась признавать Палестинское движение сопротивления в качестве террористического [Веселовский 2009: 29].

Подобные расхождения осложняют выработку единого юридического определения в рамках международного права. Как отмечено в Уставе Международного суда, «никакое международно-правовое определение преступлений терроризма странами-участницами согласовано быть не может» [Никитин 2009: 209]. А потому представляется оправданным операциональный подход, выдвинутый известным американским политологом Р. Кохэйном: терроризм как акт неправомерного насилия, определенный коалицией государств в качестве такового в рамках данной конкретной ситуации [Keohane 2002: 143]. Однако и здесь возникают сложности: в каждой из стран существуют собственные определения терроризма, что с юридической точки зрения ведет к разной классификации одних и тех же явлений (например, захват политика в заложники и его последующее убийство) как террористических или относящихся к организованной преступности. Это затрудняет как международное сотрудничество в борьбе с терроризмом, так и работу с национальными статистическими данными [см., например: Дремлюга 2014].

Попытки определить терроризм неразрывно связаны с историей международных усилий по борьбе с ним. Изначально речь шла о терроризме именно как о преступлении. В 1898 г. в Италии прошла первая международная конференция, посвященная терроризму. В 1926 г. состоялась Первая международная конференция по уголовному кодексу, на которой было принято решение о создании международной конвенции, направленной на борьбу с этим явлением [Веселовский 2009: 25]. В 1920–1930-е гг. этим вопросом занималась и Лига Наций, однако попытки воплотить в жизнь единую конвенцию по борьбе с этим явлением так и не удались [Акулов, Семейко 2003: 9]: Женевская конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него (1937 г.) так и не была подписана [Galicki 2005: 744]. Впрочем, в ней была предложена первая формулировка понятия терроризма: «...все преступные действия, направленные против государства или рассчитанные на создание состояния террора в умах отдельных людей или групп людей или широкой публики» [цит. по: Соммье 2003: 59].

После Второй мировой войны на международном уровне впервые терроризм был упомянут только в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1972 г. и увязывался с насилием против мирных граждан. Одновременно появляется около десятка различных международных правовых документов в разных отраслях международного сотрудничества, в которых звучало то или иное ситуативное (секторальное) определение терроризма. Например, речь шла о террориз-

ме как о незаконном захвате самолетов (1971 г.), захвате заложников (1979 г.), незаконном насилии, направленном против обеспечения безопасности на международных платформах на континентальных шельфах (1988 г.) и пр. [Galicki 2005].

Первое определение, которое претендовало на обозначение консенсуса, было озвучено Генассамблеей ООН в 1994 г. в резолюции «Меры по ликвидации международного терроризма», где под терроризмом понимались «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях», а также указывалось, что они «ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание» [Документ... 1995].

Наличие определений, зафиксированных на международном уровне, не отрицает того факта, что каждое государство в политической и юридической практике стремится руководствоваться собственными трактовками. В США специально созданная комиссия по терроризму в 1986 г. предложила следующее определение: «Терроризм – незаконное применение силы или насилия против людей или имущества с тем, чтобы добиться политических или социальных целей угрозой правительству, населению или любым их сегментам» [Акулов, Семейко 2003: 5]. Схожим является определение, зафиксированное в американском законодательстве (параграф 2656f(d) в редакции 1997 г.): «...запланированное, политически мотивированное насилие, направленное против невоенных объектов и осуществленное субнациональными или неизвестными группами, как правило, ориентированное оказать влияние на определенную аудиторию» [Shughart 2006: 9]. Оно и было озвучено в политических заявлениях американских руководителей после событий 11 сентября (некоторые аналитики ошибочно указывали, будто оно было сформулировано после этих терактов) [Акулов, Семейко 2003: 6].

Полагаем, что наиболее продуктивным стал бы не поиск консенсусного определения «на все времена», а выделение сущностных черт терроризма, на основе которых в каждом конкретно-историческом периоде можно было бы конструировать подходящее определение. Среди таких черт мы предлагаем выделить следующие: представление о его политических целях, направленность на невоенных лиц (тем самым из состава терроризма исключаются партизанские действия в условиях войны), а также стремление посеять страх среди широких слоев населения или отдельных социальных групп. Более частные определения и типологизации будут результатом комбинации этих элементов. Отметим, что здесь мы близки к другим исследователям, пытавшимся пойти таким же путем. Так, исследуя различные официальные американские определения терроризма, политолог из США Р. Чакраворти отмечал, что все они построены вокруг трех ключевых концептов: «насилие», «запугивание» и «угроза мирным жителям» [Chakravorti 1994: 2340]. У. Шугарт выделял четыре ключевые составляющие современных определений терроризма: насилие в политических целях; спланированное действие; отсутствие связи с правилами ведения войны; нацеленность на психологический эффект [Shughart 2006: 10]. А К. Хармон выделял пять стратегий терроризма: создание социального хаоса, дискредитация конкретного правительства, нанесение экономического ущерба, подрыв национальной безопасности и распространение атмосферы страха для воздействия на международную среду [Harmon 2004].

Причины терроризма

Проблема определения терроризма тесно связана и с другим дискуссионным вопросом по поводу его истоков, а именно условий и причин, заставляющих различные политические группы прибегать к террору как методу достижения целей. Нужно подчеркнуть: понимая терроризм именно как метод, мы полагаем неактуальным подробно останавливаться на различных классификациях и типологизациях «терроризмов» [см., например: Lutz J., Lutz B. 2005: 11–13; Старцев 2016: 12–18], а считаем более рациональным остановиться на общих условиях, делающих возможным использование терроризма как политического метода, поведения. Уже затем можно будет перейти к рассмотрению конкретно-исторических причин обращения тех или иных политических вооруженных групп к террористическим методам.

В определении причин терроризма можно выделить два разных подхода. Первый (наиболее распространенный) представляет его как зависимую переменную, результат воздействия определенных условий, что лишает терроризм собственной субъектности (собственно, сама постановка вопроса о причинах обрекает исследователя на рассуждение в данной логике). Как правило, говорится о различных детерминантах: от социально-экономических факторов до обращения к психологическим чертам личности (религиозность, фанатизм) [Кудрявцев 2004: 90]. В психоанализе речь идет об инстинкте смерти, глубинных инстинктах, в которых заложено стремление к агрессии. Тем самым терроризм может быть оценен как выражение деструктивных и иррациональных психологических сил, некрофильской (в терминологии Э. Фромма) энергии, «любви к смерти», которая противопоставляется «любви к жизни» [Петухов 2010: 32–33].

Другой подход, скорее, намеренно стремится подчеркнуть субъектность терроризма, его рациональный характер. Весьма характерно, что все попытки детерминировать причины вступления людей в ряды террористов каким-либо одним фактором (половая, возрастная принадлежность, психологический склад, семейное, социальное или классовое происхождение, социальный статус, уровень образования, этничность) оказались неудачными [Shughart 2006: 11]. Так, исследования социального состава отдельных террористических групп отвергают предположение, будто терроризм является орудием бедных, поскольку среди исламистов оказалось немало выходцев из обеспеченных семей с хорошим образованием [Мирский 2005: 24].

А потому терроризм можно представить как рациональную модель поведения, определенный выбор, совершаемый группой лиц, предполагающей, что именно эта модель политического поведения принесет необходимый результат. Поскольку терроризм рассматривается именно как метод достижения политических целей, то в поле зрения попадают организованные политические структуры, а не деятельность отдельных социальных маргиналов [Munson 2008]. Использование теории игр внесло большой вклад в изучение таких вопросов, как переговоры с захватившими заложников, вербовка в террористы, контртеррористические меры, а также структура террористических сетей [Sandler 2011: 280].

Однако в каких социальных трансформациях последних 150 лет берет начало подобная рациональность, делающая терроризм возможным? Мы предлагаем вы-

делить три ключевых условия, сделавших возможной успешность террористической активности:

1) технологические инновации: взрывные устройства становятся все проще воспроизводимыми в домашних условиях, а ввиду развития образования все большее количество людей обладают необходимыми знаниями и компетенциями для их изготовления;

2) демократизация политической жизни: если политический терроризм конца XIX – начала XX в. был направлен против представителей элиты, то в дальнейшем его объектами становились простые граждане. Акты устрашения могут быть эффективны только в том случае, если существуют институты влияния простых людей на власть, равным образом как и представители власти считают своим долгом в той или иной степени заботиться о безопасности граждан. Наиболее ярким примером успешности подобных террористических актов можно назвать осуществленные «Аль-Каидой»¹ взрывы в Мадриде в 2004 г., накануне парламентских выборов. Эти нападения оказали влияние на избрание нового правительства социалистов, которое первым делом вывело испанские войска из Ирака [Хенкин 2007: 141–142];

3) медиатизация социальной и политической сферы: если знание об акте терроризма не станет достоянием широкой общественности, то он не произведет должного устрашающего эффекта; распространение ярких образов террористических атак способствует нагнетанию массовой истерии. Только со второй половины 1980-х гг. этот аспект был осознан и стал учитываться редакторами изданий при составлении материалов. Со средствами массовой информации связана проблема «демонстративного поведения», или же «заражения», когда, как писал известный политолог И. Александер, рассказ о террористическом акте, переданный через СМИ, может подтолкнуть неуравновешенного телезрителя к повторению этих действий самостоятельно [Alexander 1981];

Переходя к конкретно-историческим причинам роста терроризма в XX в., стоит указать на два ключевых процесса на мировой арене, начавшихся и происходивших в это столетие: деколонизация, явившаяся побочным результатом двух мировых войн, и глобализация, сопровождаемая вестернизацией незападных культур и ставящая под сомнение легитимность модели нации-государства [Kennett 2008; Harvey 2004; Dume 2009]. К началу XXI в. террористические организации стали самостоятельными негосударственными участниками международных отношений. Здесь стоит отметить, что взаимосвязь между внешней и внутренней политикой государств стала настолько тесной, что современные исследователи предпочитают говорить о мировой политике, подчеркивая особое качество политического взаимодействия в глобальном масштабе [Современные... 2012: 93]. Возникновение международного терроризма в последней трети XX в. явилось одним из факторов формирования подобной мирополитической среды. Отметим и тот факт, что в современном мире развитие исламского терроризма и усиление его роли в мировой политике в целом соответствует и общественному тренду по усилению незападных стран в определении глобальных процессов [Воскресенский 2014: 316].

¹ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации. – *Прим. ред.*

Определение более конкретных причин появления терроризма также является дискуссионным. В зависимости от исходных теоретических установок терроризм может объясняться с позиций:

- борьбы за власть между великими державами; в условиях холодной войны речь может вестись о поддержке одной из сверхдержав террористических организаций на территории другой страны или же о возникновении терроризма в исламских странах как ответа на глобальное доминирование США (реалистская парадигма);

- неравенства экономического развития, превращения, в частности, африканских и азиатских стран в мировую периферию, «глобальный Юг», зависимый экономически (неоколониализм) от западных передовых экономик (неомарксистская парадигма). Необходимо заметить, что данную интерпретацию не стоит сводить сугубо к экономическому детерминизму, речь, как писал Г. И. Мирский, может вестись о реакции «на длительную эпоху унижения, гнева по отношению к тем, кто своим поведением до сих пор не позволяет мусульманам избавиться от незаслуженного комплекса неполноценности» [Мирский 2005: 24]. Тем самым экономические факторы тесно соседствуют с социально-психологическими;

- цивилизационных противоречий, борьбы различных точек зрения на мировое развитие в условиях политического и экономического доминирования стран Запада; здесь проблематика терроризма имеет ценностное измерение и тем самым оказывается связанной с более общим вопросом справедливости и неприятия той концепции справедливости, которая следует за глобализацией по неолиберальному образцу [Алексеева 2011: 21–22] (конструктивистская парадигма).

В отличие от террористов XIX в. современные их последователи угрожают не просто стабильности политического режима в отдельно взятой стране, но устройству мировой политики, ее государствоцентричности и доминированию западных держав, США в частности. Связь терроризма с эрозией института национального государства может просматриваться в различных аспектах. Одни исследователи полагают, что терроризм появляется в тех случаях, когда само государство прибегает к чрезвычайному насилию против отдельных групп населения и тем самым вынуждает их в условиях отсутствия возможности легально защищать свои интересы на ответные насильственные меры. Другие указывают на искусственность построения границ молодых – и еще не состоявшихся – национальных государств в процессе деколонизации, что привело к различным межэтническим противоречиям. Третьи связывают терроризм с антиэтатистской идеологией, что верно и для терроризма XIX в. (в основу которого положена идеология анархизма), и для исламского терроризма, основанного на исламской теологии: верховным суверенитетом обладает вовсе не государство, а умма, что, по замечанию А. А. Варфоломеева, «стирает межгосударственные границы и сводит на нет гражданственную самоидентификацию» [Варфоломеев 2011: 25]. Тем самым предлагаемая исламом социальная онтология оказывается несовместимой с социальной онтологией эпохи Просвещения, взятой на вооружение странами Запада в ходе колонизации мировых пространств. Как видим, во всех описанных выше случаях терроризм предстает как явление, направленное против существующего миропорядка.

Действительно, питательной средой для терроризма оказываются в том числе и так называемые несостоявшиеся государства (в них официальные институты власти не контролируют территорию и население), а также те страны, где суще-

ствуют отдельные проблемные территории («икс-территории», по выражению официальных лиц Израиля). Именно там, где государственная власть прекращает действовать, терроризм получает свободу действий [Веселовский 2009: 60]. Однако было бы ошибочным делать вывод о прямой зависимости между развалом государственности и возникновением террористических групп. Как показала Б. Коггинс на основе анализа опыта 153 стран за 1999–2008 гг., ослабление государственности не ведет напрямую к появлению терроризма. Наиболее бедные государства, с низким уровнем социальной защищенности населения и слабыми государственными механизмами, такие как Буркина-Фасо, Нигер или Эритрея, вовсе не являются «террористически опасными». Таковыми будут те государства, где кризис официальных институтов сопровождается активизацией политического насилия [Coggins 2015]. Наиболее ярким примером является усиление ИГИЛ на территории Ирака, где после вывода американских войск так и не удалось построить эффективные государственные институты.

Во второй половине XX в. выделяются (с хронологической точки зрения несколько условно) три крупные волны терроризма на основе не только хронологии, но и ключевых идей и целей, преследуемых теми, кто использовал политическое насилие. Первая представлена «колониальным терроризмом», связанным с борьбой за независимость на пространствах колониальных империй. Подъем этой волны пришелся на первые десятилетия после окончания Второй мировой войны. Как правило, атакам подвергались символы колониального правления (военные базы, полицейские участки, резиденции местных властей). Успех оказался обеспечен тем, что относительно небольшие военизированные группы смогли деморализовать крупные империи, вынудив их пойти на широкие репрессивные меры, которые подтачивали их, империй, господство. Вторая волна терроризма (левый терроризм) пришлась на 1960–1970-е гг. и связана с деятельностью леворадикальных групп в Европе, США и Латинской Америке, требовавших более справедливого социального устройства. Общим для них стало использование леворадикальной риторики и идеологии, хотя в некоторых случаях (например, «Черные пантеры» или Симбионистская армия освобождения), пожалуй, только она и отличала эти группы от классических преступников. Стоит отметить, что именно тогда, в 1960–1970-е гг., терроризм превратился в подлинно международное явление за счет активного взаимодействия и сотрудничества европейских, азиатских радикалов и палестинских террористов [Shughart 2006: 24–25].

Третья волна терроризма, набравшая силу в конце XX в., представляет собой исламистский терроризм, а именно – множество различных террористических групп, объединенных политическим исламом, причем как суннитского, так и шиитского толка. Именно с исламистским терроризмом связан выход этого явления с внутринационального на международный и транснациональный уровни. Как подчеркивал К. Перлштейн, отличие международных (international) и транснациональных террористических организаций заключается в том, что первые получают поддержку национальных правительств, в то время как вторые действуют самостоятельно [Pearlstein 2004: 3]. Особенность этого вида терроризма заключается в том, что он является одновременно и политически, и социально, и религиозно мотивированным. Некоторые исследователи даже начали говорить о войне с терроризмом как о новой форме религиозной войны, противостоянии христианского и исламского мира, что, конечно, является идеологизированным тезисом, по-

сколько собственно религиозные войны необходимо отличать от использования религии (радикальный ислам) для мобилизации широких групп поддержки [Косолапов 2006: 59; Пузырев 2008: 62–63]. А потому, проясняя разницу между понятиями «исламский» и «исламистский», отечественный востоковед Г. И. Мирский призывал использовать вторую форму, которая в меньшей степени увязывает метод террора с данной религией («исламистский терроризм», а не «исламский терроризм») [Мирский 2005: 23]. Исламистские террористы («Аль-Каида», «Исламское государство»²) выступили с проектом глобального мироустройства, став подлинным актором мировой политики и заставив другие государства пересмотреть собственное отношение к международной и национальной безопасности [Лебедева 2009: 75].

Эффективность исламистских террористических организаций заключалась в том числе и в том, что они имели транснациональный характер, намеренно выбирая сетевую форму организации в глобальном масштабе (множество ячеек, имеющих разные степени связи друг с другом, способные объединяться ради выполнения конкретных задач) [Bergesen, Lizardo 2004]. Так, значимую роль в поддержке «Аль-Каиды» играли ассоциированные группы – террористические организации в той или иной стране, преследующие скорее националистические цели, однако вступающие в тактический союз с исламистами [Лебедева 2013: 40].

Отечественный исследователь С. С. Веселовский следующим образом обозначил признаки транснационального терроризма: ключевые акторы – негосударственные, децентрализованные (то есть неиерархические) организации, наладившие между собой тесное сотрудничество и представляющие угрозу международному правопорядку, стремящиеся переустроить весь мир на традиционных началах. Для них терроризм – это не тактический, а стратегический инструмент борьбы. Террористические акты могут и преследовать широкие политические цели, и выступать инструментами давления на действующее правительство. Впрочем, как показали статистические исследования, наиболее эффективной подобная тактика является против авторитарных правителей (так как массовые теракты делегитимируют неудачную внешнюю или внутреннюю политику), нежели демократических [Park, Bali 2015].

Другая особенность современного транснационального терроризма заключается в его тесной связи с организованной преступностью, откуда террористы во многом и черпают финансовые ресурсы, необходимые для осуществления деятельности. А потому борьба с преступностью, коррупцией и терроризмом (все три явления ставятся в один ряд) некоторыми авторами рассматривается как первоочередная задача обеспечения национальной безопасности государства [Бородин 2007]. Отсюда исходит и чисто юридическое стремление толковать терроризм как уголовное преступление, проявляющее крайний нигилизм к нормам права. Так, юристы П. Г. Зверев и А. А. Клименко склонны рассматривать терроризм как политическое преступление, увязывая его как с преступлениями политиков, так и с попытками «теневой сферы» оказывать влияние на политическую систему [Зверев, Клименко 2008]. Взаимосвязь коррупции, организованной преступности и терроризма другими исследователями напрямую называется одной из ключевых

² Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации. – *Прим. ред.*

проблем современной России [Кириллов, Ступина 2011]. Третьи склонны видеть более тесную связь между террористическими группами и преступностью, полагая терроризм «особым видом бизнеса», а потому борьба должна быть направлена против выгодополучателей [Частнов 2013]. Тем самым противостояние терроризму должно включать противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, борьбу с продажей наркотиков и оружия.

Впрочем, вопрос о качестве связи между террористическими и преступными организациями является дискуссионным. По мнению бывшего заместителя министра иностранных дел России А. Е. Сафонова, особенность взаимосвязи терроризма и преступности в начале XXI в. заключается в их тесном переплетении: «Раньше они лишь иногда соприкасались, решали взаимовыгодные какие-то вопросы и затем расходились. Их контакты были не продолжительные и не широкие, локальные. Сегодня мы наблюдаем симбиоз» [Сафонов 2006: 14]. Однако не все исследователи согласны с данной точкой зрения. Например, Е. А. Степанова, исследовавшая взаимосвязь наркобизнеса и терроризма на примере Колумбии, Мьянмы и Афганистана, отмечала, что правильнее говорить не о слиянии, а о тесном взаимодействии между террористами и наркомафией (например, в Колумбии 60 % доходов леворадикальной ФАРК и 70 % доходов праворадикальной АУК формировались за счет продажи наркотиков), признавая, что «практически все военно-политические группировки, так или иначе вовлеченные в наркобизнес, в той или иной мере применяют террористические методы» [Степанова 2005: 200]. Более того, как подчеркивает К. Дааз, исторически грани между теневой или нелегальной экономикой, а также «легальным» и «нелегальным» политическим насилием подвижны и являются продуктом регулирующего воздействия государства. А потому объединять их вместе – значит вставать на позицию государства и доминирующего социального порядка, направленную на исключение всего, что оказывает ему сопротивление [Daas 2010].

В этой связи Л. Али Хан предлагал четко разделять деятельность международных преступных картелей, которая направлена в конечном счете на получение прибыли от незаконного предпринимательства, от собственно международного терроризма, порождаемого «треугольником насилия», сторонами которого являются подавляемое население (*aggrieved population*), репрессивный политический режим и те внешние политические структуры, которые оказывают содействие первой стороне в его борьбе. Такая аналитическая схема имеет свои достоинства для описания ситуации, например, в Палестине, Кашмире или Чечне, поскольку позволяет соотносить внешние и внутренние факторы, а также не упускать роль репрессивной государственной политики, однако ее недостатком является сведение проблемы терроризма к кризису национального государства [Ali Khan 2006].

В чем причины активизации международного терроризма в конце XX в. и его антиамериканской направленности? Среди первых причин необходимо выделить становление однополярного мира, где лидирующие позиции заняли США. Неудивительно, что именно Америка стала во всем мире восприниматься как олицетворение этого нового порядка, для многих представляемого несправедливым, а потому нелегитимным. Относительно низкий уровень жизни среди населения мусульманских стран стал базой для роста антиамериканских настроений и благодатной почвой для террористических групп. Этнические и конфессиональные различия лишь усиливали дистанцию и укрепляли образ врага, становясь допол-

нительным аргументом для легитимации террористического насилия против США [Акулов, Семейко 2003]. Более глубокий политэкономический анализ показывает, что произошел симбиоз ислама как социально-экономической доктрины VIII в. и высоких технологий XXI в. Слишком тесное переплетение религиозных и социально-экономических императивов (не будем забывать, что изначально ислам возник как религия торговцев) сделало невозможной «исламскую реформацию» как движение к рационализации, которая бы помогла преобразить и социальный, и экономический, и культурный слой мусульманских обществ, что в условиях навязанной экономической глобализацией экономической гонки привело к их резкому отставанию и одновременно росту политико-религиозного радикализма (провал модернизации как рационализации сообщества привел к поиску ответов через уход в традицию) [Langman 2005].

Конечно, на наш взгляд, ни бедность, ни исламский фундаментализм, ни американизм являются не непосредственными причинами появления международного терроризма, а скорее благодатной почвой, базовыми условиями, которые позволили появиться международным террористическим группам в конкретно-исторический период. Анализ зарождения тех или иных террористических организаций должен опираться одновременно на структурные и операционные факторы, или, другими словами, на общую динамику трансформаций и ситуативные процессы. Появление, например, «Аль-Каиды» стало результатом наложения определенных условий: крушения биполярной системы, активизации США на Ближнем Востоке, а также усиления доминирования западного мира в условиях глобализации [Azzam 2008; Gunaratna, Oreg 2010].

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что мы рассматриваем терроризм прежде всего как метод действия военизированных групп, который включает в себя политические цели, нацеленность против некомбатантов, а также стремление посеять страх. Увеличение количества террористических групп и усиление их влияния мы увязываем с глобальными мирополитическими трансформациями, начавшимися во второй половине XX в. (прежде всего процессом глобализации) и связанными с трансформацией роли государства (и государственных институтов в частности) в мирополитическом взаимодействии. В значительной степени усиление терроризма указывает на кризис государствоцентричной системы, метод террора противостоит стремлению установить порядок на мировой арене. Сегодня мы наблюдаем складывание глобальной мирополитической системы, включая систему государственных мирополитических институтов. В этот процесс вовлечены (в той или иной степени) и официальные правительства исламских государств, что автоматически делает их частью общей системы (пусть и не на всегда справедливых и равных условиях). Однако проблема неравенства и несправедливости от этого не исчезает, хотя она не может быть решена в рамках классического межгосударственного взаимодействия (даже если под таковым понимать войны). Жесткость и относительно высокая эффективность системы заставляет недовольных искать иные пути борьбы, тем самым прибегая к непрямым, асимметричным стратегиям, включая террористические. А потому проблема современного транснационального терроризма не может быть редуцирована к деятельности небольшого числа радикалов, равным образом как и поиск методов борьбы с транснациональным терроризмом связан с двумя стратегиями: борьбы против конкретных террористических организаций и устранения общих условий их возникновения.

В определенной степени терроризм является способом оспорить монополию государства на насилие, причем вне зависимости от преследуемых целей этот способ однозначно стоит определить как радикальный и политический, если под политикой понимать восходящее к Х. Арендт и К. Шмитту определенное действие, направленное на тотальное преобразование социальных отношений. Неудивительно, что ответ зачастую (и в США прежде всего) ищется в полицейских мерах, призванных лишить терроризм какого-либо собственно политического начала и обозначить его как преступление, либо поддающееся соответствующей юридической оценке, либо квалифицируемое как абсолютное зло. Отсюда проистекают и многочисленные заявления политиков по всему миру, что с террористами невозможно вести переговоры (тем не менее опыт разрешения конфликтов на Филиппинах и в Северной Ирландии показывает, что хотя включение в переговорный процесс легитимирует террористов, сам он ведет к избеганию насилия и разрешению конфликта) [Тогос 2008]. Тот факт, что сегодня террористический метод ни в одном из случаев не привел к достижению политических целей, может говорить об успешности существующей политической системы по крайней мере с точки зрения нахождения тактических ответов на кризисные тенденции. Это позволяет купировать их, однако на системном уровне без преобразования существующей неолиберальной модели мирового развития они вряд ли смогут исчезнуть.

Литература

Акулов А. А., Семейко Л. С. Национальная безопасность США и международный терроризм. М. : ИСКРАН, 2003.

Алексеева Т. А. Возможна ли «глобальная справедливость»? // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6. С. 18–22.

Бородин П. П. Первоочередные аспекты стабилизации: борьба с преступностью, коррупцией и терроризмом // Социальная политика и социология. 2007. № 4. С. 103–115.

Варфоломеев А. А. Терроризм как продукт антиэтатизма // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 23–32.

Веселовский С. С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М. : Навона, 2009.

Воскресенский А. Д. Мировые стратегии великих держав и логика объединения стран БРИКС // Китай на пути к возрождению: сб. ст. / отв. ред. С. Г. Лузянин. М., 2014. С. 314–328.

Документ ООН A/RES/49/60/ Меры по ликвидации международного терроризма. 17 февраля 1995 г.

Дремлюга Р. И. Криминологическая характеристика терроризма в Индонезии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2014. № 1. С. 166–183.

Зверев П. Г., Клименко А. А. Особенности политического терроризма как элемента структуры политической преступности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1–2. С. 18–22.

Кириллов И. А., Ступина С. А. Терроризм и коррупция: взаимосвязь и соотношение // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2011. № 1. С. 216–220.

Косолапов Н. А. Кризис рациональной всемирности // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 10. С. 55–67.

Кудрявцев В. Н. Осмысляя терроризм. Предупреждение терроризма // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 89–95.

Лебедева М. М. Мировая политика: тенденция развития // Полис. 2009. № 4. С. 72–83.

Лебедева М. М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 38–42.

Макуев Р. Х. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2007. № 3. С. 43–49.

Мирский Г. И. Ислам и транснациональный терроризм // Политический класс. 2005. № 10. С. 23–29.

Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М. : Навона, 2009.

Петухов В. Б. Информационный дискурс терроризма в контексте художественной рефлексии. М. : ЛКИ, 2010.

Пузырев Д. Терроризм в современных международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 63–68.

Сафонов А. Е. Терроризм апокалипсиса // Международная жизнь. 2006. № 5. С. 12–17.

Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М., 2012.

Соммье И. Терроризм как тотальное насилие? // Международный журнал социальных наук. 2003. № 12. С. 48–61.

Старцев Г. В. Противодействие финансированию терроризма в системе обеспечения экономической безопасности России. М. : Перспектива, 2016.

Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М. : Весь Мир, 2005.

Хенкин С. М. Испанские консерваторы: траектория политической эволюции // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 1. С. 128–152.

Частнов К. С. Некоторые аспекты правовых основ борьбы с терроризмом и экстремизмом и их финансированием // Вестник НГИЭИ. 2013. № 3. С. 169–174.

Alexander Y. The Media and Terrorism // Contemporary Terror: Studies in Sub-State Violence / Ed. by D. Carlton, C. Schaerf. London : Macmillan, 1981. Pp. 50–65.

Ali Khan L. A Theory of International Terrorism. Understanding Islamic Militancy. Leiden; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2006.

Azzam M. Understanding Al Qa'eda // Political Studies Review. 2008. Vol. 6. No. 3. Pp. 340–354.

Ben-Dor G. The Uniqueness of Islamic Fundamentalism // Terrorism and Political Violence. 1996. Vol. 8. No. 2. Pp. 239–252.

Bergesen A., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. 2004. Vol. 22. No. 1. March. Pp. 42–73.

Chakravorti R. Terrorism: Past, Present and Future // Economic and Political Weekly. 1994. Vol. 29. No. 36. Pp. 2340–2343.

Coggins B. Does State Failure Cause Terrorism? An Empirical Analysis (1999–2008) // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 59. No. 3. Pp. 455–483.

Daas Ch. Terrorism and Organized Crime: One or Two Challenges? // *Transnational Terrorism, Organized Crime and Peace-Building*. New York : Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 54–65.

Dume T. Liberalism, International Terrorism, and Democratic Wars // *International Relations*. 2009. Vol. 23. No. 1. Pp. 107–114.

Galicki Z. International Law and Terrorism // *American Behavioral Scientist*. 2005. Vol. 48. No. 6. Pp. 743–757.

Gunaratna R., Oreg A. Al Qaeda's Organizational Structure and its Evolution // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2010. Vol. 33. No. 12. Pp. 1043–1078.

Harmon C. Five Strategies of Terrorism // *Dimensions of Terrorism* / ed. by A. O' Day. Oxford, 2004. Pp. 123–143.

Harvey F. Globalized Terrorism and the Inevitability of American Unilateralism // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2004. Vol. 59. No. 1. Pp. 27–57.

Kennett R. The Social Theory of Globalization and Terror // *Journal of Policy Crisis Negotiation*. 2008. Vol. 6. No. 2. Pp. 49–63.

Keohane R. Public Delegitimation of Terrorism and Coalition Politics // *Worlds in Collision: Terror and the Future of Global Order* / ed. by K. Booth, T. Dunne. New York : Palgrave Macmillan, 2002.

Langman L. The Dialectic of Unenlightenment: Toward a Critical Theory of Islamic Fundamentalism // *Critical Sociology*. 2005. Vol. 31. No. 1–2. Pp. 243–279.

Laqueur W. *A History of Terrorism*. New Brunswick : Transaction, 2001.

Lutz J., Lutz B. *Terrorism. Origins and Evolution*. Basingstoke, Hampshire; New York : Palgrave Macmillan, 2005.

Munson Z. Terrorism // *Context*. 2008. Vol. 7. No. 4. Pp. 78–79.

Park J., Bali V. International Terrorism and the Political Survival of Leaders // *Journal of Conflict Resolution*. 2015. Pp. 1–28.

Pearlstein R. *Fatal Future? Transnational Terrorism and the New Global Disorder*. Austin : University of Texas Press, 2004.

Sandler T. New Frontiers of Terrorism Research // *Journal of Peace Research*. 2011. No. 48(3). Pp. 279–286.

Shughart W. An Analytical History of Terrorism, 1945–2000 // *Public Choice*. 2006. Vol. 128. No. 1/2. Pp. 7–39.

Stilles K., Thayne A. Compliance with International Law. International Law on Terrorism at the United Nations // *Cooperation and Conflict: Journal of the Nordic International Studies Association*. 2006. Vol. 41(2). Pp. 153–176.

Thackrah J. *Dictionary of Terrorism*. London; New York : Routledge, 2004.

Tilly Ch. Terror, Terrorism, Terrorists // *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22. No. 1. Pp. 5–13.

Toros H. “We don't Negotiate with Terrorists!”: Legitimacy and Complexity in Terrorist Conflicts // *Security Dialog*. 2008. Vol. 39. No. 4. Pp. 407–426.

ЦИФРОВОЕ РАБСТВО ИЛИ ЭЛЕКТРОННЫЙ РАЙ?

Пивень П. В.*

В статье рассматриваются социально-философские проблемы, связанные с формированием информационного общества в Российской Федерации. Оцениваются возможные риски, связанные с утратой личного пространства; с различными манипуляциями общественным мнением и сознанием политическими интриганами и представителями бизнеса; с использованием электронных технологий и ресурсов для совершения различных преступлений в области морали и права. Анализируются последствия возможного уничтожения традиционного уклада жизни населения страны в результате повсеместного внедрения новых информационных технологий. Оцениваются риски возможной патологической зависимости людей от Интернета и различных электронных гаджетов; рассматриваются вопросы, связанные с возможной подменой реального мира виртуальным как способом ухода от повседневных проблем. Анализируется возможность гармоничного сосуществования представителей информационного и традиционного обществ.

Ключевые слова: информационное общество, интернет-зависимость, информационный шок, манипуляция общественным сознанием, электронные технологии, дегуманизация.

The article examines social and philosophical problems associated with the formation of information society in the Russian Federation. The author assesses the possible risks associated with the loss of personal space, with various manipulation of public opinion and consciousness by political intriguers and business representatives; with the use of electronic technologies and resources to commit various crimes in the sphere of morality and law. The consequences of the possible destruction of the traditional way of life as a result of the widespread introduction of new information technologies are considered in this paper. The author also assesses risks of possible pathological dependence of people on the Internet and various electronic gadgets. He considers the issues associated with the possible substitution of the reality by virtual reality as a way of avoiding daily problems. The possibility of harmonious coexistence of representatives of the information and traditional societies is examined.

Keywords: information society, internet-addiction, information shock, manipulation of social consciousness, electronic technologies, dehumanization.

Еще в конце XIX и начале XX в. проблемы дегуманизации общества в связи с переходом к «машинной» цивилизации волновали умы философов. Произошел слом традиционных устоев общества, что вызвало культурный кризис. Выход из него искали поэты, художники, музыканты и – философы. Среди них можно назвать В. Дильтея, Ж.-П. Сартра, А. Камю, К. Ясперса, Э. Фромма и др. Данные

* Пивень Павел Владиславович – к. ф. н., доцент кафедры природопользования и геоэкологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул). E-mail: piven@mc.asu.ru.

философы пытались противостоять абсолютистскому технократизму, дегуманизирующему человечество. Становление и развитие сети Интернет, появление новых информационных технологий обостряет вышеуказанные проблемы и актуализирует вопросы, связанные с возможностью гармоничного сосуществования традиционного и информационного обществ, сохранения национальных культур, национальной самоидентичности.

Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Правительство...]. По сути, планируется коренное изменение жизненного уклада населения страны в целом. Если учесть тот факт, что федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010) была по большей части провалена, не будет ли это очередной попыткой строительства воздушных замков? Ведь и принятая вслед за «Электронной Россией» государственная программа «Информационное общество» (распоряжение Правительства РФ № 1815-р от 20 октября 2010 г.) [Там же] также испытывает проблемы по реализации. Насколько готова Россия к переходу на «электронные рельсы», если учесть тот факт, что в 2016 г., по данным Счетной палаты РФ, около 31 % медучреждений страны не имело водопровода, а в 35,5 % случаев – канализации [Годовые...]? Состояние сферы здравоохранения РФ в целом может отражать общую ситуацию, сложившуюся с системами жизнеобеспечения социума. Слоган «Интернет в каждый дом!» перестанет звучать как издевка лишь тогда, когда граждане РФ смогут решить свои куда более насущные проблемы (это все равно что предлагать электрообогреватель замораживающим при отсутствии электричества).

Не станет ли экономика страны при переходе на цифровую модель виртуально-эфемерной, отражающей лишь «палочные», количественные, «дутые», а не реальные, качественные показатели? Приписки и желаемые для «красивой» отчетности корректировки статистических данных были, есть и будут. А электронные технологии открывают для подобных подтасовок очень широкие возможности. Например, коррупционерам-чиновникам для видеоотчетов (с помощью программы «Фотошоп» можно «ремонттировать» изображения дорог, «убирать» нелегальную рекламу с улиц, попросту стирая ее со снимков, и т. п.). Наконец, есть и такой фундаментальный вопрос: что произойдет с обществом, если сломать его традиционный жизненный уклад?

Информационные технологии становятся основополагающим фундаментом современного мирового сообщества. Можно говорить о том, что научно-техническая революция перешла на новый этап – планетарно-электронный. Избыток информации становится нормой жизни, при этом для привлечения к ней внимания используются все более и более яркие «манки», основанные на пробуждении животных начал, сексе и насилии. Не стоит забывать о том, что любая информация может быть использована как во благо, так и во зло (знание анатомии человека может помочь как исцелять, так и убивать). Обрушивающаяся на человека лавина информации может попросту вызвать информационный шок (о футурошоке упоминал еще в 70-е гг. XX в. Э. Тоффлер [2002]). Для примера: если человека оглушить подрывом светозвуковой гранаты, то он может на время или навсегда потерять способность слышать и видеть. Если человека «оглушить» информационным взрывом, то он может аналогично потерять способность к вос-

приятию и анализу приходящих извне сведений, подобно моллюску, который, защищаясь от агрессии внешнего мира, прячется в своей раковине.

Информационный поток может стать определяющим в развитии как отдельно взятой личности, так и общества в целом. Информация может превратиться в средство, сметающее государственный строй. С учетом того, что массовое применение современного атомного оружия не оставит после себя победителей и побежденных, а будет лишь выжженная пустыня, над которой ветер развевает радиоактивный пепел былой жизни, открытые военные конфликты стали вестись лишь локально. В глобальном же масштабе для уничтожения политических и экономических соперников сверхдержавы стали вести полномасштабные информационные войны. Информационным атакам подвергается как внешняя, так и внутренняя деятельность государств. Стали создаваться школы по подготовке информационных диверсантов, хакеров, профессиональных организаторов-провокаторов «цветных революций». В настоящее время тот, кто в большей степени овладел информационными технологиями, становится хозяином положения и может навязывать свою волю другим. Так, государственная машина США пытается воплотить свои стратегические инициативы в том числе посредством применения информационных технологий (пси-кодировки общественного сознания, кибератаки на информационные сети, в том числе банковские, неугодных правящих режимов). Уже во второй половине XX в. наметились тенденции всевозрастающего электронного тоталитаризма. Так, Ж. Эллюль говорил об опасности превращения мира информатики в агента технической системы, ведущего к тотальному, всепроникающему контролю над людьми [Эллюль 1986]. Ну а когда государство-киборг окрепнет, его граждане ничего не смогут противопоставить этому монстру. Уже в настоящее время в такой «демократически развитой» стране, как США, по мере развития информационных технологий можно заметить все нарастающий тотальный контроль над населением со стороны «Большого Брата». Например, повсеместно установленные видеокамеры отслеживают каждый шаг, каждый вздох, любое поведение, которое покажется девиантным такому беспристрастному арбитру, как компьютер.

Технократизм привел и к пагубным изменениям человека как такового. Так, К. Ясперс отмечал, что уже в его время люди постепенно стали превращаться в некие придатки машин, утрачивая свою человечность (по сути – становиться биороботами) [Ясперс 1986: 144]. Если обратиться к такому научно-философскому направлению, как сциентизм, то проблемы, порожденные научно-техническим прогрессом, могут быть им же решены. Но может ли техническое, порождающее искусственное, добиться гармонии с естественным? По мнению Х. Сколимовски, миф всесилья и всевластия техники программирует западный способ мышления. Техника стала как физической, так и ментальной опорой жизни общества. Это приводит к тому, что проблемы, порожденные абсолютистски-техногенным путем развития, пытаются решить опять же при помощи техники [Сколимовски 1986: 246]. К сожалению, в настоящее время научно-технический прогресс превратился в одну из «священных коров», на которых зиждется могущество западной цивилизации. Любые попытки привлечь внимание ко все большей дегуманизации человечества вызывают бурю негодования у технократов. Так, Р. Козн среди прочих проблем современного мира выделяет «фетишизм науки, идущий параллельно с фетишизмом потребления, вещиизмом» [Козн 1986: 217].

Электронная среда открывает большие возможности для осуществления различных преступлений как в области права, так и в области морали. Чего стоят «группы смерти» – клубы самоубийц в соцсетях. Средствами Всемирной электронной паутины, далеко не в благих целях, пользуются извращенцы-педофилы, маньяки, террористы, сектанты и в первую очередь мошенники-проходимцы различных специализаций: от брачных до банковских аферистов. Так, если ошейник домашнего питомца оснащен GPS-трекером, связанным с вашим сотовым телефоном (посредством GSM/GPRS-сети), то четвероногий друг без ведома хозяина может «подписаться» на платный контент. Да что там, даже неодушевленные предметы, подключенные к глобальной сети Интернет, на это «способны» (игрушки, электрические чайники, реле ворот, шлагбаумы, а уж если гражданин решил прожить в «умном доме», то практически любой выключатель и даже унитаз).

Поисковые запросы пользователей Интернета собираются и анализируются сетью, на каждого из них автоматически собирается досье. Можно выяснить, каких политических взглядов придерживается тот или иной человек, какие социальные проблемы его волнуют, какие продовольственные или непродовольственные товары он предпочитает, где (и с кем) любит проводить свободное время и т. п.

Этими данными пользуются не только ушлые маркетологи, автоматической рассылкой рекламы продвигая свой товар, но и другие ловцы человеческих душ. Любой сотовый телефон (или аналогичный гаджет) позволяет отследить перемещения своего владельца по интерактивной карте. По схожим радиометкам можно выявить круг его знакомых и друзей, места, время и продолжительность встреч. Есть шпионские программы, позволяющие прослушать разговоры, даже если телефон находится в режиме ожидания. Глазок камеры ноутбука позволяет и без желания владельца устроить из его личной жизни реалити-шоу, а вмонтированный в устройство микрофон – дать соответствующее звуковое сопровождение. «Умный» телевизор, подключенный к сети Интернет, – это не только «окно» во внешний мир, но и потенциальное «окно» для злоумышленников в мир обитателей квартиры. Хакеры могут взломать бортовую электронику транспортного средства, перехватить его управление и устроить аварию [UConnect...]. Ну а уж про конфиденциальность электронной переписки и говорить не приходится – она лишь условна.

Лично я (автор данной статьи) никогда не имел своего компьютера, не пользуюсь сотовым телефоном и тому подобными устройствами, отсутствую в соцсетях. Среди моих предков были былинные новгородцы и запорожцы – люди Воли. Ходить на электронном поводке не для меня. Отсутствие личных электронных гаджетов не помешало мне выполнить и защитить дипломную работу, как впоследствии и кандидатскую диссертацию. Свобода – величайший дар от Всевышнего. Можно оставаться вольным даже в кандалах, но если дух человека сломлен и подчинен тварным началам, то он становится рабом: денег, коварной алчной женщины, алкоголя или иного дурмана, затмевающего свет разума. Тяготы повседневной жизни приводят к тому, что люди стремятся достичь забвения и в виртуальном мире, подменяя им реальный. Слабый физически, безвольный и «затурканный» представитель «офисного планктона» в компьютерных играх может примерить на себя образ культового героя. Чем больше страшит его реальность,

тем больше он будет погружаться в электронную трясиину, предпочтя кажущийся уход от проблем суровой необходимости их решения.

Проблемы компьютерной и интернет-зависимости уже довольно широко были освещены отдельными статьями [Бурова 2000; Дрепа 2009; Севостьянова, Уривская 2016] и нашли свое отражение в монографиях [Большот, Юрьева 2006]. Глобальная виртуальная среда способна подчинить и растворить в себе даже патриархальные сообщества, в которых соблюдение вековых традиций было возведено в ранг национальной идеи. Например, к таким государствам относится Япония. Информационное общество, все разрастаясь, проникая во все новые сферы общественной жизни, практически не оставляет места традиционному жизненному укладу, он все больше уходит в область туристической экзотики. Для людей начинают стираться границы реального мира и виртуального, они теряют связь с реальностью. Насколько эта проблема может быть остра для общества, свидетельствует тот факт, что в Японии хикикомори (самозатворники, не выходящие из дома, «приросшие» к своим компьютерам) составляют уже как минимум 10 % трудоспособного населения [Suwa, Suzuki 2013]. Подобных людей становится все больше, в том числе и в других странах с развитой цифровой экономикой (например, в США и Южной Корее) [Тео 2013]. Эта зараза, подобно наркомании, разъедает народ, превращает его представителей в бездумных потребляющих тварей, подобно лабораторным животным, тыкающим кнопки для получения очередной дозы «кайфа», и грозит полным уничтожением наций. Неслучайно специалисты, занимающиеся лечением интернет-зависимости, употребляют в названиях своих работ довольно резкие выражения, например: «Укрощение цифровой обезьяны...» [Пан 2014]. Оскотинивание человека может происходить не только от наркотической, но и от других видов патологической зависимости.

Информационные технологии все чаще и во все больших объемах используются для контроля и различных манипуляций по работе с сознанием как отдельных личностей, так и общества в целом различными структурами – от политического истеблишмента до ТНК и сект. По Г. Бехману, Интернет представляет собой некую матрицу новой социально-технической парадигмы, преобразующей реальный мир в подобие виртуального, развивая сетевое общество, становясь базисом человеческой жизни [Бехман 2010]. Эта матрица тех же японцев довела уже до такого состояния, что они в качестве спутников жизни стали предпочитать роботов или аниме-виртуальные модели живым людям. Утрачиваются навыки социальной коммуникации, а это грозит распадом общества как единой социальной целостности.

М. Кастельс основополагающей структурой общества и его движущей силой, обеспечивающей динамику развития, считает коммуникационную власть. Именно она способна формировать и изменять сознание людей. Именно она способна задавать направления чувств и мыслей, программирует то, как люди будут решать возникающие проблемы. Это касается не только отдельно взятой личности, но и общества в целом [Кастельс 2016]. Конечно, всегда найдутся белые вороны, чье мнение отличается от общепринятого, коллективного. Но таких личностей всегда стремятся сломать, переделать под существующие шаблоны, и их контрмнение чаще всего тонет в общем информационном потоке.

Увеличение численности и, соответственно, потребностей растущего населения, приводящее к истощению природных ресурсов на территории его проживания,

ния, вызывает ответную реакцию – экспансию (военную, политическую, экономическую, культурную) в другие страны, необходимый для этого рост военных расходов, постепенную милитаризацию общества, что, в свою очередь, приводит к усилению диктата правящего режима, тоталитаризму. Если народ отучают иметь свое мнение, заставляют поступать не по совести, а по приказу, то это постепенно ведет к духовной деградации. Дальнейшая же хищническая эксплуатация природных ресурсов, в том числе и на поддержание мощного военно-административного аппарата, приводит к их истощению и на вновь освоенных территориях. Эти два слагаемых – деградация среды обитания и духа народа – ведут к внутреннему надлому государства, оно начинает «пожирать» само себя и может исчезнуть с мировой арены вследствие внутренних или внешних конфликтов [Красилов 1992].

Несмотря на кажущееся всемогущество информационных технологий, они во многом беспомощны против сил природы. Так, сильные геомагнитные бури могут вызвать сбои компьютерных систем. Да и просчитать параметры сил природы они могут лишь с определенной долей вероятности. Чем больше общество и государство будут зависеть от информационных технологий, тем уязвимее они будут для кибератак, которые могут парализовать управленческую работу государственного аппарата, вывести из строя инженерно-технические сооружения, поддерживающие жизнеобеспечение социума (электрические сети, водопроводные и канализационные системы и т. п.). Например, киберперехват программ работы светофоров с последующим их изменением может вызвать транспортный коллапс в мегаполисе.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что цифровые технологии должны быть лишь инструментом, орудием труда, а не средством, создающим фальшивую виртуальную среду, подменяющую реалии бытия. Только тогда можно избежать цифрового рабства, угрозы электронного тоталитаризма. Уязвимость электронных систем к воздействию природных стихий или злоумышленников вызывает необходимость их дублирования традиционными средствами. Электронных денег – металлическими и бумажными; светофоров – регулировщиками и т. п. Только в этом случае можно добиться гармоничного сосуществования традиционного и информационного обществ и обеспечить военную, политическую, социальную, экологическую, экономическую безопасность государства, как внешнюю, так и внутреннюю.

Литература

Бехман Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010.

Большот Т. Ю., Юрьева Л. Н. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: монография. Днепропетровск : Пороги, 2006.

Бурова (Лоскутова) В. А. Интернет-зависимость – патология XXI века // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. Т. VI. № 1. С. 11–13.

Годовые отчеты. Счетная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: www.ach.gov.ru/activities/annual_report/.

Дрепа М. И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 189–193.

Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие. М. : ГУ ВШЭ, 2016.

Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986. С. 210–225.

Красилов В. А. Охрана природы: принципы, проблемы, приоритеты. М. : Ин-т охраны природы и заповедного дела, 1992.

Пан А. С.-К. Укрощение цифровой обезьяны: как избавиться от интернет-зависимости. М. : АСТ, 2014.

Правительство России. Документы [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/>.

Севостьянова Е. П., Уривская Н. С. К проблеме компьютерной зависимости в подростковом возрасте // Современная психология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 9–11.

Сколимовски Х. Философия техники как философия человека // Новая технократическая волна на западе. М. : Прогресс, 1986. С. 240–250.

Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002.

Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986. С. 147–153.

Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986. С. 119–147.

Suwa M., Suzuki K. The Phenomenon of “Hikikomori” (Social Withdrawal) and the Sociocultural Situation in Japan Today // Journal of Psychopathology. 2013. No. 19. Pp. 191–198.

Teo A. R. Social Isolation Associated with Depression: A Case Report of Hikikomori // International Journal of Social Psychiatry. 2013. № 59. С. 339–341.

UConnect: перехват управления автомобилями через Интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.computerra.ru/180994/uconnect-car-exploit/>.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Курбачёва О. В.*

В статье осуществляется социально-философский анализ особенностей и стадий протекания этнокультурного конфликта на современном этапе развития. Обнаруживается этнический парадокс: одновременные процессы этноренессанса и процессы транскulturации с формированием открытого глобального межкультурного пространства диалога. Анализируется специфика межэтнического взаимодействия и выявляются отличия этноконфликта как особого вида социального типа конфликтов от других видов. Рассмотрены основные причины этноконфликтов, специфика проявления этностереотипов, а также характерные черты осознанного противостояния этнокультурных групп. Акцентированно проанализирована стадия развёртывания этнического противоборства как период «конфликта стереотипов» и «конфликта идей». Обозначены основные векторы действий и потенциальная возможность нейтрализации этнокультурной напряженности.

Ключевые слова: глобализация, конфликт, этноконфликт, культура, диалог культур, этнос, этнокультурная идентичность, миграция, этностереотипы, этнофобия, конфликт идей.

This article is a socio-philosophical analysis of the peculiarities and stages of ethno-cultural conflict at the present stage of development. The author detects the ethnic paradox: the simultaneous processes of ethnorenaissance and processes of transculturation with the formation of an open global intercultural space of dialogue. The specificity of interethnic interaction is analyzed. The author also reveals distinctions of ethnoconflicts as a special type of social conflicts between other types. The main causes of ethnoconflicts, the specific manifestations of ethnic stereotypes, as well as characteristic features of conscious confrontation of ethno-cultural groups are considered in the article. The author analyzes the stage of development of ethnic confrontation as a period of 'conflict of stereotypes' and 'conflict of ideas'. The main directions of action and the measures to neutralize the ethno-cultural tensions are given in this article

Keywords: globalization, conflict, ethnoconflict, culture, dialogue of cultures, ethnos, ethnocultural identity, migration, ethnostereotypes, ethnophobia, conflict of ideas.

Современная социокультурная ситуация характеризуется интенсификацией миграционного процесса, актуализацией вопросов этнокультурного самоопределения и нарастанием тенденций к сепаратизму. Взаимодействие различных культур, вступивших в непосредственный и продолжительный контакт, становится непосредственным основанием для более детального и предметного исследования

* Курбачёва Ольга Владиславовна – к. ф. н., доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: kurbach.ova@gmail.com.

проблем и особенностей этнокультурного диалога. А в условиях становления транскультурной модели социокультурной и цивилизационной динамики, нарастающей глобальной нестабильности наиболее остро поднимается вопрос о перспективах этнокультурного взаимодействия и преодоления возможных этнокультурных конфликтов.

Действительно, сегодня наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряженности. Этнические противоречия в условиях глобализации и интенсивного процесса аккультурации становятся катализатором конфликтогенной ситуации. При этом следует отметить, что этнокультурная напряженность может проявляться не только в открытой форме столкновения, но и в скрытой: на уровне социокультурной конкуренции, негативного оценочного сравнения и т. д. Ведь латентные и не всегда осознанные причины (например, пережитая «историческая несправедливость», низкая статусность этнической группы и другие) могут послужить основанием для осознания или иррациональной интенцией к этническому конфликту.

Следует отметить, что ситуация этнической напряженности свойственна не только для начала XXI в. – в период форсированного миграционного взаимодействия. Однако глобализационные процессы, отразившиеся в том числе в военно-политических столкновениях, геополитических трансформациях, миграции и социально-экономических изменениях, оказали существенное влияние на обострение вопросов этнокультурной идентичности и межкультурного диалога именно в последние 15–20 лет. По статистическим данным Организации Объединенных Наций 2015 г., число мигрантов за последние 15 лет увеличилось на 41 % и составляет около 244 млн человек; здесь следует принять во внимание, что в этих цифрах не учтено большое количество незарегистрированных беженцев [Aleshkovski 2016]. Сегодня число мигрантов превышает естественный прирост населения. А если учесть, что количество нелегальных мигрантов перманентно увеличивается в геометрической прогрессии и оказывает колоссальное влияние на социально-экономические и политические процессы развития, то станет очевидным, что мы стоим на пороге формирования нового формата взаимодействия и глобальных вызовов [Алешковский 2014: 130]. Сама встреча различных культур является абсолютно неизбежной, даже с учетом того, что может быть выбрана такая стратегия аккультурации, как условный сепаратизм, в соответствии с которым мигранты как представители этнического меньшинства не интегрируются в культуру большинства и символически, а зачастую и реально отгораживаются от нее.

Идеалы политики мультикультурализма, предполагающей возможность параллельного сосуществования различных культур, были убедительно развенчаны представителями как научной, так и общественной мысли. Данный политический конструкт не смог себя полностью реализовать, и идея мультикультурализма с идеалами толерантности, взаимообогащения и признания, стремлением параллельного сосуществования культур на практике встретила с реальными проблемами в виде межкультурных и межэтнических столкновений. Причиной несостоятельности и излишней идеализированности политики мультикультурализма в большинстве случаев выступил именно неконтролируемый миграционный поток, ставший основанием повышенного уровня сепарации и сегрегации, низкого уровня психологической и социально-экономической адаптации представителей культуры мигрантов, нарастания межкультурной напряженности и конфликтов на

почве религиозной и этнокультурной идентичности. Поэтому сегодня перед учеными стоит сложная, но очень важная задача: не просто проанализировать особенности этнокультурного взаимодействия на современном этапе глобализации, но и выявить глубинные причины и закономерности развертывания этого взаимодействия, а также предложить потенциальные векторы развития этнокультурного диалога. Действительно, роль ученого в этом вопросе достаточно важна: способность смоделировать концептуально-объяснительную модель событий позволит спрогнозировать возможные кризисные ситуации и управлять ими в дальнейшем.

В силу актуальности исследований, сложности и многогранности проблемы этнокультурного конфликта в данной статье предполагается осуществить социально-философское исследование этнокультурного конфликта как феномена, раскрыв основные причины, типы и уровни проявления конфликтов между этнокультурными общностями.

Безусловно, этноконфликт как один из типов социального противостояния обладает инвариантными характерными признаками: биполярность, активная форма проявления, наличие субъектов и причины противодействия. Вместе с тем этнокультурный конфликт представляет собой особую форму противоборства и содержит специфические черты проявления. Сфера межэтнических отношений чрезвычайно сложна и может включать в себя более двух субъектов (этнических групп) взаимодействия, каждый из которых отличается по различным признакам – конфессиональной, культурной, национальной идентичности. Акцентируя внимание на особенностях проявления и разрешения именно этнокультурного конфликта, важно учитывать, что невозможно абстрагироваться и провести четкую линию демаркации от конфессиональных и национальных факторов воздействия на эскалацию этнокультурной напряженности. В данном ключе корректнее говорить о различных сферах проявления этнического конфликта: этнотерриториальной, этноэкономической, этнополитической, этносоциальной, этнорелигиозной, этнодемографической и этномиграционной [Гуськов и др. 2013]. Каждая из обозначенных сфер актуализирована рядом особых причин: изменением соотношения численности коренного населения и мигрантов; ограниченностью ресурсной базы или монополизацией какого-либо вида экономической деятельности одним этносом; угрозой сформированной или принудительной ассимиляции и т. д. Тем не менее важно отметить, что в какой бы сфере конфликт ни проявлялся, в нем всегда обнаруживаются несколько контекстов и пересечение различных факторов. Более того, этнокультурный конфликт всегда исторически обусловлен и оказывает существенное влияние на этнопсихологию общности: укореняются представления об исторической несправедливости, уязвленности, осознание статуса собственной группы. А так как сегодня межэтническое противостояние способно стать источником глобального конфликта, постепенно вовлекая в зону риска интересы других субъектов и расширяя символические и реальные границы противостояния, важно выявить и проанализировать особенности протекания и причины межэтнических конфликтов.

В первую очередь следует отметить, что проблематика этнокультурных конфликтов не является до конца проработанной. Несмотря на весьма репрезентативную теоретическую базу исследований конфликта как такового, обнаруживается нехватка концептуально-теоретических работ и исследований, опирающихся на современную эмпирическую базу этноконфликтных действий. Среди русскоязыч-

ных авторов, изучающих проблему социального этнокультурного конфликта, можно выделить А. Г. Здравомыслова, Ю. Г. Запрудского, Е. И. Степанова, Н. В. Гришину и др. Среди англоязычных исследователей можно выделить такие имена, как Р. Дарендорф, Дж. Бернард, Р. Бейли, Дж. Льюк, Л. Козер, Р. Макк и др. Детально и предметно проанализированы феномен социального конфликта, его типология и классификация. Вместе с тем исследования непосредственно этнокультурного конфликта зачастую носят обзорно-аналитический характер, поэтому обнаруживается недостаточность именно философско-методологических работ, посвященных природе и особенностям непосредственно этнокультурных конфликтов, выявляющих глубинные причины конфликтов, специфику их проявления и возможности преодоления.

Для исследований особенностей этноконфликта следует очертить терминологические границы самого понятия. Апеллируя к дефиниции А. Г. Здравомыслова, одного из главных теоретиков социологии конфликта, можно привести понимание конфликта как важнейшей стороны взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточки социального бытия. «Это форма отношения между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [Здравомыслов 1996]. Содержание понятия конфликта (от латинского *conflictus* – столкновение) проявляется через такую интерпретацию, как столкновение противоположностей или интересов, состояние дисгармонии, открытая борьба, взаимоисключающие интенции и т. д. При этом важно отметить, что конфликт между культурами и типами этнокультур предполагает не конфликт между определенными субъектами взаимодействия, а скорее символическое поле противостояния и отсутствие конкретного носителя. Хотя при апелляции к данной дефиниции автором (А. Г. Здравомысловым) не уточняется природа противостояния (причина конфликта объективная, «извне», или же она внутренняя, субъективная, основанная на личностном понимании и неприятии), тем не менее акцентируются сам факт противодействия субъектов, их биполярность, являющаяся центральным ядром конфликтных отношений, инвариантной характеристикой любого социального конфликта. Вместе с тем социальная противоположность не является абсолютной отсылкой к непосредственно конфликту. Для этого необходимо не просто биполярное противопоставление, но именно «активное взаимодействие сторон, направленное на преодоление разделяющего их противоречия» [Гришина 2015]. Активное и осознанное противостояние является основанием для классификации межэтнических отношений как конфликтных. Однако при анализе формальной теоретической схемы этноконфликта важно всегда учитывать социокультурный контекст межэтнического взаимодействия.

Так, например, важно учесть, что сегодня, в период возрастания транскультурных взаимодействий и открытого глобализационного пространства, одновременно актуализируются стремление к этноренессансу и возрастание уровня этноцентризма. Это ситуация этнокультурного парадокса, в рамках которого обнаруживается возрождение интереса к этническому и приобщение к глобальному. При этом этноренессанс может проявляться в разной степени – от попыток реанимирования обычаев и традиций, популяризации национального языка, идеализации этнонациональных героев до восстановления или построения государственных границ. Диалектический характер данного явления объясняется тем, что, с одной

стороны, этнические группы преимущественно не являются закрытыми, а перманентно вступают в диалог с другими этносами. Сегодня наступила эпоха «конфигуративных культур» (М. Мид), в соответствии с которой многие элементы традиционной культуры размываются и интернализируются [Мид 1988]. Но, с другой стороны, одновременно активизируется защитная реакция – сформировать «мы-образ», свою этническую отличительность: сохраняются и актуализируются локальные ценностные представления и метаэлементы культуры: миф об общем происхождении, религия, язык и т. д. И если границы группового членства в этнической группе всегда подвижны, то когнитивное, психоэмоциональное и поведенческое ядро идентичности достаточно устойчивое, чтобы было возможно провести линию «мы – они». При этом важно учитывать, что сегодня насчитывается свыше двух тысяч этносов, которые отличаются культурными, мировоззренческими, психоэмоциональными особенностями. 90 % населения Земли – это представители только лишь 267 этносов, численность которых более миллиона человек. А с учетом того, что и большие, и малые по численности этносы находятся в открытом взаимодействии, можно сделать предположение о возможном несовпадении, различии интересов и притязаний разных этнических общностей [Лучшева 2015: 207]. Поэтому следует учитывать не только психоэмоциональное обоснование этноренессанса, но также и внешние факторы, инициирующие повышенный интерес к этнокультурной идентичности. В качестве таких внешних факторов выступают экономические и политические аспекты жизни этнокультурных групп. Неравенство правового статуса в составе полиэтнического государства, различия уровня экономического развития и владения материальными ценностями могут послужить основанием для реабилитации этноса и его исторических прав.

Так, результатом межэтнического взаимодействия, особенно в условиях открытого глобального пространства, может стать этнокультурный конфликт. Причины конфликтной ситуации могут быть различными. При этом необходимо учитывать, что каждое из обстоятельств оказывает существенное влияние на масштаб, продолжительность и степень напряженности противостояния. Важно не только выявить, но и проанализировать специфику влияния этих причин на возникновение, обострение и особенности протекания этноконфликтной ситуации. Каковы же причины межэтнических конфликтов? Как уже было отмечено ранее, этноконфликт представляет собой пересечение множества факторов и целого ряда внешних – объективных и субъективных – причин, определяющих особенности протекания и возможности урегулирования конфликта. Вместе с тем важно обозначить основные потенциальные обстоятельства, которые могут сыграть роль катализатора конфликтной ситуации. Непосредственными внешними основаниями противостояния могут послужить территориальные, экономические, религиозные, политические, социокультурные и другие противоречия. Однако степень сложности, интенсивность и продолжительность во многом зависят именно от субъективных факторов – от степени психоэмоционального переживания конфликта, идеологических убеждений, уровня внутренней сплоченности, наличия позитивных или негативных элементов идентичности самой этнической группой.

Одной из самых сложных и распространенных причин этнических споров и конфликтов является этнотерриториальный фактор. В основе его лежит идея перераспределения территории и право на ее принадлежность тому или иному этно-

су. В силу того, что современные государства полиэтничны, а геополитические и миграционные процессы являются неотъемлемой частью развития современного мира, территориальные споры представляют собой достаточно распространенную проблему. Борьба за территорию основывается на том, что каждый из этносов, проживающий на той или иной территории, претендует на официальное (институциональное) владение ею или отторжение части территории других государств. Каждая из этнических групп обосновывает свое историческое право на ту или иную территорию: исторические аргументы и свидетельства основываются на том, что в какой-то период времени в прошлом или настоящем здесь проживала этническая группа и это выступает неопровержимым доказательством ее прав на владение данной территорией. Достаточно субъективные основания могут послужить интенцией для этнической общности к конфликтным действиям, направленным на борьбу за свою территорию. Среди наиболее частых проявлений этнотерриториальных споров и конфликтов выступает стремление к созданию независимого территориально-государственного института, особенно если в прошлом этнос уже обладал государственной независимостью и лишился этого статуса. Среди примеров этнотерриториальных конфликтов можно привести армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе или грузино-абхазский конфликт в Абхазии. Улучшение (или явное ухудшение качества и уровня жизни в составе другого государства) хозяйственно-экономического развития, высокий уровень этносознания, количественное доминирование титульного этноса и апелляция к историческим аргументам о независимости могут выступить основаниями для борьбы за автономное территориально-государственное образование. И тогда этнотерриториальные причины конфликта дополняются этнополитическими [Тавадов 2002]. Особенно остро проблемы этнотерриториальных и этнополитических споров и претензий проявились в период распада СССР. Однако правомерно отметить, что этнические и территориальные претензии имелись и в период самого существования Советского Союза, однако конфликты чаще всего подавлялись и проявлялись лишь в латентной форме. Это, в свою очередь, сыграло негативную роль, так как после распада СССР накопленные претензии явились детонатором конфликтных действий.

Следует обозначить, что территориальный фактор как причина межэтнических конфликтов может стать основанием не только для этнополитических споров, но и для этноэкономических разногласий. Природные ресурсы и собственность на определенной территории становятся веской причиной для обоснования исторических прав на данную территорию. Среди других проявлений этноэкономических разногласий – ущемление экономических или хозяйственных прав одного из этносов в многонациональном государстве, ухудшение экологической безопасности на определенной территории, неравномерное развитие этнонациональной периферии в полиэтничном государстве и т. д. [Там же]. Эти примеры тесно связаны со следующим блоком причин этноконфликтных ситуаций. Условно его можно обозначить как социальную напряженность или социальные причины как предпосылки возникновения межэтнического противостояния. Среди явных катализаторов такой напряженности можно выделить такие, как этносоциальная неоднородность в полиэтничном государстве, неравномерные этнодемографические показатели, проблема безработицы или низкооплачиваемого труда

для определенной этнической группы, различное для этносов представительство в профессиях, этномиграционный фактор.

Особую роль в эскалации межэтнической напряженности играют духовно-мировоззренческие причины. К этой группе мы можем отнести следующие причины напряженности: этноязыковые, культурные, исторические и конфессиональные. Они весьма значимы, так как затрагивают глубинный пласт духовной культуры, общественное сознание и оказывают непосредственное влияние на субъективные (внутренние) факторы возникновения межэтнических конфликтов. Принципиальные отличия, неприятие другой культуры или конфессии чаще всего на повседневном уровне проявляются в скрытой (латентной) форме и обнаруживаются через этностереотипы, негативную (осуждающую) психоэмоциональную оценку другой культуры. Вместе с тем этнокультурные разногласия могут проявляться и на уровне языкового, религиозного шовинизма, что выступает причиной этнокультурной напряженности и может стать явным фактором эскалации этноконфликта. Другой причиной может стать форсированная и насильственная ассимиляция. И чем больше культурная дистанция между этническими общностями, тем более сильное отторжение и сопротивление доминирующей культуре. Принудительная ассимиляция представляет собой реальную угрозу разрушения или изменения для другой культуры. Поэтому чаще всего в рамках защитной реакции этноса, с одной стороны, усиливается чувство этнической сплоченности, повышается уровень этноцентризма, а с другой – формируется интолерантное отношение к другим. Безусловно, ассимиляция может быть позитивной и основываться не на принципах этнокультурного истощения другой культуры, а на ее обогащении. Однако для такого типа этнокультурной аккультурации, когда осуществляется полноправное обогащение двух взаимодействующих культур, необходим достаточно высокий уровень и этнической идентичности, и этнической толерантности у обоих участников взаимодействия. Признание культурной инаковости и уважительное отношение к другой культуре в первую очередь свидетельствуют о здоровом психологическом уровне собственной культуры, не оценивающей других с позиции шовинизма. Именно признание разнообразия культурных ценностей является залогом адекватного равноправного диалога. Вместе с тем важно отметить, что каждая этническая общность имеет свои исторические особенности развития, которые накладывают отпечаток на духовные ценности, мировоззренческие представления, эмоциональное восприятие своей культуры и других общностей. Ведь пережитая «историческая несправедливость», наличие исторических «претензий» к другим культурам являются внутренним эмоциональным основанием для конфликтных действий с целью компенсировать свою обиду. Чаще всего объективные, внешние причины конфликтов подкрепляются внутренними эмоциональными тонами, обосновывающими правомерность притязаний. Более того, несовместимость интересов с другими культурами, акцентирование на внутренних локальных нерешенных вопросах в определенный момент могут стать инструментом политической элиты для управления этнической общностью в достижении вопросов власти, территориальных, политических или экономических претензий.

Следующим важным шагом в исследовании этнокультурного конфликта будет анализ стадий развертывания этноконфликта как такового. Апеллируя к теориям современных конфликтологов, можно говорить о таких его важнейших эта-

пах, как латентная (предконфликтная) стадия, стадия осознанного соперничества, стадия эскалации (стадия конфликтных действий) / кризисная стадия и стадия разрешения конфликта (как потенциально завершающая) [Гришина 2015]. Стадию конфликтных действий, а соответственно и кризисную стадию, неразрывно связанную с ней и зачастую не выделяемую отдельно, проявляющуюся в реальной этнокультурной конфронтации, можно предотвратить или ослабить; адекватное и результативное достижение этого зависит от протекания, управления и разрешения конфликта еще на уровне латентной фазы или даже на этапе осознанного соперничества. Поэтому важно обратиться более предметно именно к начальным фазам возникновения этнокультурной напряженности.

На первичном этапе конфликта, когда еще нет явного противостояния и осознанной негативации образа Другого (этноса, нации, культуры), формируется так называемый конфликт стереотипов [Там же]. Эта фаза межэтнической напряженности является очень важной, так как осознание наличия конфликтной ситуации на данном этапе может позволить разрешить или преодолеть возможное последующее столкновение и перенаправить конфликтную ситуацию в конструктивное или нейтральное русло. Так, этнокультурный стереотип отражает обыденный усредненный уровень концептуализации культурной специфики той или иной этнической общности. Содержательно этностереотипы представляют собой коллективное устойчивое и эмоционально окрашенное представление одной этнической группы о другой и самой себе, в котором фиксируется оценочное суждение о моральных, умственных, психоэмоциональных, физических и других качествах [Стефаненко 2009]. В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, аккумулятивное последствие в некий схематичный и упрощенный образ другой культуры. На индивидуальном уровне взаимодействия между представителями различных этносов стереотипное мышление чаще всего оказывает сильное влияние на взаимные ожидания и формирование ассоциативного контекста: определенной модели поведения, ожидаемого образа. Это наиболее часто проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности, ведущей к несовпадению видов идентичностей: как представитель этнической группы идентифицирует сам себя и какую идентичность ему приписывают исходя из внешних антропогенетических маркеров [Курбачёва 2016: 49]. Здесь следует отличать такие типы этнических стереотипов, как авто- и гетеростереотипы. Автостереотипы – это комплекс представлений этнической группы о собственной культуре. Важно отметить, что автостереотипы имеют под собой вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптационную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровнях позволяют этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой. При этом важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. При положительной, высокой самокатегоризации у этнофора (носителя определенной этнической культуры) обнаруживаются чувство удовлетворенности своим членством в этнической общности, желание принадлежать к ней, гордость быть ее частью. В противном случае наблюдается наличие негативных социальных установок, чувства стыда или униженности, связанных со своей культурой. Это, в свою очередь, также может послужить основанием для возникновения этнокультурной напряженности – восстановить «историческую несправедливость», компенсировать обиды за счет дру-

гих, более слабых групп. Внешняя же этнокультурная стереотипизация зачастую носит именно негативно-ограничительную функцию: оценочным сравнением своей и чужой группы, с явным превалированием в оценках в пользу своей культуры или неосознанным навязыванием негативного образа Другого, что может проявиться на уровне этнофобии.

Завершающим и своего рода переходным этапом от латентной стадии к фазе осознанного соперничества является этап конфликта идей, в рамках которого оформляются и осознаются притязания на значимость, инаковость и одновременно несовместимость ценностей, интересов и целей этнических групп. Это своего рода фрустрационная фаза межэтнической напряженности. Рост этнокультурной напряженности, безусловно, связан с вопросом осознанности отношений и действий. Этот этап отличается не тем, что рационализировано отношение к другому этносу, а тем, что сам факт неприятия, соперничества и напряженности в отношениях уже не скрыт, а принимается как данность. При этом наиболее распространенным показателем эскалации этноконфликта выступает дальнейшее сужение когнитивных элементов в отношении к другой группе и переход к примитивным способам отражения образа другого этноса, то есть усиление стереотипизации. Это может быть выражено в акцентированности негативных сторон, отождествлении с потенциальным и актуальным злом, недоверием или негативным ожиданием: все, что исходит от другого этноса, будет восприниматься как потенциальная угроза. Постепенно вытесняется адекватный образ другого и происходит его «деиндивидуализация»: всякий, кто принадлежит к другой группе, автоматически расценивается как потенциальный враг.

Среди других признаков эскалации напряженности можно отметить такие, как рост эмоциональной напряженности и переход от рациональных аргументов к личным претензиям, что приводит лишь к углублению противоречия и росту психоэмоциональной напряженности. По мере разрастания эскалации возможно как увеличение количественного состава противоборствующих сторон, так и переход к более глубинным, духовно-мировоззренческим основаниям неприятия Другого. Это одна из сложнейших стадий конфликта, для которой характерен минимальный уровень управляемости. Для данной фазы свойственны потеря изначального предмета разногласий и одновременно расширение границ самого конфликта. Это своего рода особый тип эскалации – «генерализация», в рамках которой увеличиваются потенциальные точки противопоставления, расширяется символическое поле конфликта. Эскалация может проходить и по сценарию «укрупнения» – увеличения численности противоборствующих сторон за счет привлечения на одну из конфликтующих сторон этнически или конфессионально близких народов [Стефаненко 2009]. Такой сценарий «горизонтальной эскалации» имеет достаточно серьезные последствия, так как потенциально может разрастись от локального до уровня межрегионального или глобального. А этнокультурные притязания переходят в форму межнациональных угроз и столкновений. Стадия осознанного соперничества и обостренной эмоциональной напряженности при наличии определенных мобилизующих внешних факторов достаточно быстро может перейти в стадию реальной эскалации и проявления конфликтных действий. Этап, на котором конфликтующие стороны прибегают уже к реальному насилию, – это критический этап, на котором управление и разрешение конфликта достаточно сложно достигаемы.

Обострение, сложности разрешения конфликтных ситуаций и наличие реальных жертв этнических конфликтов становятся абсолютно явной и важнейшей причиной необходимости преодоления и урегулирования этнокультурных конфликтов до стадии их эскалации. Один из важнейших способов нейтрализации конфронтации – это осознанность и легитимация конфликта. Когда он признается как реальная угроза социокультурной стабильности и нарушение прав и свобод человека, можно применить различные меры по предотвращению эскалации. Признание конфликтогенной ситуации позволяет обнаружить скрытые причины ее обострения, уйти от примитивизации в восприятии Другого и найти основания для компромисса, ослабления или этнокультурного консенсуса. Нейтрализация конфликтной напряженности между этносами является залогом их адекватных, мирных и взаимоуважительных отношений. Среди наиболее важных и своевременных шагов по предотвращению потенциальных или реальных силовых конфликтных действий можно выделить такие, как легитимация конфликта (официальное признание властными структурами ситуации этнокультурной напряженности); институционализация конфликта (выработка четких правил и норм, регламентирующих поведение конфликтующих сторон) [Гришина 2015]. Для обеспечения равенства сторон и гласности сложившейся ситуации современные конфликтологи призывают к необходимости введения института посредничества и информационного освещения сложившегося конфликта. Посредник (незаинтересованный этнос, страна, правительство) принимает на себя роль медиатора при организации переговоров и контроле соблюдения принятого регламента поведения. Гласность и открытость, в свою очередь, не позволят скрывать от общества потенциальную угрозу конфликта и дадут возможность увидеть ее с внешней стороны, рационализировать и осознать.

Важно отметить, что современные конфликтологи утверждают: сам конфликт представляет собой естественный элемент социального взаимодействия, важно уходить от однозначной интерпретации его деструктивного характера. Акцентируется внимание на допустимости протекания конфликта в конструктивном формате, с потенциальной и принципиальной возможностью управления конфликтными действиями. Так, по мнению Л. Козера, «социально контролируемый конфликт “очищает воздух” для его участников и позволяет продолжение их отношений» [Козер 2000]. Позитивная функция социального конфликта – именно в возможности разрядить накопившиеся противоречия и снять напряженность, однако речь здесь идет именно о той стадии конфликта, в которой возможно его контролировать и перенаправлять. Также отмечается позитивная роль конфликта для формирования и укрепления психоэмоционального чувства внутреннего единства, фиксации границ своей этнокультурной символической среды и отличия себя от другой группы. Так, конфликт может послужить своего рода катализатором внутригрупповой сплоченности и активизации интереса к собственной истории и культуре. Однако самое распространенное и наиболее часто встречаемое на уровне международных отношений проявление позитивной роли конфликта – это оценивание сил соперника и осмысление участниками конфликтной ситуации последствий применения этих сил. А соизмерение сил противостоящих сторон дает возможность адекватно спрогнозировать дальнейший ход развертывания противостояния для всех субъектов. Эта особенность протекания конфликта выражена в так называемом «зиммелевском парадоксе»: «Наиболее эффектив-

ным средством предотвращения борьбы является точное знание сравнительной силы обеих сторон, которое очень часто может быть получено только в результате самого конфликта» [Козер 2000]. Результатом такого осознания последствий конфликтной ситуации являются наращивание военной мощи и демонстрация сопернику собственной силы и потенциальной возможности вступить в конфликт. Парадоксальность заключается в том, что наличие конфликта и осознание его последствий выступают сдерживающим механизмом самих конфликтных действий.

Однако для осуществления потенциальных управленческих действий в рамках конфликтогенной ситуации важно четко дифференцировать типы, причины и этапы конфликта. Этнический конфликт, являясь разновидностью социального конфликта, обладает его инвариантными характеристиками (наличие субъектов, биполярность, активная форма противостояния и т. д.), при этом отличается рядом особенных характерных черт: исторической обусловленностью, выходом на уровень национальных отношений, длительным влиянием на коллективную память и психологию этноса. Вместе с тем правомерно отметить, что, кроме деструктивной роли этноконфликта, можно говорить и о возможном конструктивном значении. Безусловно, степень обострения этнических взаимоотношений достаточно варьируемая: от общего недоверия и конструирования этнопсихологического портрета общего «врага» до реального применения насилия. Однако до того как конфликт выходит на уровень эскалации, когда возможны его нейтрализация и управление, внешняя угроза со стороны одной этнокультурной группы может способствовать повышению уровня адаптационных способностей для другой ее внутригрупповой идентичности и сплоченности. Но в силу масштабности, длительности и серьезности последствий межэтнических конфликтов их разрешение и управление сегодня являются одной из центральных задач как на правительственном, так и на межличностном уровне взаимодействия.

Литература

Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–136.

Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2015.

Гуськов А. Я., Алексеев С. В., Говядкин И. Е. Конфликтология: учеб. пособие для бакалавров. М., 2013.

Здравомыслов А. Г., Социология конфликта: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1996.

Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

Курбачёва О. В. Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов // Философия и социальные науки. 2016. № 4. С. 48–53.

Лучшева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.

Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2009.

Тавадов Г. Т. Этнология. М., 2002.

Aleshkovski I. International Migration and Globalization: Global Trends and Perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. No. 2. Pp. 32–48.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (к 100-летию начала Гражданской войны в России)

Стожко Д. К.*

В статье рассмотрены общие и особенные признаки гражданских войн, их природа и специфика в контексте конкретных исторических эпох. С социально-философских позиций выявлены экзогенные и эндогенные факторы, детерминирующие переход социальной нестабильности в фазу гражданской войны. Сформулирован тезис о возрастающем значении экзогенных факторов в происхождении современных гражданских войн и их пролонгированного характера.

В качестве фундаментальных философских оснований гражданской войны как острейшей фазы социального конфликта сформулированы положения об утрате населением доверия к власти и социальной ответственности власти перед обществом.

Ключевые слова: революция, гражданская война, военный коммунизм, раскол, социальный конфликт.

The article examines general and specific features of civil wars, their nature and specificity in the context of specific historical epochs. From the socio-philosophical standpoint, exogenous and endogenous factors that determine the transition of social instability to the phase of civil war are revealed. The thesis about the increasing importance of exogenous factors in the origin of modern civil wars and their prolonged nature is formulated.

The author formulates the provisions on the loss of the population's trust in power and the social responsibility of the authorities to society as the fundamental philosophical foundations of civil war as the most acute phase of social conflict.

Keywords: revolution, civil war, military communism, split, social conflict.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа военных конфликтов в мире и изменением характера гражданских войн в условиях современного глобализма. Будучи своеобразной формой военного противоборства и социального конфликта, гражданская война является угрозой национальной безопасности для любой страны. Необходимость предотвращения подобных конфликтов прописана в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Стратегия....: 1–5].

* Стожко Дмитрий Константинович – к. филос. н., доцент кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

В современной науке используются различные термины для обозначения социальной нестабильности и военных (вооруженных) конфликтов: «восстание», «бунт», «революция», «гражданская война», «смута», «гибридная война» и т. д. Все они отражают ту или иную сторону острейших социальных конфликтов, которые периодически сотрясают разные страны, народы и цивилизации. При этом гражданская война как таковая – это своего рода *цивилизационное столкновение*. Но в отличие от других войн это столкновение происходит внутри одного государства, одной страны, внутри единого, с формальной точки зрения, политического пространства. Причинами такого *цивилизационного столкновения* могут быть этнополитические, культурные, экономические, идеологические и иные противоречия в фазе их обострения. Рассматривая различные парадигмы в развитии цивилизаций, некоторые исследователи (Дж. Бьюкенен, И. Пригожин, Э. Тоффлер, С. Хантингтон и др.) сегодня выделяют новую (четвертую) парадигму такого развития – *хаос*. Эта парадигма в развитии общества становится результатом неэффективности прежних сценариев развития.

«Ослабление государств и появление “обанкротившихся стран” наводит на мысль о всемирной анархии как четвертой модели. Главные идеи этой парадигмы: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расползание терроризма; повседневная резня и этнические чистки» [Хантингтон 2003: 37–38].

Гражданская война в России также напоминала описанный хаос, связанный с распадом государства, массовой гибелью населения и миллионами беженцев. Разве что тогда не было еще ядерного оружия. И до сих пор эта война продолжает оставаться одним из важнейших событий нашей новейшей истории.

Вопрос о характере и временных рамках новой парадигмы остается все еще слабо исследованным. Дело в том, что хаос может быть спонтанным, стихийным, а может быть спланированным, запрограммированным. Сингулярность хаоса, который в своем развитии проходит точку невозврата к прежней ситуации, также требует серьезного анализа. Прежде всего в отношении роли экзогенных и эндогенных факторов, оказывающих свое влияние на развитие ситуации. Новая реальность, как ее называют современные исследователи, это реальность глобализма и информационной революции. В этой новой реальности соотношение отмеченных выше факторов и их влияние на развитие социальной нестабильности принципиально меняются. Если раньше решающим условием развития социальной нестабильности и ее перерастания в фазу гражданской войны служил эндогенный (внутренний) фактор, то теперь таким решающим обстоятельством оказывается часто экзогенный (внешний) фактор. Он может быть сопряжен либо с имплицитным (немилитаристским) негативным воздействием на конкретный социум (этнос) извне, либо с прямым (милитаристским) внешним воздействием на него.

Примерами имплицитного влияния на ситуацию служат различные санкции (эмбарго, мораторий, блокады, торговые войны, товарные интервенции, саботаж, секвестр и пр.). Они способствуют ухудшению ситуации в стране, в отношении которой используются. Это может привести к острой фазе социальной нестабильности и гражданской войне.

Примерами прямого (милитаристского) воздействия на ситуацию могут служить прямые иностранные интервенции XX столетия в Афганистане, Вьетнаме, Лаосе, Ливии, Ираке, Сирии и других странах. Так, в 1983 г. США вторглись на Гренаду, где незаконно свергли, а затем убили президента М. Бишоп. Другой факт: вторжение США в 1989 г. в Панаму, где был захвачен и вывезен на территорию Соединенных Штатов лидер страны М. Норьега. Стараются не отстать от США и их ближайший союзник Великобритания. Можно вспомнить о попытках ее вмешательства и расшатывания ситуации в России. Например, о заговоре Р. Локарта (1918), а также о деятельности английского разведчика С. Рейли. Спустя сорок лет Великобритания инспирировала конголезский кризис, агентами ее разведки был убит премьер-министр Демократической Республики Конго П. Лумумба (1961). И таких примеров внешнего воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию можно привести десятки.

Факт, что гражданские войны в современных условиях все чаще носят запрограммированный и даже спровоцированный характер. Они превращаются в затяжной и разрушительный механизм деградации той или иной цивилизации. Все это объясняется растущей недобросовестной конкуренцией между различными странами в экономике (на мировых рынках – за источники сырья, рынки сбыта и т. д.) и в политике, которая, как известно, сама является «концентрированным выражением экономики».

Примерами вызревания активной роли именно экзогенных факторов полна вся мировая и российская история. Ярким примером этого является ликвидация Советского Союза, в связи с чем можно многое сказать о практике предоставления зарубежных грантов разным политическим персоналиям и институтам внутри страны.

Возникает вопрос: удалось ли при этом избежать гражданской войны? Или две чеченские войны, гражданские войны в Грузии и на Украине, этнические конфликты в Карабахе и Киргизии, ситуация в Приднестровье – это все звенья одной вялотекущей имплицитной гражданской войны нового типа? Ответ может быть дан только с учетом особенностей современной «новой реальности». А она связана с так называемыми информационными войнами, «цветными революциями», гибридными войнами, которые предшествуют современным гражданским войнам или опосредуют их. Именно такая гибридная война ведется сегодня против России [Марков 2015]. Морфология современных войн становится все более многообразной: появились термины «кибервойны», «медиавойны», «сетевые войны» [Мехтиева 2017: 86], «когнитивные войны» [Репко 2013], «информационно-психологические войны» [Информационно-психологическая... 2017: 14–58] и др.

В начале XX столетия в России усиливаются противоречия, которые накапливались в течение всей ее предшествующей истории. Образуются и действуют политические партии, которые по-разному видят новую Россию после свержения монархии, некоторые пытаются сохранить старый уклад. Наблюдается так называемый кумулятивный эффект, когда разного рода события (царский Манифест 1905 г., проигранная Русско-японская война, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и т. д.) постепенно настолько дестабилизировали внутреннюю ситуацию в стране, что точка невозврата оказалась пройденной.

Сегодня сложно судить о том, когда и как еще можно было предотвратить Гражданскую войну в России и имелись ли такие социальные силы в стране. Была

ли Октябрьская революция 1917 г. таким поворотным моментом, ввергшим российское общество в Гражданскую войну, или даже после нее все еще «могло обойтись», не будь разогнано большевиками Учредительное собрание. История, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Ясно одно: гибель монархии, а затем и недееспособность Временного правительства, Октябрьская революция 1917 г. и разгон Учредительного собрания в 1918 г. послужили катализатором к Гражданской войне. Но и о внешнем (экзогенном) факторе, о прямом вмешательстве в развитие ситуации извне также забывать не следует [Стожко, Благодатских 2017: 36–42].

Полагать, что суть гражданской войны сводится исключительно к борьбе за политическую власть – значит упрощать саму природу такой войны. Борьба за политическую власть может осуществляться и вполне мирными способами (выборы в парламент, избрание главы государства, выборы в муниципальные структуры, применение процедур импичмента, отзыва депутатов, лишения неприкосновенности и другие демократические инструменты). Вместе с тем и недооценивать факт такой борьбы за власть в контексте гражданских войн нельзя.

В борьбе против советской власти в России активно выступило не только Белое движение, в основном состоявшее из офицеров старой армии и активно поддерживаемое интервентами, но и казачество, духовенство, представители делового мира России, значительные массы крестьянства. Не случайно крестьянское сословие рассматривалось советской властью как «мелкобуржуазная стихия», которую надлежало в целом «нейтрализовать». Для этого крестьянское сословие предлагалось разделить на разные категории и противопоставить их друг другу: кулаки (богатые крестьяне) – враги советской власти, середняки – «временные попутчики», а бедняки (сельские пролетарии) – союзники. Любые попытки объединительного характера воспринимались как утопия. А «цель создания государства-коммуны отражала утопические устремления большевизма» [Коэн 1998: 105].

Поэтому когда некоторые историки возлагают инициативу развязывания Гражданской войны в России исключительно на Белое движение и примкнувшие к нему социальные силы, они лукавят. Советская власть со своей стороны немало поспособствовала развязыванию Гражданской войны в России. Даже когда в январе 1919 г. президент США В. Вильсон выступил с идеей созвать международную мирную конференцию по России, в которой приняли бы участие все политические силы страны, из этого «ничего не получилось» [Троцкий 1991: 347].

Гражданская война и военная интервенция 1918–1920 гг. в России по общему определению – это не только вооруженная борьба за политическую власть, но и борьба за национальные богатства страны, осуществлявшаяся между представителями различных классов, социальных слоев и групп бывшей Российской империи при участии внешних сил. Со своей стороны, Россия в лице советской власти также стремилась в рамках перманентной мировой революции упрочить свое положение в мире, что следует рассматривать в контексте причин и условий, обусловивших хронологию Гражданской войны. Даже после провала наступления Красной армии на Польшу, гибели Венгерской и Баварской республик советская власть продолжала исходить из необходимости расширения своего жизненного пространства и перманентной мировой революции. В частности, в 1919 г. Л. Д. Троцкий утверждал, что «дорога на Индию может оказаться для нас в дан-

ный момент более проходимой, чем дорога в Советскую Венгрию» [Архив... 1990: 182].

Идея превращения империалистической войны в войну гражданскую, выдвинутая В. И. Лениным, имела далекоидущие последствия, связанные с распространением гражданской войны и в других странах.

Общее и особенное

Конечно же, приведенное выше определение гражданской войны не открывает нам полной картины этого явления. Но главное звено в данном определении – это непримиримое противостояние различных социальных сил внутри одной страны, а также противостояния между государством (действующим на конкретный момент времени) и обществом. Но на этом общее в понимании причин, характера и последствий гражданских войн не заканчивается.

Гражданские войны возникали во многих странах, независимо или, наоборот, в зависимости от особенностей того или иного политического режима, поэтому их очень непросто сравнить друг с другом. Но «подобные сопоставления, несомненно, интересны и небесполезны. Каждая гражданская война – в каждом обществе и на определенном историческом этапе – имеет присущее только ей своеобразие, военные, политические, социальные и другие характеристики» [Голдин 2006: 66–75].

На текущий момент существуют разные теоретико-методологические подходы к изучению Гражданской войны в России. Традиционной является героизация событий Гражданской войны, получившая свое распространение еще в советский период истории. «Российской Вандеей», по аналогии с событиями Великой французской буржуазной революции, назвал Гражданскую войну в нашей стране Д. А. Волкогонов [1990: 78–79]. Однако следует отметить и «обратную сторону» историографии Гражданской войны – ее сведение к смуте, хаосу, катастрофе [Булдаков 1997].

Вот как описывает ситуацию Гражданской войны В. Д. Успенский: «Большими и малыми фронтами исполосована была Южная Россия весной 1918 г. Красные, белые, немцы, казаки, анархисты, повстанцы-самостийники, просто бандиты. Всюду своя власть, свои порядки. Причем каждая власть считала себя главной, самой справедливой, а в каждом постороннем видела врага, которого надо либо убить, либо запрятать в кутузку. Любая власть имела свою охрану, свои дозоры, сторожевые посты, и их было так много, что миновав один пост, непременно попадешь на другой» [Успенский 1989: 52].

Следует напомнить и так называемую «теорию заговора», согласно которой советская власть сама публично объявила народу гражданскую войну. Так, в одном из изданий читаем: «В мае 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов поставил перед органами власти задачу разжечь гражданскую войну в деревне, организовать и вооружить бедняков для удушения кулаков» [История... 2005: 485–486].

В последние десятилетия возникла и получила свое развитие трактовка событий Гражданской войны в контексте концепции повседневности [Нарский 2001]. Наконец, необходимо отметить и военно-историческую антропологию [Сенявская 1997; 1999].

Следует выделить и общие причины гражданских войн в разных странах. В первых, это колоссальная социально-экономическая дифференциация в обществе, рост нищеты на одном его полюсе и богатства – на другом. Имущественное рас-

слоение предвеляет гражданские войны и становится одной из их причин, когда объявляется «мир хижинам, война дворцам».

Другой причиной гражданских войн является идеологическая непримиримость. Наличие различных идеологий, религий, культур оказывается порой связано с националистическими проявлениями, дискриминацией этнических меньшинств, представлениями о расовом превосходстве. Эти обстоятельства ничуть не меньше, чем названные выше, способствуют обострению социальной нестабильности и ее перерастанию в гражданские войны.

Не стоит сбрасывать со счетов и так называемый фактор демократии. Именно в демократических и светских странах в XX в. усиливается угроза распространения гражданских войн. Война за независимость басков в Испании, курдов в Турции, Ольстера против Лондона – это точно такие же гражданские войны, как и в других странах. Только с поправкой на «новую реальность»: с активным использованием всего доступного арсенала террористических и информационных технологий.

Симптоматично, что в Великобритании Шотландия проголосовала за суверенитет, Уэльс – за создание собственного независимого парламента и т. д. В Италии о независимости мечтает Венеция, в Испании до массовых уличных протестов и столкновений с полицией на почве сепаратизма дошла Каталония.

Будем ли мы в дальнейшем свидетелями «цивилизованного развода» в этих демократиях, сохранят ли они свою целостность мирными политическими средствами или мы станем очевидцами нового вида гражданской войны в XXI столетии – покажет будущее.

«Парад суверенитетов» (как в конце прошлого века называли стремление национальных республик к выходу из состава Советского Союза), борьба «малых» народов в других странах за независимость в условиях демократии создают не менее опасные, чем при тоталитаризме, условия для перерастания социальных противоречий в гражданские войны. И суть этой угрозы – национализм, который несет в себе опасность «превращения привязанности к своему – в ненависть к чужому» [Уткин 2002: 81].

Гражданская война – это *самая острая фаза непримиримого* конфликта объективных интересов разных социальных, политических и этнических сил, которая превращается в *вооруженную борьбу* между его участниками.

Вместе с тем гражданские войны несут на себе и специфические черты, отличия, обусловленные как разным уровнем политического и социально-экономического развития различных стран и цивилизаций, так и соотношением экзогенных и эндогенных факторов. Например, освободительное движение во многих странах, направленное против колониализма, можно рассматривать как своеобразные гражданские войны, поскольку они также осуществлялись в ситуации общественного раскола и жесткого противостояния разных политических и социальных сил. Уместно вспомнить и о том, что отдельные гражданские войны в средневековой Европе также были вызваны «всего лишь» религиозными причинами, а со временем превратились в масштабные «разборки» между соотечественниками. Поэтому идеология, неважно, религиозная она или светская, часто оказывается ничуть не менее важной доминантой гражданских войн, чем политика или экономика.

Данные примеры свидетельствуют о том, что соотношение *общего* и *особенного* в феномене гражданской войны может быть различным. Наряду с этим интересен и генезис гражданских войн.

Гражданские войны возникают не всегда во время политических кризисов и противостояний. Причинами таких войн могут быть и эпидемии, пандемии, голод, стихийные бедствия и т. п. Гражданские войны могут вспыхивать неожиданно и столь же быстро заканчиваться. Но в других случаях их причины могут созревать медленно, подспудно, и длиться такие войны могут годами, а то и десятилетиями. Примерами таких войн в XX в. могут служить гражданские войны в России (1918–1920), Югославии (1991–1999), Испании (1936–1939). Из более ранних примеров – гражданские войны в США (1861–1865), Колумбии (1884–1885), Крестьянская война в Германии (1524–1526).

Важной научной проблемой является реконструкция иерархии причин, вызывающих гражданские войны. Основными причинами таких войн чаще всего оказываются религиозные, политические и экономические проблемы. Но в последние десятилетия наблюдается усиление внешнего влияния (экономическая изоляция или иностранная интервенция) на генезис гражданских войн.

Такие внешние воздействия стимулируют дискриминацию отдельных категорий населения (трудовые мигранты, политические беженцы, представители национальных меньшинств и т. д.), усиливают девальвацию традиционных ценностей, расовую, этническую и иную сегрегацию. Апартеид, например, может стать точно такой же «побочной» причиной гражданской войны, как и массовая коррупция в государственном аппарате. Модный сегодня тезис об «исключительности американской нации» оставляет широкие возможности для нарастания социальных конфликтов в самих США, а не только за ее границами.

Дело в том, что активное участие в гражданских войнах могут принимать самые разные категории населения: рабы, аборигены, колонисты, люмпены, иностранные легионеры, интервенты (вооруженные силы других стран). Тем самым гражданская война приобретает своеобразный *гибридный* характер (не только в технологическом, но и в социальном аспекте).

Этот гибридный характер проявляется и внешне, в сочетании гражданских войн и революций, политических переворотов, внешней «помощи» и т. д. Наиболее ярким примером может служить Куба. Правительство Ф. Батисты, полностью утратившее поддержку среди собственного народа, длительный период времени сохраняло власть за счет внешней поддержки США, результатом чего стала гражданская война на Кубе в 1953–1958 гг. И наоборот, правительство Ф. Кастро, несмотря на колоссальное давление извне, сохраняло мир и стабильность в стране на протяжении многих десятилетий благодаря поддержке населения острова.

Другой пример влияния экзогенных обстоятельств на ситуацию – раскол страны извне, когда создается искусственный плацдарм для начала гражданской войны. Иллюстрацией такого механизма подготовки гражданской войны может служить организация сепаратных «выборов» в Сайгоне, когда, вопреки Женевским соглашениям, США в 1956 г. поддержали южновьетнамскую клику и отказались допустить общенациональные выборы [Громыко 1969: 203]. Южный Вьетнам постепенно стал превращаться в одну большую американскую военную базу. А затем последовали известные трагические события.

Борьба на Украине между киевской властью и Донецкой и Луганской республиками – это пример гибридной гражданской войны нового типа. Но далеко не все исследователи соглашаются называть эту ситуацию гражданской войной. Используется, например, более общий термин «конфликт», который рассматривается вне экономического контекста, с культурологического угла зрения и представляется исключительно как несоответствие разных социально-политических смыслов (украинской самостоятельности, принадлежности к российской культуре, нарратива русского мира, противопоставления демократии) [Матвеева 2017].

Сравнивая события, можно отметить, что, по существу, никакой принципиальной разницы между нынешней гражданской войной на Украине и той же Гражданской войной XIX в. в США нет. В Америке 24 северных штата выступили против 11 южных штатов, одной из причин конфликта стало нежелание последних отменить рабовладение. Другой причиной послужила приверженность северных штатов федерализму, а южных – конфедеративному устройству государства. В мировой истории это событие получило название войны Севера против Юга или войны против рабства. На Украине идет «война Запада и Востока», но она тоже «война против рабства», поскольку лишать коренное население права говорить на родном языке – это *изначальная* форма рабства. Да и дилемма «федерация – конфедерация» в этой стране отнюдь не снята с повестки дня.

Изначальной причиной гражданской войны на Украине стало то, что центральное правительство выступило *с применением оружия* против нескольких областей (части собственного народа), не пожелавших отказаться от русского языка и не захотевших проводить русофобскую политику. Но была и сугубо экономическая причина: значительный разрыв в социально-экономическом положении, уровне жизни жителей восточных и западных регионов Украины. Западные области (Винницкая, Житомирская, Ивано-Франковская, отчасти Львовская), по существу, находились на иждивении у восточных областей, где в основном сосредотачивалась промышленность страны. Напомним, что среди этих областей изначально были Харьковская, Одесская, Херсонская, Николаевская, Луганская и Донецкая, а также автономная республика Крым. В первых четырех областях с помощью кровавых «разборок» киевская власть пока удержалась. Но в трех остальных субъектах Украины она эту власть потеряла. Крым перешел в результате народного волеизъявления в состав Российской Федерации. Судьба Донецкой и Луганской областей оказалась трагичной и пока окончательно не решена. Но надежды «зачистить» восточные регионы силовым путем и таким образом завершить гражданскую войну на Украине представляются явно несбыточными.

Рост националистических, русофобских, экстремистских настроений и в США, и на Украине – это не новость. Еще в 60-х гг. XX в. в США наблюдался небывалый рост подобных настроений, приведший мир к Карибскому кризису (1962).

«Этот рост был порожден сложным переплетением социально-экономических, политических, социально-психологических факторов внутри страны, а также коренными изменениями на международной арене. Благоприятную атмосферу для распространения ультраправых настроений создавала общая моральная деградация американского общества, ведущая к росту цинизма и жестокости, расистским и шовинистическим предрассудкам, что облегчало многим неустойчи-

вым элементам поворот направо» [Никонов 1984: 138]. Сегодня все это повторяется на Украине.

Обострение международных отношений в нынешних условиях полностью напоминает ситуацию начала 60-х гг. XX в. Их деградация – это тоже трансформация новой реальности, только со знаком минус.

Ценой таких трансформаций могут стать не просто новые гражданские войны, но и распад и даже гибель конкретных государств, утрата ими собственной территории. Это в полной мере касается не только сателлитов США, но и их самих. Интересно, что некоторые штаты (Аляска, Гавайи, Калифорния, Техас, Флорида) периодически поднимают в прессе и в политических кулуарах вопрос о собственной независимости, а недавние события, связанные с разгромом памятников героям конфедератов в ряде городов, снова всколыхнули старые противоречия. Ни одна страна в мире, и США в том числе, не застрахована от гражданских войн.

Результатами гражданских войн чаще всего становятся территориальные потери. Так, по условиям Брест-Литовского мирного договора 1918 г. Россия вынуждена была передать Германии и Австро-Венгрии огромные территории (свыше 150 тыс. кв. км). Но этот договор просуществовал с марта по ноябрь 1918 г., ровно до тех пор, когда в самой Германии началась революция. Вскоре отданные территории были Россией возвращены.

Характерно, что в отличие от современной киевской власти советское правительство в 1918 г., в тяжелейшей для себя обстановке, не только полностью выполнило условия крайне тяжелого для него договора, но и продемонстрировало свои мирные намерения. Руководитель российской делегации на этих переговорах Л. Д. Троцкий, ярый сторонник мировой революции и милитаризма, тем не менее заявил: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий» [Троцкий 1990: 150].

История свидетельствует о том, что если стороны не могут договориться о решении назревших кризисных противоречий и не приходят к согласию по поводу консенсуса политических ценностей, то тогда вооруженная борьба внутри общества неизбежно разрастается и приобретает признаки глобального характера. Проведем еще раз исторические параллели. В период Гражданской войны в США северные и южные штаты тоже надеялись на помощь извне, на поддержку Англии и Франции, у которых был свой интерес в Новом Свете, воспринимаемом ими как колония (источник сырья и даровой рабочей силы).

Именно в силу такой заинтересованности для американских судов с начала XIX в. действовал режим наибольшего благоприятствования даже в условиях знаменитой континентальной блокады. Еще в 1809 г. Наполеон I объявил, что «всякое американское судно, не осмотренное англичанами и не побывавшее в Англии, будет хорошо принято во французских портах» [Тарле 1958: 330]. Аналогичной была и позиция Лондона.

Исторические параллели обнаруживают определенную схожесть между событиями XIX и XXI столетий. В прошлом из-за колоний две крупнейшие европейские страны ввели санкции в отношении друг друга. Континентальная блокада – это такая же опция, как современные санкции, которые США и их европейские союзники пытаются использовать из-за конфликта на Украине по отношению

к России. Повод здесь – чисто формальный момент. Не было бы одного, обязательно нашелся бы другой. А делается это для того, чтобы дестабилизировать ситуацию внутри нашей страны, вызвать недовольство населения властью, добиться утраты поддержки и доверия со стороны населения в отношении органов власти. К чему это может привести в дальнейшем – вопрос риторический. Но результаты последних президентских выборов в Российской Федерации, когда В. В. Путин получил 76,69 % голосов избирателей, убедительно показали, что подобные надежды тщетны.

Следует признать как исторический факт, что существенные различия в механизме расшатывания ситуации прежде и теперь относительно малы: и в прошлом, и сейчас соперники рассчитывали на внутренних и внешних союзников (коллаборационисты и т. д.). Просто раньше не было термина «пятая колонна», сегодня он есть. Однако меняются не только термины, но и технологии. Меняется и соотношение главных факторов, способствующих возникновению гражданских войн. А это сказывается на их характере. При этом суть самих факторов, а значит, по большому счету, и суть генезиса гражданских войн остается прежней.

Кроме того, необходимо учитывать, что современный мир переживает новую промышленную революцию, переход к новому технологическому укладу и глобальную цифровую трансформацию. Это сказывается не только на информационной безопасности, но и на общей безопасности многих стран и народов. Данная трансформация «ведет к изменению технологий, организационных структур, моделей поведения людей» [Кефели, Колбаев 2017: 18].

Заключение

Анализ исторического опыта гражданских войн позволяет сделать два основных вывода.

Во-первых, гражданские войны при всем многообразии причин и факторов, которые их опосредовали, связаны с главным обстоятельством, которое мы назвали бы *утратой доверия* населения к власти. Понимание значимости этого фактора в сохранении социальной стабильности имеет ключевое значение. Ведь в конечном счете «даже главный закон страны – Конституция – в любом государстве олицетворяет собой доверие, которое граждане испытывают к власти» [Бурстин 1993: 525].

Доверие и связанный с ним авторитет власти – это ключевые факторы, детерминирующие социальный мир и социальную стабильность. Как когда-то очень точно подметил Н. Макиавелли, «всякий вид общежития, будь то религиозный культ, царство или республика, ни в чем так не нуждается, как в восстановлении своего первоначального авторитета, сохранении добрых порядков или достойных людей, которые могли бы об этом позаботиться» [Макиавелли 2017: 325].

По большому счету неважно, является ли доверие результатом рационального выбора или религиозного навыка, главное состоит в том, что «доверие является основой благополучия личности и общества» [Фукуяма 2004: 69].

Во-вторых, все гражданские войны начинаются с утраты властью своей *социальной ответственности* перед народом. Свидетельством такой утраты становится психология, согласно которой «лес рубят – щепки летят». Будь то классовая вражда в истории нашей страны за истекшее столетие или колоссальное социально-экономическое расслоение в современном российском обществе – все это яв-

ляется свидетельством девальвации социальной ответственности со стороны тех или иных представителей власти. Выступая от имени государства, отдельные его представители превращаются в бюрократию, которая монополизирует функцию власти и формирует свою собственную политическую экономию, реализует (максимизирует) собственные (отнюдь не государственные и не общенародные) интересы [Нисканен 2004: 477–478].

Следует отметить, что в современных условиях «рост индустриальных государств привел к систематической монополизации насилия, перевоплощению его в закон» [Тоффлер 2003: 66]. Несоответствие норм закона высшим духовным ценностям человеческого бытия только усугубляет проблему. Власть и закон в современных условиях нуждаются в глубоком нравственном очищении. Без этого социальные конфликты со временем будут только обостряться со всеми вытекающими из этого последствиями.

Тем самым становится необходимым осуществление закрепленной в Конституции РФ нормы о том, что государство является социальным (ст. 7). Существуют разные подходы к формированию такого типа государства [Основы... 2015: 211]. Но в контексте темы нашего исследования важен именно духовно-нравственный аспект. «Духовная атмосфера в социальном государстве должна характеризоваться развитым чувством гражданственности, социальной солидарности и гуманизма» [Гончаров 2010: 211].

В целом формирование социального типа государства представляет собой результат широкого исторического компромисса разнонаправленных политических и социальных сил, основанного на общих интересах [Храмцов 2007].

Только при этих условиях сама вероятность возникновения гражданских войн становится, если использовать правовую терминологию, ничтожной.

Литература

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1 / ред.-сост. Ю. Фельштинский. М.: Терра, 1990.

Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М.: Прогресс, 1993.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1990.

Голдин В. И. Гражданская война в России и на Русском Севере: поиски новых подходов в изучении и перспективы исследования // Европейский Север в судьбе России: сб. ст. / отв. ред. А. В. Воронин. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2006. С. 66–75.

Гончаров П. К. Социальное государство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010.

Громыко А. А. 1036 дней президента Кеннеди. М.: Политиздат, 1969.

Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / под ред. И. Ф. Кефели, Р. И. Юсупова. СПб.: Петрополис, 2017.

История России с начала XIX века до начала XXI века: в 2 т. / под ред. А. Н. Сахарова. Т. 2. М.: Астрель, 2005.

Кефели И. Ф., Колбаев М. О. К вопросу о становлении науки глобальной безопасности // Геополитика и безопасность. 2017. № 4(40). С. 15–21.

Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М. : Прогресс, 1998.

Макиавелли Н. Государь. СПб. : Азбука, 2017.

Марков С. «Гибридная война» против России. М. : Алгоритм, 2015.

Матвеева Н. Ю. Конфликт на Украине: социально-политические смыслы участников // История и современность. 2017. № 1. С. 158–176.

Мехтиева Н. Р. Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. 2017. № 3(23). С. 77–89.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001.

Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М. : Изд-во МГУ, 1984.

Нисканен В. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли: в 6 т. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под ред. А. П. Заостровцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. С. 477–494.

Основы социального государства / под ред. К. П. Стожко. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2015.

Репко С. И. Когнитивная война. М. : Академия геополитики, 2013.

Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М. : РОССПЭН, 1997.

Сенявская Е. С. Психология войн в XX веке: Исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.

Стожко Д. К., Благодатских В. Г. Роль западных держав в революционных событиях 1917 года (К 100-летию Октябрьской революции в России) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 4(44). С. 36–42.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 31.12.15 г. № 683) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/banc40391>.

Тарле Е. В. Соч.: в 12 т. Т. 3. Континентальная блокада. М. : АН СССР, 1958.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М. : АСТ, 2003.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1990.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М. : Панорама, 1991.

Успенский В. Д. Тайный советник вождя: в 3 т. Т. 1. М. : Прометей, 1989.

Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М. : Эксмо, 2002.

Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Храмцов А. Ф. Социальное государство: практики формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 21–32.

НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Голева Р. В.*

Недропользование – глобальный экологический фактор, который является основой устойчивого развития экономики России. В статье обсуждаются проблемы организации горно-геологической отрасли, предлагаются меры оптимизации сложившейся в минерально-сырьевом комплексе России ситуации.

Ключевые слова: *недропользование, экология, экономика, минерально-сырьевой комплекс России, устойчивое развитие.*

The natural resources management is a global environmental factor which is the basis for sustainable development of the Russian economy. The problems of the mining and geological industry's organization are discussed. The measures of optimization in mineral resources complex of Russia are proposed.

Keywords: *natural resources management, ecology, economy, mineral resources complex of Russia, sustainable development.*

Недропользование – важнейшая из техногенных сфер деятельности человека. Минеральные ресурсы Земли, которые обеспечивают жизнь и развитие цивилизации, относятся к невозобновляемым видам природных ресурсов и являются основой экономики любой страны.

Недаром В. И. Вернадский назвал человека – современного человека – основной силой планеты, важнейшим негативным геологическим фактором (1904 г.). Все ведущие геологи, руководители геологической отрасли отмечают, что минерально-сырьевая база России является краеугольным камнем экономики страны. Одновременно недропользование является глобальным экологическим фактором. Если сопоставлять экологическую карту России с картой размещения горнопромышленных регионов, то отчетливо видно их полное соответствие. Крупные горнопромышленные районы – очаги экологического бедствия [Недра... 2002: 147]. Уже выявлены основные экологические риски в различных отраслях недропользования: нефтегазовая отрасль, геологоразведка, горнопромышленные предприятия, технологические процессы переработки минерального сырья. Сформировалось новое научно-практическое направление, могущее обеспечить систему устойчивого развития в недропользовании: «Выявление факторов негативного воздействия на окружающую среду и здоровье человека в целях снижения экологических рисков на основе совершенствования методик и технологий в сфере недропользования» [Голева 2006: 536–549; 2007; 2012а: 192–201; 2012б: 49–53; 2013: 48–58].

* Голева Рита Владимировна – д. г.-м. н., профессор ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт минерального сырья им. Н. М. Федоровского» (г. Москва). E-mail: vims-goleva@mail.ru.

Российское руководство геологической отрасли уже давно поднимало вопрос, касающийся проблемы охраны окружающей среды. В Советском Союзе охрана природы была определена как важнейшая государственная задача и закреплена в Конституции страны. Осуществление природоохранных мер было составной частью государственных планов. Известна комплексная научно-производственная программа «Литомониторинг». СССР участвовал в работе первой фазы международного научного проекта «Охрана литосферы как компонента окружающей среды» и т. д.

Знаменательным фактом стала работа специальной секции «Геологические проблемы охраны окружающей среды» на XXVII Международном геологическом конгрессе, который состоялся в Москве 4–14 августа 1984 г., то есть задолго до того, как в Рио-де-Жанейро (1992 г.) было утверждено понятие устойчивого развития [XXVII Международный... 1984].

Функционирование недропользования в стране до начала 90-х гг. среди специалистов-геологов называется веком «золотой геологии». В этот период были достигнуты выдающиеся успехи [Временные... 1991]. Тема нашего конгресса – глобалистика. Это означает, что пришли новые времена. Укрепилось понятие свободного рынка, который все сам собой как надо расставит по местам. К сожалению, человечество имеет недолгую память и забывает мнения мудрецов, таких как В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев, Н. Н. Моисеев, Е. А. Козловский, а также многих других, которые предостерегали человечество от легковесного отношения к организации мирового порядка. Известно четкое мнение Е. А. Козловского об организации минерально-сырьевой базы (МСБ) в условиях глобализации: «Отсутствие государственной стратегии развития и использования МСБ, основанной на модели самообеспечения с необходимой долей экспорта и ограниченного импорта, является угрозой национальной безопасности страны и ведет к утрате геополитических приоритетов в минерально-сырьевом секторе мира» [Козловский 2009; 2014; Малышев 2015: 102, 579].

Обсуждая продекларированный в 1992 г. в Рио-де-Жанейро принцип устойчивого развития, утверждающий недопустимость неограниченного и бесконтрольного использования ресурсов, академик Н. Н. Моисеев попробовал наметить черты Стратегии сохранения человечества, над которой, как он думал, необходимо работать уже сейчас.

Глубокий анализ взаимодействия человеческой цивилизации и основных законов природы привел Н. Н. Моисеева к формулировке основополагающей аксиомы о **«коэволюции человека и биосферы»** [Моисеев 1997: 210; 1998: 226]. Этот определяющий принцип взаимоотношения природы и общества, с его точки зрения, является главной целью Стратегии сохранения человеческой популяции.

В настоящее время мы являемся свидетелями создания общепланетарного экономического организма, что в современной политической обстановке (процессы глобализма) очень осложняет для каждого государства обеспечение собственных интересов и потребностей.

В связи с этим Н. Н. Моисеев дает несколько важных советов:

1. Главная основа любой развитой страны – это емкий внутренний рынок, что ведет к процветанию нации и хорошо известно экономистам.
2. Нынешняя рыночная система не привыкла учитывать далекое будущее, что неизбежно приведет и уже приводит к замедлению научно-технического прогресса и, безусловно, осложнит жизнь следующих поколений.

3. Всякая остановка научно-технических разработок может привести к деградации общества, ослаблению его интеллектуального творческого потенциала, что, безусловно, будет иметь катастрофические последствия для рода человеческого.

4. Развитие отраслей современных технологий могут совершать только те нации, которые способны обеспечить высокий уровень образования и производственной дисциплины труда.

У России имеется Экологическая доктрина и целый комплект законодательных и научно-методических документов [Временные... 1991; Второй... 2016; XXVII международный... 1984; Голева и др. 1997; Об утверждении... 2015; Приказ...; Пояснительная... 2015; Голева и др. 2001].

В недропользовании в связи с нашей перестройкой страна утратила бывшую хорошо организованную систему изучения и использования недр (свою геологическую службу) в целях создания минерально-сырьевой базы, необходимой для ритмичного развития экологически ориентированной экономики. Была государственная стратегия, основанная на модели самообеспечения с необходимой долей экспорта и ограниченного импорта. В настоящее время такая государственная стратегия отсутствует, что является в условиях глобализации угрозой национальной безопасности страны и ведет к утрате геополитических приоритетов в минерально-сырьевом секторе мира [Козловский 2009; 2014].

В связи с практическим упразднением геологической службы под управлением государства стратегия развития геологоразведочных работ до 2030 г. остается на грани выживания. По мнению заместителя министра МПР и экологии и руководителя Федерального агентства по недропользованию (Роснедра) Е. А. Киселева, российская минерально-сырьевая база разбалансирована [Киселев 2015: 85].

К сожалению, трудно достичь эффективного управления недропользованием с учетом необходимости его экологического сопровождения, когда отсутствует единый общефедеральный орган, отвечающий за государственные минеральные ресурсы в целом. Вместо единого государственного органа управления недропользованием существуют несколько управляющих как государственных, так и согосударственных организаций, недостаточно скоординированных друг с другом: Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Роснедра, ОАО «Росгеология», а стратегические металлы уран и золото входят в систему ОАО «Атомредметзолото», плюс существуют частные крупные компании ГМК «Норильский никель» и др. Экологический контроль осуществляет Росприроднадзор.

В связи с переходом к рыночной экономике отрасль перешла на систему лицензирования. В лицензии попали наиболее подготовленные к добыче или уже добывающие предприятия. Лицензии выдаются по принципу акционирования или конкурсов, поэтому неудивительно, что выигрывают «деньги».

Изучаемая ранее систематически вся территория страны оказалась разделена на «лоскутки», при этом остался огромный нераспределенный фонд (по официальным данным, (?) $\geq 30\%$), который в настоящее время никем не изучается. Если учесть неосвоенные территории Арктики и труднодоступные площади без инфраструктуры в Сибири и на Дальнем Востоке, то неизучаемых площадей, скорее всего, окажется больше, чем 30 %.

Огромной ошибкой руководства бывшего Министерства геологии было решение отменить отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы, что, собственно, и привело к распаду хорошо организованной геологической службы.

Геологоразведочный процесс – длительный и трудоемкий. Известны патриотизм и бескорыстие огромной массы геологов страны, которые тем не менее в один миг просто остались без работы. А их бесценный опыт пропадает, потому что до сих пор не налажена научно-методическая помощь лицензиатам.

Общеизвестно, что для оформления урановорудной провинции в Канаде потребовалось около 40 лет, а в центральной Украине систематические упорные геологоразведочные работы на уран велись около 20 лет, что позволило обнаружить новый тип урановых руд в альбититах и создать на основе разработанных методических рекомендаций новую украинскую урановорудную провинцию.

Распад геологической отрасли сопровождается непродуманным (или продуманным?!) наступлением на отраслевые НИИ и геологические учебные институты. Известны ошибочные желания закрыть знаменитую кузницу блестящих геологов-практиков (МГРИ – РГГРУ) и не менее преступное закрытие трех кафедр геологии в Российском университете дружбы народов (РУДН). Необходимо напомнить, что эти кафедры подготовили за годы существования РУДН геологические кадры для Азии, Африки, Южной Америки, где у нас сейчас друзья, а также не мешает вспомнить, что кафедра рудных месторождений РУДН носит имя нашего мэтра по прогнозированию, поискам и разведке месторождений, уважаемого ученого с мировым именем Владимира Михайловича Крейтера. Странная ситуация с ликвидацией ВАКом Ученого совета по приему кандидатских и докторских диссертаций в ведущем отраслевом НИИ – ФГБУ ВИМС, который существует с 1942 г. и активно формировал интеллектуальную элиту в геологической отрасли.

Опыт зарубежных государств в части правового регулирования вопросов государственной собственности и эффективности государственного управления природными ресурсами показывает, что тенденциями в мире являются сохранение и даже возвращение государственной собственности на природные ресурсы. За рубежом – долевое участие государства в финансировании программ ГРП: Австралия – 30–40 %, Великобритания – 33–35 %, Канада – 38–40 %, США – 50–70 %, Япония – 75–80 %.

Для страны, находящейся в экономическом кризисе, не помнить об этом и назначать на руководящие должности непрофессиональные кадры – это непозволительная роскошь. А у нас ставка на **молодежь**, а не на опытейших еще вполне здоровых и творческих специалистов. Научное обоснование должно сопровождать весь процесс геологоразведочных и добычных работ. НИИ отрасли переживают очень глубокий кризис (организационный, научный, кадровый и т. д.), который не дает возможности развиваться далее научно-методическому сопровождению на всех этапах недропользования, что непосредственно влияет на состояние МСБ.

Утрачен контакт с недропользователями-лицензиатами, не организована система регулярной научно-методической помощи производству. А ведь известно, что действующий в ФГБУ ВИМС отдел научно-методической помощи, называемый в шутку «пожарная команда», способствовал к 1980 г. оформлению пяти урановорудных провинций (Казахстанская, Забайкальская, Украинская, Средне-

азиатская и Алданская) и всегда успешно реагировал на ход производственных работ по ряду металлов – бериллия, тантала, ниобия, вольфрама, молибдена, флюорита, бора, слюды и других полезных ископаемых.

Отрадно, что в Послании Федеральному собранию РФ еще в 2007 г. президент России В. В. Путин подчеркнул важность инноваций, прежде всего это необходимо в недропользовании. Его мысль предельно ясна: «Перед нами стоит задача формирования научно-технического потенциала, адекватного современным вызовам мирового технологического развития». Экономическое лидерство западных стран обусловлено эффективно работающими инновационными системами, закрепленными в программах развития (США, Великобритания, Германия, Франция, Япония). Рост инвестиций в инновации в этих странах от 75 до 100 %, а в России – 5–6 %, в то время как необходимо минимум 30–35 %. В недропользовании России недостаточно развиты патентная деятельность и внедрение инноваций.

Отказ от плановых методов управления недрами и переход к рыночным отношениям привели к разрушению существовавшей системы центрального материально-технического снабжения.

«Разве не парадоксально, что страна, создавшая второй по мощи в мире интеллектуальный потенциал ценой невероятных затрат и жертв, вдруг начинает мелочно экономить на поддержании этой отрасли, списывать интеллектуальный потенциал в неликвиды, выталкивать интеллектуальный потенциал за границу, охаивать результаты своих интеллектуалов и делать их невостребованными? А после такой заботы, доведя средний возраст интеллектуалов до 60 лет, побуждает к откровенной кастрации интеллектуального отечественного потенциала, мотивируя необходимостью жить по средствам» [Зятцкий 2008: 338–340].

Геологическая отрасль в последние годы, несмотря ни на что, работает во многом успешно. Один из основателей нового научного направления «Политическая экология» С. П. Якуцени [Якуцени, Буровский 2016] предлагает для снижения направления конкурентной борьбы в глобализованном мире направить экспансию человеческого общества на гидросферу – море, океаны Земли – и в космическое пространство в целях расширения ресурсной базы для человеческого вида. Следует с гордостью отметить, что наша страна уже более полувека весьма успешно работает в этом направлении и достигла весьма значительных успехов, в частности, по подготовке больших объемов минерального сырья на дне Мирового океана. Работы ведутся по трем контрактам с Международным отделом морского дна (МОМД при ООН), подсчитаны впечатляющие прогнозные ресурсы на железомарганцевое сырье (конкреции и рудные корки) в Тихом океане и комплексные глубинные сульфидные руды в Атлантическом океане [Андреев и др. 2006: 77–81]. Следующий этап – начало опытной добычи, но опять перспективы ее начать весьма неопределенные. «У семи нянек дитя без глазу».

Вопреки мнению некоторых влиятельных руководителей отрасли о том, что на экологию требуются серьезные расходы, следует четко сказать, что при рациональном комплексном использовании минерального сырья и безотходном производстве **«экология – тоже бизнес»**, но для этого нужны образованные, грамотные и патриотически настроенные руководящие кадры.

На заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам В. В. Путин поставил задачу: «Нужно создать экономические стимулы для вовле-

чения отходов в производственный оборот, добиться того, чтобы перерабатывать отходы было выгоднее, чем сжигать их, закапывать или просто сваливать». В рамках этой задачи ОП РФ и Комитет по природопользованию, природным ресурсам и экологии ГД в прошлом году серьезно обсуждали проблему отходов и, главное, накопленных за многие годы в наших старейших горнорудных районах (Урал, Кавказ, Алтай, Забайкалье, Алдан, Кольский п-ов, Приморье) [Пояснительная... 2015].

Сейчас в России накоплено 12 млрд т твердых отходов, в которых содержание полезных продуктов подчас выше, чем в добываемых рудах. Назрела необходимость на примере этих горнопромышленных территорий разработать принцип создания Стратегии переработки длительно накопленного вреда (или ущерба). Предлагалась даже корректировка ФЗ «О недрах». Безусловно, создание Стратегии переработки накопленных горнопромышленных отходов следует поручить отраслевым НИИ.

Конкретный подход к проблеме создания Программы оценки накопленных отходов в районе золотодобычи на Южном Урале уже успешно осуществлен А. Н. Кутлиахметовым, который проанализировал развитие золотодобывающей отрасли за 200 лет, систематизировал отходы разного типа, дал им геологическую и геохимическую оценку и организовал переработку выбранных объектов с получением более 15 новых товарных продуктов и дополнительного финансирования, а также осуществил рекультивацию площадей их размещения [Кутлиахметов 2015].

Можно на основе выполненной А. Н. Кутлиахметовым работы уже наметить программу переработки накопленных за много лет отходов горнопромышленного производства на основных горнорудных территориях страны.

Программа должна включать:

- выявление отходов рудников и обогатительных фабрик, их систематизацию;
- определение для каждого объекта геологических и геоморфологических условий залегания, оценку их формы, размеров, мощности и т. д.;
- выбор системы опробования для каждого объекта и производство отбора проб;
- необходимость использования современного рационального комплекса аналитических и минералогических методов изучения проб и построения экогеохимических карт (можно порекомендовать современный спектральный метод с индуктивно связанной плазмой JSP-MS, который с чувствительностью 10^{-13} определяет одновременно более 55 элементов);
- создание соответствующих технологий обогащения и выделения полезных компонентов;
- осуществление геолого-экономической оценки проведения всех работ с составлением подробной сметы расходов, определением сроков и режима рекультивации;
- организацию передачи подготовленных отходов для переработки лицензиатам.

Еще одна принципиальная проблема, над которой следует работать, – это проблема воспроизводства кадров в недропользовании. Советский лозунг «Кадры решают все» остается весьма существенным. Необходима сертификация персонала. Международный опыт показывает, что на подготовку своего персонала ком-

пании тратят ≥ 20 % от общих затрат, а в России – не более 0,8 % для малого и среднего бизнеса, который мы стараемся развивать, и 12 % – для крупного. К 1992 г., когда в Рио-де-Жанейро ввели понятие «устойчивое развитие», в России не существовало дипломированных экологов. Следует одобрить опыт Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ), который на базе ведущего по твердым полезным ископаемым старейшего отечественного отраслевого института ФГБУ ВИМС организовал университетскую профессиональную подготовку кадров-экологов и создал целую армию дипломированных специалистов (4000 человек) для управленческих структур Росприроднадзора и производственных компаний. Это был очень важный шаг в сторону устойчивого развития страны.

Заключение

Практическая задача глобализации рынка – это передача минеральных ресурсов под контроль первого мира и устранение национальных экономических границ. Отсюда такой накал конкурентной борьбы.

Главное положение устойчивого развития страны в условиях глобализации – это поддержание принципа национальной независимости и самобытности, в связи с чем надо сделать все возможное для развития национальной промышленности на основе использования национальных ресурсов и национального интеллекта в соответствии с национальными интересами, прежде всего взять под госконтроль укрепление МСБ страны как основы устойчивого развития экономики России.

Литература

Андреев С. И., Голева Р. В., Юбко В. М. Экономические и геополитические аспекты освоения минеральных ресурсов Мирового океана // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2006. № 3. С. 77–81.

Временные требования к геологическому изучению и прогнозированию воздействия разведки и разработки месторождений полезных ископаемых на ОС // Государственная комиссия по запасам. М., 1991.

Второй национальный горнопромышленный форум. 2016.

Голева Р. В. Неорганические экологически опасные загрязнения в нефтегазодобывающих районах и современные методы их изучения // Актуальные проблемы прогнозирования, поисков, разведки и добычи нефти и газа в России и странах СНГ. Геология, экология, экономика: сб. материалов Междунар. науч.-практической конф. / под ред. Ю. Н. Григоренко, О. С. Краснова, В. И. Назарова. СПб. : Недра, 2006. С. 536–549.

Голева Р. В. Экологическая минералогия – новое научное направление в геоэкологии (становление, перспективы развития). М. : ВИМС, 2007.

Голева Р. В. Недропользование как глобальный экологический фактор // Материалы Международной научной конференции «Глобальные экологические процессы». Москва. 2–4 октября. М., 2012а. С. 192–201.

Голева Р. В. Проблемы экологической безопасности в минерально-сырьевом комплексе России // Глобальная безопасность. 2012б. С. 49–53.

Голева Р. В. Проблемы экологической безопасности в минерально-сырьевом комплексе России // Рациональное освоение недр. 2013. № 6. С. 48–58.

Голева Р. В., Иванов В. В., Куприянова И. И. и др. Экологическая оценка потенциальной токсичности рудных месторождений (методические рекомендации). М. : ВИМС, 2001.

Голева Р. В., Куприянова И. И., Сидоренко Г. А. и др. Минералого-геохимические исследования форм нахождения токсичных веществ в природных и техногенных аномалиях для оценки их экологической опасности // Научный совет по методам минералогической минералогии. Методические рекомендации № 117. Утверждены как отраслевое НСОММИ. М. : ВИМС, 1997.

Зятыцкий В. А. Вызовы времени // О необходимых чертах цивилизации будущего (к 90-летию со дня рождения академика Н. Н. Моисеева). М. : МНЭПУ, 2008. С. 338–340.

Киселев Е. А. Перспективы активизации поисков и освоения месторождений минерального сырья на территории Российской Федерации: проблемы и пути решения // Второй национальный горнопромышленный форум. М., 2015.

Козловский Е. А. Избранное – 2. Минерально-сырьевые ресурсы России (анализ, прогноз, политика, 2004–2009 гг.). М., 2009.

Козловский Е. А. Минерально-сырьевые ресурсы в экономике мира и России. М., 2014.

Кутлиахметов А. Н. Геоэкологическое состояние природно-технических систем районов золотодобычи в Башкирском Зауралье: автореф. дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. Екатеринбург, 2015.

Малышев Ю. Н. О модернизации отраслей минерально-сырьевого комплекса России // Второй национальный горнопромышленный форум. М., 2015.

XXVII Международный геологический конгресс. СССР, Москва, 4–14 августа 1984 г.: доклады. М. : Наука, 1984.

Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. М. : Изд-во МНЭПУ, 1998.

Недра России. Т. 2. Экология геологической среды / под ред. Н. В. Межеловского, А. А. Смыслова. М., 2002.

Об утверждении рекомендаций совместного «круглого стола» Комитета Государственной Думы РФ по природным ресурсам, природопользованию и экологии и Высшего горного совета НП «Горнопромышленники России» по вопросу «О создании морской горнодобывающей отрасли России» от 23 апреля 2015 г. в Государственной Думе.

Приказ Росстандарта от 24.06.2011 № 3004 о создании Технического совета по стандартизации и охране окружающей среды.

Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “Об охране ОС”» и отдельные законодательные акты РФ в части ликвидации последствий негативного воздействия на ОС и возмещение ущерба ОС, нанесенного и накопленного в результате прошлой хозяйственной деятельности ОП РФ. М., 2015.

Якуцени С. П., Буровский А. М. Политическая экология. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2016.

ЦИФРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЛИЧНОСТИ*

Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М.**

В статье обращается внимание на ряд ключевых проблем, с которыми под воздействием цифровой революции сталкивается человек в своей повседневной жизни. В противовес так называемым большим вызовам, характерным для масштабов государств и наций, предлагается сосредоточить внимание на экзистенциальной стороне происходящих перемен. В частности, делается акцент на особенностях образовательного процесса, трудовой деятельности, потребления и стиля жизни человека, окруженного технологиями и гаджетами. Авторы обращают внимание на сложность и амбивалентность процессов развития, которые влекут за собой как невиданные ранее блага, превращающие жизнь человека в подобие Эдема, так и экзистенциальный шок и страх будущих перемен.

Ключевые слова: цифровая революция, личность, обыденность, труд, эффективность, свобода.

The authors pay attention to a number of major problems that a person faces in his everyday life under the influence of the Digital Revolution. In contrast to the great challenges, typical of the scale of states and nations, the authors suggest focusing on the existential side of the changes. In particular, emphasis is placed on the features of the educational process, work activity, consumption and lifestyle of a person surrounded by technologies and gadgets. The authors pay attention to the complexity and ambivalence of development processes, which entail both unprecedented benefits, transforming a person's life into the likeness of Eden, and the existential shock and fear of future changes.

Keywords: the Digital Revolution, personality, everyday life, labour, efficiency, freedom.

Введение

Современные ученые и политики все чаще говорят о происходящих в обществе изменениях и встающих перед человечеством больших вызовах, что выливается в создание государственных стратегий по поиску ответов и программ, способствующих эффективному их разрешению [Стратегия...]. При этом часто забывается человек как отдельно взятая личность, которая сталкивается с серьезными проблемами, возникающими в свете развертывания цифровой революции и внедрения ее результатов в повседневную жизнь. Обыденный, среднестатистический человек

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335 «Коэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

** Слюсарев Владимир Владимирович – аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: slyusarevvladimir@gmail.com.

Хусяинов Тимур Маратович – аспирант кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: timur@husyainov.ru.

на своем микроуровне сталкивается с неменьшими трудностями и вызовами, чем государства и экономики. При этом информатизация и дигитализация затрагивают самые разные сферы его жизни. Выросшая на плечах информационной революции четвертая (цифровая) промышленная революция привела к усугублению влияния рынка на человека благодаря большему проникновению информационных технологий в повседневную жизнь – развитию искусственного интеллекта, Интернета вещей, технологии блокчейн и Big Data (большие данные). Достаточно много пишут о том, как эти процессы влияют на государство [Ромашов 2017], общество [Шмагун 2015; Попова, Яник 2014], различные сферы экономики [Котляров, Рыкова 2015], однако редки случаи, когда в поле зрения попадает сам человек, на жизни которого сказываются эти многочисленные изменения.

Совокупность всех факторов, радикальным образом трансформирующих специфику и практику обыденной жизни человека, мы предлагаем определить как малые вызовы цифровой революции. Сделаем попытку рассмотреть часть из них.

Человек и «турбулентное время»

Большие нарративы потерпели крах. Исторически сложившаяся предикация развития будущим оказывается неактуальной, так как возникает стремление получить выгоду «здесь и сейчас». Глобальной, цивилизационной веры в проектирование на уровне государств практически не осталось, благодаря чему мы, в определенном смысле, стремимся во времена Нового Средневековья, когда каждый ратовал прежде всего за свою душу. Только теперь на смену спасению души как некой будущей предикации выходят финансовая история, архивные записи в профилях соцсетей и т. д. Для того чтобы оставаться эффективным и рентабельным, человек вынужден прежде всего продавать себя как товар. При этом человек более не верит в гарантии демократии, коммунизма, равенства прав и т. п. – основной критерий теперь состоит в собственной успешности, которая и позволит обеспечить себя и своих детей медициной, образованием и подобными вещами. В срезе своей экономической деятельности человек оказывается один на один с миром.

Невероятно велика скорость происходящих в мире изменений, скорость распространения финансового кризиса или какой-либо информации создает ощущение незащищенности и дезинтеграции у целых стран и их граждан [Данилова 2012].

Трансформационные процессы и становление цифровой экономики, нарастающие процессы автоматизации и дестандартизации труда приводят к изменению требований к самому работнику – человеку. Все чаще роботизированные системы заменяют физический труд человека, нейронные сети – интеллектуальный. Работник-человек вынужден все в большей степени догонять происходящие изменения, что может подразумевать как постоянное обновление знаний, навыков и умений, так и отказ от своей профессии, переставшей быть достаточно востребованной. Другой вариант сохранения своей актуальности – постоянное расширение спектра своих знаний, формирование транспрофессионала.

В первом случае возникает запрос на образование на протяжении всей жизни. Постоянное развитие технологий в целом и отдельных инструментов, сервисов, способов и средств производства требует от работника актуальных знаний, чтобы использование новшеств было эффективным и успешным. При этом человек сам вынужден следить за актуальными трендами, искать способы обновления своих знаний. Именно в этом кроется одна из причин столь высокой популярности

платформ онлайн-образования или разнообразных коуч-тренингов. При этом получение сертификатов и дипломов практически теряет какой-либо смысл, так как оцениваются прежде всего существующие компетенции.

Во втором случае происходит постепенное сокращение работников в различных сферах в связи с процессом автоматизации. Так, возникновение и быстрый рост числа банковских автоматов уменьшили число сотрудников банков и даже существующих отделений. Следующий процесс, также повлиявший на уменьшение числа работников в данной сфере, – появление интернет-банкинга. В этих условиях растет спрос на новые навыки и профессии, которые часто слабо представлены в классической системе образования. К их числу можно отнести специалистов в сфере цифровых технологий и областях, возникающих на стыке с гуманитарными, социальными и естественными науками.

В третьем случае, который был хорошо описан Г. Перкиным в контексте его концепции «третьей профессиональной революции», возникают транспрофессионалы. Это специалисты широкого профиля, которые могут иметь сразу несколько связанных профессий, а потому являются весьма востребованными. При этом они достаточно часто работают в рамках проектов, то есть легко переходят из одной проектной команды в другую.

Все эти процессы происходят на фоне «общества риска» [Бек 2000] и нарастающих процессов прекаризации, то есть снижения защищенности труда. Современные трудовые отношения характеризуются ростом доли атипичных форм занятости, а также снижением числа работников в области физического труда и их увеличением в интеллектуальном и креативном секторах.

Все большее число людей включается в инновационное развитие и предпринимательскую деятельность, причем не всегда это происходит по их личной воле. Все чаще вузы, предприятия, различные организации начинают ориентироваться на создание инноваций и их последующую коммерциализацию. Нарастающий тренд начал проникать все глубже в систему образования и затрагивает уже даже учеников школ [Утемов 2010].

При этом нарастает темп жизни, быстрая онлайн-коммуникация стала одной из причин этой социальной динамики. Теперь мы можем за доли секунды передать сообщение едва ли не в любую точку мира, глобальная сеть практически стерла национальные границы, давая возможность связаться людям в любых уголках планеты.

В этих условиях нарастающего темпа жизни, постоянно развивающихся технологий растут и требования к человеку. Он должен быть более эффективным, креативным, знающим. При этом создание чего-то нового, творчество перестает быть экзистенциальным переживанием, а превращается в постоянный конвейер, участие в котором становится гарантом стабильной занятости. Экзистенциальный творческий поиск, требующий свободы «внутри и снаружи», становится практически невозможным, так как оказывается подчинен критериям эффективности, продуктивности и т. д. В связи с этим зародился новый тренд на использование стимуляторов умственной и творческой активности при помощи вполне научных разработок – медикаментозно, ментально, антропологически (биохакинг) и т. п. И хотя это приносит определенные результаты в краткосрочной перспективе, фактически же ведет к тенденциям трансгуманизма и в конечном счете отказу человека от человечности.

Цифровые технологии в жизни человека

Возникнув в ходе цифровой революции, новые технологии быстро стали проникать во все сферы экономики, так как позволяли значительно сократить издержки и повысить эффективность производства, анализа, обработки, после чего стали неотъемлемой частью жизни современного общества развитых и развивающихся стран.

Возникновение новых технических устройств на базе цифровых технологий приводит к нововведениям в различных сферах жизни человека, и если первоначально в ходе тестирования они вызывают удивление, то уже в ходе полноценного внедрения становятся обязательными для использования. В этих условиях для многих наступает очередной «шок будущего» (когда-то компьютеры произвели подобный фурор [Тоффлер 2008], теперь возможности цифровых технологий поражают воображение пользователей). Доступ к имитациям искусственного интеллекта с любого мобильного устройства, гаджеты, отслеживающие физиологические параметры владельца, домашние роботы-пылесосы – лишь малая часть того, что проникло в жизни большинства людей развитых и развивающихся стран. Автомобили с автопилотом, 3D-принтер для биоматериалов, «умный дом» и «умный город» – всему этому человек поражается, читая, смотря и слушая средства массовой информации.

В то время как для одних наступает романтическое время [Медведева 2011], описанное когда-то в романах фантастов, для других приходит эпоха антиутопий [Кутырев 2006; Кутырев, Нилогов 2014].

Цифровые технологии дают личности огромные возможности для самореализации и саморазвития – создание произведений искусства в виртуальном пространстве, совершенно новых технических устройств или проведение биологических экспериментов практически в домашних условиях (DIY-биология).

При этом слишком большое включение в информационную среду накладывает целый ряд ограничений, человек становится практически беспомощным, если вдруг оказывается в природной среде. В связи с огромным значением техники в жизни человека ситуация ее отсутствия или выхода из строя делает его практически нежизнеспособным. Кроме того, лишь малая часть населения имеет необходимые знания и умения для жизни без техники или обладает широкими познаниями в технической сфере. Таким образом, среднестатистический индивид не может обойтись без помощи специалистов.

Человек, получая огромные возможности, недоступные прежним поколениям, не всегда использует их эффективно и по назначению. Сосредоточив в своих руках фактически мощь мифических демиургов, человек, как правило, использует ее в целях довольно тривиальных. Напомним, что основу современного интернет-трафика составляет продукция порнографического содержания (до 30 %), а почти 5 % всех заходов с персонального компьютера в сеть приходится на порносайты [Hussey]. Также основным потребителем технологий цифрового моделирования являются вовсе не ученые, а создатели компьютерных игр. А сами игры занимают огромное время в повседневной жизни пользователей, заменяя действия в предметной реальности [Медиафилософия... 2016]. Личность все в большей степени переходит к состоянию «Человека Игры», и наблюдается рост тенденции геймификации во всех сферах жизни [Хусяинов 2017].

С другой стороны, проникновение технических средств существенно ограничивает свободу личности. Так или иначе человек оказывается в тесном контакте с техникой, которая способна не только обрабатывать и хранить его личные данные и запросы, но и передавать их государству, бизнес-структурам или злоумышленникам [Благовещенский 2018]. Кроме того, государственные органы в рамках своей информационной политики определяют, к какой информации доступ должен быть ограничен [Косоруков 2018]. Более того, существуют целые государственные программы по развертыванию системы социального рейтинга [Персианинов], которая предполагает комплексный сбор и анализ данных о гражданах на государственном уровне.

Человек и «цифровые вещи»

Формируется новый жизненный мир, фактически состоящий из информации. Привычные действия, ранее совершаемые в живой антропологически-предметной реальности, теперь заменяются взаимодействием с устройством, а в действительности – обменом потоками информации. Теряется социальная значимость процесса потребления. Вместо похода в магазин человек отправляется на поиски по сайтам интернет-магазинов, где и совершает все нужные ему покупки. Иными словами, человек более может не зависеть от своей телесной мобильности, проводя все свободное время там, где ему наиболее комфортно и удобно. При этом информационные потоки стирают существующие национальные и культурные границы и географические ограничения.

Все больше людей по всему миру становятся пользователями – «жителями» глобальной сети, которая дает им возможность не только коммуникации, обмена и взаимодействия, но и обеспечения своих базовых потребностей. По состоянию на начало 2018 г. уровень проникновения глобальной сети составил 54,4 %, при этом самый высокий уровень в Северной Америке – 95 %, а самый низкий в Африке – 35,2 % [Internet...]. Столь высокий уровень доступности сети Интернет дает человеку достаточно большие возможности интеллектуального обогащения, обусловленные неограниченностью коммуникации и скоростью передачи данных. Сфера занятости уже достаточно сильно дифференцирована в пространстве, так как множество работников, занимающихся производством информационной продукции (программы, графика, тексты), могут выполнять свою работу в любой точке мира, а компаниям выгодно отдавать часть работ на фриланс и аутсорсинг.

При этом в формируемой новой цифровой экономике все большую долю занимает создание именно таких «неопредмеченных вещей» – программного обеспечения, веб-продуктов и т. д., что, однако, все еще требует активной интеллектуальной и творческой деятельности. Но стоит отметить возникновение такого явления, как майнинг криптовалют, где участие человека минимально, притом что их техника создает «цифровые вещи», которые необходимы лишь для существования других «цифровых вещей». Производство криптовалюты основывается на работе специализированного ЭВМ и фактически не требует никакого вмешательства со стороны оператора, тем самым снимая с него функционал интеллектуальной и творческой деятельности. Человек превращается в средство обслуживания «машин», которая производит товар, востребованный исключительно в рамках цифрового мира. Человек становится не нужен для обеспечения самого себя.

Заключение

Современный мир в контексте цифровой революции переживает серьезные изменения, которые затрагивают жизни миллиардов людей. Индивид, сталкиваясь с цифровыми технологиями, вынужден реагировать даже в тех случаях, когда он сам отказывается от их использования. Проникая в экономику, дигитализация меняет социально-трудовую структуру, требуя от индивида новых стандартов профессионального поведения, знаний и умений. Внедрение цифровых технологий в городское пространство или привычную технику, например автомобили, влияет на особенности их функционирования и взаимодействие, которое происходит между человеком и городом, человеком и автомобилем и т. д.

Развитие и распространение технологий в условиях ускоряющихся темпов жизни накладывают дополнительный отпечаток на личность. Растущий темп заставляет личность подстраиваться под постоянно меняющийся мир, при этом сохраняя постоянный риск и чувство неизвестности.

Все эти радикальные вызовы погружают человека в состояние шока, подобное тому, которое было описано Элвином Тоффлером. Человек переживает сложный экзистенциальный кризис, оказываясь один на один с «новым дивным миром», в котором для него не всегда есть место.

Литература

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Благовещенский А. Урок Цукерберга. Чему лично вас учит последняя утечка данных из Facebook // Российская газета. 2018. № 7529(66) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/03/28/chemu-uchit-posledniaia-utechka-dannyh-iz-facebook.html> (дата обращения: 22.04.2018).

Данилова Е. Н. Турбулентное время... в Швейцарии // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 3–5.

Косоруков А. А. Цифровая публичная сфера современного общества: особенности становления и контроля // Социодинамика. 2018. № 2. С. 14–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.2.24442.

Котляров М. А., Рыкова И. Н. Вызовы цифровой экономики в контексте распределения налогооблагаемого дохода между государствами: опыт ОЭСР // Финансовые исследования. 2015. № 1. С. 10–18.

Кутырев В. А. Могущественный раб техноса... // Человек. 2006. № 4. С. 47–62.

Кутырев В. А., Нилогов А. С. Время высоких технологий: взлет и падение человека // Философия хозяйства. 2014. № 2. С. 259–273.

Медведева Т. Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20. С. 45–61.

Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / под ред. В. В. Савчука. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2016.

Персианинов Р. «Механизмы поощрения и наказания»: как в Китае устроена экспериментальная система оценок граждан и компаний. Tjournal: [сайт]. URL: <https://>

tjournal.ru/67888-mehanizmy-pooshchreniya-i-nakazaniya-kak-v-kitae-ustroena-eksperimentalnaya-sistema-ocenok-grazhdan-i-kompaniy (дата обращения: 22.04.2018).

Попова С. М., Яник А. А. Цифровая инфраструктура взаимосвязей между обществом, наукой и медиа как фактор перехода к экономике знания // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2014. № 12. С. 1–35.

Ромашов Р. А. Цифровое государство (Digital state) – новый тип государства или форма глобального мирового порядка? // *История государства и права*. 2017. № 4. С. 3–11.

Стратегия научно-технологического развития России: [сайт]. URL: <http://sntr-rf.ru/expert/nauka-budet-rabotat-po-bolshim-vyzovam/> (дата обращения: 22.04.2018).

Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2008.

Утемов В. В. К вопросу формирования инновационного мышления учащихся общеобразовательной школы посредством решения задач открытого типа // *Вестник ВятГУ*. 2010. № 2. С. 31–35 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-formirovaniya-innovatsionnogo-myshleniya-uchaschihsya-obscheobrazovatelnoy-shkoly-posredstvom-resheniya-zadach-otkrytogo> (дата обращения: 09.04.2018).

Хусяинов Т. М. Тенденции геймификации и креативизации в трудовых отношениях эпохи Постмодерна // *Философия хозяйства*. 2017. № 2. С. 93–104.

Шмагун А. А. От малого государства к развитому «цифровому обществу»: опыт Эстонии // *Проблемы управления* (Минск). 2015. № 3. С. 73–85.

Hussey M. Who are the Biggest Consumers of Online Porn? // *The Next Web*: [сайт]. URL: <https://thenextweb.com/market-intelligence/2015/03/24/who-are-the-biggest-consumers-of-online-porn> (дата обращения: 22.04.2018).

Internet World Stats: [сайт]. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 22.04.2018).

СТАТУС И МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА В ПОСТМОДЕРНЕ

Гезалов А. А., Коркия Э. Д., Мамедов А. К.*

В статье рассматривается утрата университетами моделей и способов действенного самообоснования в «мерцающей реальности». Попытки ревитализировать статус «alma mater» вызваны новыми для будущего образования факторами, в корне меняющими его функционирование. Тем не менее в эпоху глобализации, тотальности прагматизма и «когнитивного капитализма» вера в эффективность преобразования университетов устойчива. Акцентируется внимание на влиянии новых цивилизационных факторов (Интернет, глобальная экономика, массовая миграция и т. д.), на традиционных форматах университета, способах учебной коммуникации.

Ключевые слова: глобализация, динамика роли университета, модели самообоснования, институциональный прагматизм, новые цивилизационные факторы, онлайн-образование, статус.

The article examines the loss by universities of models and ways of effective self-motivation in the 'flickering reality'. The attempts to revitalize the status of alma mater are caused by new factors for the future of education, radically changing its functioning. Nevertheless, in the era of globalization, the totality of pragmatism and 'cognitive capitalism', the belief in the effectiveness of the transformation of universities is stable. The attention is focused on the impact of new civilizational factors (the Internet, the global economy, mass migration, etc.), on the traditional formats of the university, the ways of educational communication.

Keywords: globalization, dynamics of the university's role, self-motivation model, institutional pragmatism, new civilizational factors, online education, status.

В современной науке все чаще поднимается вопрос о кризисе и цивилизационных последствиях для Университета. Так, социолог Р. Барнет констатирует: «Университет остается выдающимся социальным институтом, у которого есть масса возможностей. Определение и исследование этих возможностей должны вдохновляться удвоенной верой, что университет стоит того, чтобы за него бороться...» [Barnett 2012: 29]. Очевидно, что тезис об экзистенциальной ценности университета, его «вековечном» статусе стимулирует интеллектуальные разработки, где присутствует определенная тревожность, связанная с судьбой «храма науки». В целом большинство авторов (в первую очередь отечественных) считает,

* Гезалов Ариз Авяз оглы – к. ф. н., заместитель вице-президента Российского философского общества Российской академии наук по международным делам (г. Москва, Россия). E-mail: arizkam@mail.ru.

Коркия Эка Демуриевна – к. с. н., доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия). E-mail: ekakorkiya@mail.ru.

Мамедов Агамали Куламович – д. с. н., профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия). E-mail: akmnauka@yandex.ru.

что «университет будущего» можно назвать «университетом прошлого» в отрицательном контексте, поскольку ключевая интенция нового университета вновь будет направлена на то, чтобы стать центром социального престижа и власти, неравенства, почти монопольным лифтом, хотя и положительные последствия (при определенном раскладе) отнюдь не исключены [Мамедов 2017а: 49–57]. Более того, в своих воображаемых сценариях «университету будущего» они в той или иной форме возвращают классическую (в духе В. Гумбольдта) просветительскую и социальную миссию (Х. Ортега-и-Гассет), иногда в виде современных модификаций (И. Иллич). Представлена также и нейтральная (модульная) позиция, заключающаяся в том, что «идея университета» в настоящее время может использоваться в качестве «зонтика», рамки, некоего гибкого набора ниш для отраслей знаний и индивидуумов [Rothblatt 2012: 43]. В отношении перспектив классического института образования и культуры ставятся диагнозы самого широкого спектра (от эрозии и девальвации до краха), в том числе есть и самые апокалиптические прогнозы. В. Вахштайн отмечает: «Университет становится чем-то, что заново должно отстаивать свою автономию. Больше не работают стандартные модели легитимации университетской самозаконности. Но важнее, что языки описания, производимые в недрах европейских университетов, теряют свою убедительность. Тогда и самим университетам требуется новая стратегия самообоснования [Вахштайн 2014]. Утрату «стандартных моделей легитимации университетской самозаконности» засвидетельствовал английский исследователь Б. Ридингс, который положил начало современным массовым сетованиям по поводу перспектив университета. Классическая идея университета как основного института культуры, разработанная представителями европейской мысли эпохи Просвещения и сохранившаяся с определенными модификациями вплоть до середины XX в., не является для университетов легитимным дискурсивным источником самоопределения и самоописания.

Первые университеты возникают в раннем Средневековье. Стимулом этого, по мнению многих исследователей, служат Григорианская реформа, усиление роли церкви, укрепление и укрупнение европейских городов, а также новая геополитика, связанная с потребностью расширения рынков. Университеты складываются (по подобию) в виде особых корпораций, «universitas» – общество (сообщество) равных [Мамедов 2017а: 17]. Изначально этот термин мог быть применен к любому объединению преподавателей и студентов, но лишь в XIII в. стал употребляться исключительно по отношению к учебным объединениям. К тому времени люди, обладающие знанием, интеллектуалы, которые раньше работали в монастырях или при дворах, переселившись в города, стали преподавать по желанию. В первую очередь студентов учили мыслить структурированно и цельно, что давало возможность формулировать проблемы и находить возможности их решения. Взаимная клятва верности сообществу, которую новые члены давали при вступлении, к XIII в. сформировалась в типовой университетский устав, закреплявший регламент учебного процесса, правила (не только внешние) общежития и даже форму одежды. Университетские корпорации были независимы от светских и местных церковных властей, но формировались с официального разрешения папы римского.

Со временем роль университета стала меняться, появлялись альтернативные социальные лифты и утрачивалась независимость от институтов власти. Все чаще

с целью консервации статуса университет выступает в качестве советника и апологета монархов, легитимируя власть в знаниевом (культурном) поле, взамен получив право на «неутилитарное» знание [Мамедов 2017б: 337–338]. К концу XVII в. начинается системный кризис высшего образования в Европе, интеллектуалы выступают за ограничение университетов, ибо обществу в период промышленной революции требуется прикладное, профессиональное образование. Так в стремлении к утилитарности знания и образования во Франции были проведены реформы высшего образования, которые завершил Наполеон I. В противовес этому в 1809 г. В. Гумбольдт подготовил меморандум «О внутренней и внешней организации научных учреждений в Берлине», фактически сохранив ценность свободного от практики и «профессий» знания. Тем самым Гумбольдт зафиксировал необходимые правила для существования фундаментального научного знания, но финансирование переходило государству, как и назначение профессоров, ибо университетская корпорация могла утратить стимулы работы на благо общества, не производя знаний, превосходивших ее собственные.

В целом можно выделить три базовые модели европейского университета, вписавшиеся в современную социокультурную ткань. С некоторой долей условности их можно определить так: либеральная английская система, разработанная А. Смитом, в коей университет – это прежде всего институт общества, где встречаются потребители и производители знаний; французская модель (Наполеон I) с доминантой актуального практического (чаще технологического) знания; и (получившая название классической) модель университета как особой культурной и образовательной самоценности [Лиотар 1998: 15]. Нынешнее изменение роли Университета «обусловлено прежде всего крахом национально-культурной миссии, которая раньше обеспечивала его *raison d'être*... он больше не связан с судьбой национального государства, так как перестает выступать в роли творца, защитника и распространителя идеи национальной культуры» [Ридингс 2010: 83]. На рубеже XX–XXI в. университеты вступили в транснациональную экономику, будучи акторами этого процесса, поэтому они связаны не столько с модерными понятиями национального государства и культуры, сколько с прагматикой эффективного управления, корпоративной идеологией «высокого качества» и «капитализмом знаний», или так называемым «когнитивным капитализмом» [Руллани 2007].

Неслучайно и возникновение новых явлений, существование которых было невозможно или маркировано как оксюморон, как то: «коммерческая деятельность университета или академический капитализм», менеджериализация и «макдональдизация» образования. На месте былого спекулятивного (трансцендентального) «метанарратива», на котором базировался университет почти три столетия [Лиотар 1998: 12], возникло множество разнообразных моделей университета, зачастую и не отвечающих требованиям и статусу Университета (в классическом понимании). Б. Ридингс заключает, что «сегодняшний Университет – это институт, теряющий потребность в трансцендентальном обосновании своей функции» [Ридингс 2010: 81], подчиняющийся логике *институционального прагматизма*. Коллектив авторов (М. Барбер, С. Ризви) выделили несколько форм, реальных и гипотетических, позиционирования современных университетов: элитный университет; массовый университет; университет, занимающий определенную нишу; местный университет; университет, обеспечивающий обучение в течение всей жизни. С введением ука-

занной типологизации можно фреймировать требования глобального общества и рынка между различными видами университетов. Остается открытым вопрос, будет ли при таких критериях каждый тип учебного заведения в действительности являться Университетом (в классическом понимании). Тем не менее, по мнению авторов, элитный университет должен обладать крупными фондами, большой долей исследовательских грантов, известными выпускниками, длительной и исключительной историей существования, среди его преподавателей должны быть виднейшие деятели науки, в нем должны обучаться талантливые студенты со всего мира, также университет такого типа нацелен на установление личных контактов со студентами, то есть развивает систему наставничества.

Массовый университет использует глобальные наработки, адаптирует, обеспечивает хороший уровень образования, удовлетворяющий растущий массовый спрос, формирует разнообразные курсы и дисциплины, а также новые возможности и методы обучения (могут включать онлайн-курсы), студент волен сам составлять план обучения, преподают в университетах такого типа не деятели науки, а люди, реализующие преподаваемые дисциплины на практике. Нишевый университет – это чаще всего частный коммерческий, обладающий обширным планом дисциплин по выбранной нише, индивидуальным подходом к прямому или онлайн-обучению, зачастую принадлежит какой-либо компании и готовит специалистов исключительно для ее профессиональных запросов, гонорары профессорско-преподавательского состава обычно в два раза выше среднего. Местный университет, как следует из названия, действует для нужд региональной экономики, проводит обучение умениям и навыкам для прикладных исследований, входит в число наиболее влиятельных вузов страны, включает также университеты, преподающие дисциплины, требующие личного присутствия и практической работы (медицинские, технические и т. п.). Обучение в течение всей жизни не прикреплено ни к одному из классических институтов, оно может быть получено в качестве опыта и закреплено в сдаче теста, представлено в качестве узконаправленных курсов, как ответ на потребность какой-либо группы людей в информации определенного типа. Стоит учитывать, что это не модели университетов в чистом виде, а модели (идеальные типы) новых структур, некоторые из которых основываются на классическом университетском образовании, другие значительно прагматизируются и направляются на узкопрофессиональные потребности, а третьи вообще трансформируются до потери статусности.

В последнее десятилетие стало ясно, что различные измерения глобализации трансформируют образовательные форматы в сторону расширения вариативности технологий и возможностей образования. Изменения затрагивают не только управленческие структуры вузов, но и сложившиеся вузовские практики – учебный процесс, способы организации и подачи материала, форм контроля знаний, практики научно-исследовательской работы, линии образовательной и научной карьеры. К новым цивилизационным факторам (вызовам) социологи относят прежде всего: а) сциентизацию бытовых практик и появление *Интернета*; б) однозначное *доминирование визуальной и потребительской культуры*; в) *миграционные потоки и детерриториализацию социальной жизни* («новое кочевничество»); г) *влияние транснациональных экономических интересов*; д) *новое прочтение традиционных норм (свобода, творчество, смысл и цели)* [Мамедов 2017в: 215]. Вхождение университета в глобальную экономику трактуется

многими исследователями не просто как «вымирание» или хотя бы угроза оно, а как процесс, способствующий включению университета в легитимацию социального неравенства, социальной несправедливости и наступлению на демократию [Олейников 2013: 20].

Корпоративизация университетов, каузализация преподавательской деятельности, тенденции прекаризации, ограничения сложившихся веками академических свобод и практик, существенное расслоение в доходах и властных функциях в преподавательском составе, сокращение государственного финансирования университетов – тема левых интеллектуалов, критиков неолиберального университета [Nelson 2010: 61]. А. Жиру пишет: «В неолиберальном рыночном обществе отсутствуют те сферы (от общего и высшего образования до популярных СМИ и культуры электронных средств), которые могли бы развить в людях то, что можно называть гражданским воображением... Многие вузы не просто отошли от своей демократической миссии: кажется, что они стали глухи к бедам студентов, попадающих в незнакомый жестокий мир высокого уровня безработицы, вероятности деградации и вгоняющих в тупое отчаяние долгов. ...Некоторые колледжи и университеты все чаще распахивают свои двери корпоративным интересам, стандартизируя программу обучения, вводя иерархические модели управления и учебные курсы, продвигающие предпринимательские ценности, свободные от социальной и этической ответственности.

Слишком многие университеты вместо того, чтобы способствовать развитию морального воображения и критически важных способностей студентов, нацелены на штампование будущих управляющих хедж-фондов, формирование политически неактивных студентов и продвижение образовательных систем, проповедующих “технически подкованную покорность”... В этом новом “позолоченном веке” денег и прибыли авторитет академических дисциплин определяется эквивалентом их рыночной стоимости...” [Giroux 2013]. Вместе с тем левый дискурс, несмотря на необходимость воспроизводства социальной критики, «критической педагогики», напоминание о принципах социальной справедливости, в силу устоявшихся идеологием не замечает глобальных цивилизационных тенденций, которые в силу тотальности технологических новаций сами по себе могут привести к радикальнейшим трансформациям всего поля высшего образования и географии его доступности. Причем к изменениям, затрагивающим глубинные (системные) коммуникативные и когнитивные практики передачи, «культурного прочтения» и усвоения научных знаний.

Безусловно, открытый доступ к информации «здесь и сейчас», непосредственный вход в информационные базы в корне меняет сам характер педагогической деятельности, систем коммуникации «профессор – студент». А невиданная ранее технологическая легкость монтажа всегда имеющихся в сети чужих высказываний на любую заданную тему приводит к инфляции значимости исследовательской работы, заменяя ее зачастую тривиальной компиляцией, с чем и связано появление (в мировой практике) столь масштабного явления, как плагиат. И, как следствие, происходит девальвация роли одного из базовых агентов культурной политики – библиотек.

Возникновение цифровых академических сетей, создающих аналог университетской среды, размещение в сети ведущими университетами мира бесплатных учебных курсов лучших профессоров поначалу было призвано работать

исключительно на имидж университетов, но в итоге породило эгалитаризацию и большую доступность качественного высшего образования. Затем последовало появление открытых онлайн-учебных площадок (МООС), предлагающих широкую палитру курсов ведущих университетов, причем уже с возможностью академического общения (как синхронного, так и асинхронного) и получения официальных образовательных сертификатов. Например, появление и развитие МООКов (массовых открытых онлайн-курсов) дает повод ряду аналитиков говорить не только о коренном переделе образовательного рынка, но и о грядущей безусловной монополии десяти ведущих университетов мира, которые просто вытеснят с рынка все остальные университеты. А по данным Goldman Sachs, объем венчурного инвестирования в новые образовательные технологии к 2016 г. превысил миллиард долларов, притом, согласно тенденции последних лет, каждый год эта цифра увеличивается почти на полмиллиарда долларов [Лехциер 2014: 24].

Здесь важно подчеркнуть, что влияние МООКов на традиционные форматы образования предполагает макро- и микроперспективы анализа этого влияния: мировые тренды и глобальные трансформации рынка образования, воздействие на привычные аудиторные способы обучения и научной коммуникации. Прогнозируется, что МООКи не вытеснят классические университеты, но радикально изменят рынок, и тем быстрее, чем скорее работодатели начнут доверять онлайн-дипломам, а вузы – включать онлайн-курсы в свои программы; МООКи снизят издержки вузов и повысят качество обучения в основном за счет чужих курсов. Все это приведет к формированию университетских консорциумов, сделает возможным снижение государственных расходов на образование за счет новой географии [Там же: 20].

Вместе с тем это приведет к резкому сокращению профессорско-преподавательского состава вузов, чему многие их представители будут активно сопротивляться. Макроанализ электронных образовательных коммуникаций будет быстро насыщаться увеличивающимися в геометрической прогрессии эмпирическими количественными данными и теоретическими обобщениями вплоть до геополитического аспекта этого явления и его влияния на конечное качество и культурное разнообразие академической науки [Альтба 2014: 74]. Но вот микроуровень, то есть наиболее приближенный к повседневным и рутинным университетским практикам исследовательский ракурс, еще нужно обозначить.

Авторы, в целом скептически относясь к возможности МООКов в обеспечении системности образования или его социализирующих функций, прогнозируют неизбежные трансформации в устоявшихся когнитивных и даже физиологических процессах овладения знаниями, которые должны произойти под влиянием электронных технологий. «Нас ждет геймификация, распространение симуляторов, использование виртуальной реальности 3D» [Лехциер 2014: 23].

«Дальнейшее развитие технологий позволит создавать гибкие индивидуальные сценарии занятий, когда содержание курса адаптируется под скорость усвоения и ошибки каждого студента. При этом в качестве параметров оценки обучающегося будут использоваться не только ответы, но и анализ его состояния. ...Вскоре все это можно будет превратить в хорошо налаженный технологический процесс с детальным контролем в режиме реального времени» [Там же: 25–27]. Занятия – уже не образовательные эйдосы, не идеальные сущности, а лишь практики, заданные исключительно технологическими фреймами, это эпифеномены компьютерных программ, опций и интерфейсов, что породило

совершенно новую коммуникативную ситуацию в акте передачи знаний. Так, например, неограниченная аудитория онлайн-лекции – и количественно, и качественно (возраст, культура и среда) – заставляет лекторов искать универсальные примеры и аргументацию, множественные, поликультурные точки релевантности.

В то же время происходящее в имманентности аудитории начинает корректироваться, ускоряться, видоизменяться, трансцендировать за стены университетов, интериоризировать новые нормы и практики, рожденные из духа электронных информационных технологий.

Литература

Альтба Ф. Дж. Массовые открытые онлайн-курсы как проявление неокOLONиализма: кто контролирует знания // *Международное высшее образование*. 2014. № 75. С. 42–51.

Вахштайн В. С. Метафорика университета. 2014 // *ПостНаука* [Электронный ресурс]. URL: http://postnauka.ru/longreads/13096?fb_action_ids=655923601089253&fb_action_types=og.likes&fb_source=timeline_og (дата обращения: 10.10.2014).

Лехциер В. Л. Университет в глобальном мире: «обитание в руинах» или новый золотой век? // *Вестник Самарского государственного университета*. 2014. № 9. С. 21–29.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 1998.

Мамедов А. К. Архитектура научного знания (анализ методологических оснований) // *Социология*. 2017а. № 3. С. 49–57.

Мамедов А. К. Новая миссия университета: храм науки или корпорация // *Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса: сб.* Минск : Беларуская навука, 2017б.

Мамедов А. К. Эпистемология социального познания. М. : КАНОН+, 2017в.

Олейников А. Университет держит оборону (обзор англоязычных работ о критическом состоянии современного университета) // *НЛО*. 2013. № 122. С. 338–348.

Ридингс Б. Университет в руинах. М. : ВШЭ, 2010.

Руллани Э. Когнитивный капитализм: *dejavu?* // *Логос*. 2007. № 4. С. 64–69.

Barnett R. Introduction // *The Future University: Ideas and Possibilities* / ed. by R. Barnett. New York; London : Routledge, 2012.

Giroux H. A. Public Intellectuals Against the Neoliberal University. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.truth-out.org/opinion/item/19654-public-intel-lectuals-against-the-neoliberal-university> (дата обращения: 10.10.2014).

Nelson C. No University is an Island: Saving Academic Freedom. New York; London : New York University Press, 2010.

Rothblatt Sh. The University of the Future Is the University of Today // *The Future University: Ideas and Possibilities* / ed. by R. Barnett. New York; London : Routledge, 2012.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Alexander N. Chumakov. Major trends of the global development: realities and prospects (pp. 3–15).

Leonid E. Grinin. Revolutions, historical process and globalization (pp. 16–29).

Orazaly Sabden. The network management: state, science, society, and their interaction (pp. 30–38).

Elena I. Glushenkova. Nikolay N. Moiseev's ideas in the works of contemporary Russian social scientists (to the 100th anniversary of academician Nikolay Moiseev) (pp. 39–50).

Processes of Globalization

Mikhail Ch. Zalikhanov, Stanislav A. Stepanov. Modern world of global processes in the works of Danilo Markovic (to the 85th anniversary of the outstanding Serbian scientist) (pp. 51–61).

Hortensia Cuellar. The Silk Road: a new developmental pattern? (pp. 62–69).

Kendzha B. Babayev, Mukhabbatsho Z. Kobilov. The impact of globalization on the cultural identity of the Tadzhik migrants in Russia (pp. 70–78).

Global Issues

Gunhild L. Hoffman. Political analysis activity for conflict resolution in the global world (pp. 79–92).

Daniyal S. Magomedov. Terrorism as a global threat in the 21st century: theoretical pathways of comprehension (pp. 93–106).

Pavel V. Piven. Digital slavery or digital heaven? (pp. 107–113).

Olga V. Kurbacheva. The issue of ethnic conflicts in the situation of global instability (pp. 114–124).

Nature, Society, and Humans

Dmitry K. Stozhko. Civil war as a political phenomenon (to the centenary year of the start of the Civil War in Russia) (pp. 125–136).

Rita V. Goleva. Mineral resource management and Russia's sustainable development (pp. 137–144).

Vladimir V. Slyusarev, Timur M. Khusyainov. Digital revolution and the existential crisis of a personality (pp. 145–151).

Ariz A. Gezalov, Eka D. Korkia, Agamali K. Mamedov. The status and mission of a university in the post-modern times (pp. 152–158).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб.: Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мировоззренческий механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М.: Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 4(28), 2018. – 160 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Технический редактор *К. Р. Таишланова*
Корректор *Н. В. Самсонова*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 26.11.2018. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,9.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10